

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМ. А. ДОНИША

ТАДЖИКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. В. И. ЛЕНИНА

О. Б. БОКИЕВ

**ОСВЕЩЕНИЕ ИСТОРИИ ТАДЖИКОВ
И ТАДЖИКИСТАНА В ТРУДАХ
РУССКИХ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ
ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ**

Душанбе: Дониш, 1991 г.

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМ. А. ДОНИША

ТАДЖИКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. В. И. ЛЕНИНА

О. Б. БОКИЕВ

ОСВЕЩЕНИЕ ИСТОРИИ ТАДЖИКОВ
И ТАДЖИКИСТАНА В ТРУДАХ
РУССКИХ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ
ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Душанбе: Дониш, 1991 г.

А Н Н О Т А Ц И Я

на монографию О. Б. Бокиева «Освещение истории таджиков и Таджикистана в трудах русских дореволюционных исследователей». На русском языке, объем: 10,5 п. л., ответств. ред. чл.— корр. АН Таджикской ССР М. Р. Масов.

Монография является первой попыткой комплексного и полного рассмотрения русской дореволюционной историографии изучения и освещения истории таджиков и Таджикистана. В ней с позиции марксистско-ленинской методологии и критического подхода подвергаются объективному историографическому и источниковедческому анализу труды русских дореволюционных исследователей и впервые обобщаются их вклады и заслуги в изучении и освещении истории и языка таджикского народа с XVI до середины XIX в. Работа рассчитана на научных работников, историографов, источниковедов, историков, востоковедов, аспирантов, преподавателей вузов, учителей истории средних школ и широкий круг читателей, интересующихся историей, а также историей культуры таджиков и других народов Средней Азии и сопредельных стран Востока.

Адрес издательства: 734029, г. Душанбе, ул. Айни 121/2
Издательство «Дониш» АН Тадж. ССР

ВВЕДЕНИЕ

Процесс перестройки, революционное обновление нашего социалистического общества убедительно показывают, что не только история советского периода, но и история народов нашей многонациональной страны дореволюционного периода остро нуждаются в пересмотре, в новом освещении и разработке с позиции марксистско-ленинской методологии. Без всестороннего, объективного изучения и освещения истории каждой нации и народностей в отдельности, и всего советского народа в целом нельзя и невозможно определить и показать роль и заслуги каждого народа, нации в создании сокровищницы мировой цивилизации.

Сознавая необходимость и актуальность разработки истории народов Советского Союза, прежде всего вспоминается прозорливость и правдивость высказываний основоположников научного мировоззрения о человеческом обществе и природе К. Маркса и Ф. Энгельса. «Мы,— писали они,— знаем только одну—единственную науку, науку истории. Историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны неразрывно связаны до тех пор, пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга»¹. Эти пророческие высказывания основоположников научного коммунизма теперь стали аксиомами и общими признаниями всему человечеству, независимо от идеологической и политической принадлежности каждого народа.

В современном взаимосвязанном мире несмотря на различие общественно-политического строя и идеологии, общечеловеческое выживание и экологию различных регионов мира невозможно теперь представлять раздельно. Однако, это ни в коем случае не означает, что теперь для взаимосвязанного и единого мира достаточна одна, единая всемирная история в кратком или пространном ее изложении. В противоположность дворянско-буржуазной историографии марксистско-ленинская историческая наука не только признает зако-

номерность всестороннего развития каждого (даже) маленького народа и народности, но и предусматривает и считает необходимым объективное, верное освещение истории всех наций и народностей.

Коммунистическая партия и советское правительство неоднократно подчеркивали и указывали на необходимость изучения исторических связей и раскрытия глубочайших истоков дружбы народов страны Советов. Именно сознавая важность дружбы народов, академик Б. Г. Гафуров еще в 1945 г., говоря о необходимости глубокого изучения богатого исторического прошлого таджикского народа, писал: «Таджики имеют богатое историко-культурное прошлое. Все это, однако, никому... не дает прав зазнаваться или кичиться своим историческим прошлым. Богатое историческое и культурное прошлое имеют и другие народы СССР и Средней Азии. Мы должны воспитывать народ не только в духе любви к богатому историческому прошлому таджикского народа, но и в духе любви к богатому историческому прошлому других народов Советского Союза»². Эта интернациональная мысль академика Б. Г. Гафурова, высказанная им 45 лет тому назад, не потеряла своей актуальности и политической значимости и сегодня, когда перед историками стоит задача решить и пересмотреть немалые, иногда весьма острые спорные вопросы, связанные с межнациональными отношениями в нашей стране.

Нельзя не отметить, что в процессе перестройки и революционного обновления нашего социалистического общества, с одной стороны, создавались благоприятные условия для всестороннего развития всех наций и народностей нашей страны, с другой—значительно повысилось самосознание наций. При таком обстоятельстве возможно, а может быть даже неизбежно, проявление национальной ограниченности, кичливости, национализма и шовинизма. Как справедливо отмечалось в «Политическом докладе Центрального Комитета КПСС XXVII съезду», мы гордимся достижениями советской многонациональной социалистической культуры, которая, вбирая в себя богатство национальных форм и красок, становится уникальным явлением в мировой культуре. Но важно, чтобы здоровый интерес ко всему ценному, что есть в каждой национальной культуре,— говорил М. С. Горбачев,— не вырождался в попытки отгородиться от объективного процесса взаимодействия и сближения национальных культур»³.

Необходимо подчеркнуть, что первыми научными исследователями истории среднеазиатских народов, в том числе

таджиков и Таджикистана дореволюционного периода, по праву являлись русские дореволюционные востоковеды. Ими было собрано и накоплено огромное количество различных исторических сведений, статистических данных, написаны и опубликованы многочисленные труды, статьи, путевые заметки, воспоминания, в которых нашли свое отражение история, язык и культура как таджикского народа, так и других народов Средней Азии. Действительно, русские дореволюционные исследователи поистине оставили нам в наследство богатейшую литературу по истории, культуре, языкам, обычаям и религии среднеазиатских народов, в том числе таджиков. Глубокий историографический анализ трудов русских дореволюционных востоковедов и на основе их научное, материалистическое обобщение истории народов Средней Азии было и остается заветной и неотложной задачей советских востоковедов. «Пролетарская культура,— указал В. И. Ленин,— должна явиться закономерным развитием тех запасов знаний, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества»⁴ и «...марксизм завоевал себе свое всемирно-историческое значение как идеология революционного пролетариата тем, что марксизм отнюдь не отбросил ценнейших завоеваний буржуазной эпохи, а напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры»⁵. Именно советское востоковедение явилось закономерным продолжением и развитием русского дореволюционного востоковедения.

Продолжая лучшие традиции прогрессивных русских дореволюционных востоковедов, советские ученые провели громадную работу по изучению богатейшего исторического прошлого народов Средней Азии. Советские историки на протяжении многих лет ведут плодотворную систематическую работу по изучению научной деятельности отдельных русских дореволюционных востоковедов. О результатах оживленных историографических исследований свидетельствует издание собраний сочинений выдающихся востоковедов, таких как В. В. Бартольд, Е. Э. Бертельс, И. Ю. Крачковский и др., научные биографии В. В. Бартольда, И. П. Минаева, А. А. Семенова, М. С. Андреева, А. Е. Снесарева, Н. В. Ханыкова⁶ и др., публикации многих статей и работ по отдельным проблемам истории русского дореволюционного востоковедения, в том числе капитальных историографических трудов.⁷

Известный советский востоковед А. Н. Кононов был прав, когда в 1960 г. высказал пожелание, что «... в интересах пол-

ного выявления роли и места отечественного востоковедения в истории нашей культуры, в истории мирового востоковедения... выявление преемственности, подведение итогов, в целях выявления сильных и слабых сторон прежних направлений и пр. — совершенно необходимо создавать монографии о научной деятельности целого ряда выдающихся отечественных востоковедов»⁸. Несомненно, выход в свет собраний сочинений и научных биографий выдающихся русских дореволюционных и дореволюционно-советских востоковедов имел важное научное значение и свидетельствовал о большой плодотворной историографической работе советских ученых. Так как научная деятельность вышеназванных востоковедов за исключением Н. В. Ханыкова, началась после присоединения Средней Азии к России и не относится к исследуемому нами периоду, не считаем необходимым останавливаться на изданиях их научных биографий. Что касается научной биографии Н. В. Ханыкова, то она посвящена в основном научно-дипломатической деятельности его в Петербурге, Оренбурге, Казахстане, Тифлисе, Табрезе, Хоросане и Париже и во второй и третьей главах содержатся весьма краткие сведения о его пребывании в 1841—1842 гг. в Бухаре и о работе над книгой «Описание Бухарского ханства» в 1842—1843 гг. в Петербурге.

В первом сборнике «Очерков по истории русского востоковедения», изданном в 1953 г. была опубликована весьма интересная статья академика И. Ю. Крачковского «Востоковедение в письмах П. Я. Петрова В. Г. Белинскому»,⁹ в которой речь идет об одном из первых русских востоковедов — индианистов Павле Яковлевиче Петрове (1814—1875) и о его дружбе с русским революционным демократом В. Г. Белинским. Всего сохранилось одиннадцать писем, причем девять из них относятся к первому периоду пребывания П. Я. Петрова в Петербурге в 1834—1835 гг. когда он был зачислен в состав профессорских стипендиатов и изучал у знаменитого Х. Д. Френа арабский, у Ф. Ф. Шармуа персидско-таджикский, а санскритский у академика Я. И. Шмидта. Для нас эти статья, несомненно важна в том отношении, что в ней содержатся сведения о знакомстве П. Я. Петрова со знатоком восточной традиции, преподавателем Петербургского университета (1819—1849 гг.) Мирзой Джафаром (Тупчибашевым) и о творческом сотрудничестве между ними. Как известно, Мирзо Джафар был поэтом и подлинным знатоком персидско-таджикской поэзии и под его влиянием П. Я. Пет-

ров не только приступил к переводу газелей Хафиза, Шерази, но и сам начал сочинять стихи вроде газелей.

Статья А. С. Шофмана и Г. Ф. Шамова «Восточный разряд Казанского Университета» была опубликована во втором сборнике «Очерков по истории русского востоковедения»¹⁰ и является кратким очерком образования восточного разряда, развития ориенталистики и постановки преподавания на восточном разряде. Статья охватывает период 30—40-х годов XIX века, когда Казанский университет становился одним из центров русского востоковедения и на его философском факультете из различных кафедр складывался восточный разряд, выдвинувший впоследствии плеяду русских ориенталистов, пользовавшихся заслуженным научным авторитетом. Отдельные сведения, относящиеся к исследуемой нами теме встречаем и в статье Д. И. Тихонова «Из истории Азиатского музея»¹¹ и в «Списке основной литературы об Азиатском музее — Институте востоковедения Академии Наук СССР (1776—1957)»,¹² составленном О. Э. Ливотовой и опубликованных во втором же сборнике «Очерков по истории русского востоковедения».

В третьем сборнике «Очерков по истории русского востоковедения» была опубликована статья А. А. Старикова «Восточная филология в Московском университете», в которой содержится сжатая характеристика автора состояния московского востоковедения на рубеже XIX века и научно-педагогической деятельности первых русских востоковедов А. В. Болдырева (1780—1842) и П. Я. Петрова (1814—1875) в Московском университете. Характеристика, данная московскому востоковедению носит общий характер и не дает сведений о его различных направлениях. О А. В. Болдыреве, как о первом русском востоковеде, автор статьи в основном говорит о его научно-педагогической деятельности по преподаванию истории, религии, языков и законов евреев и арабов, а также русского языкознания. Что касается второго востоковеда — П. Я. Петрова, то по признанию самого автора, из-за отсутствия подробных сведений о нем, он бегло касается только научно-педагогической деятельности в Московском университете с 1852 по 1875 гг., когда П. Я. Петров возглавлял кафедру санскрита — восточных языков и вел преподавание арабского, персидского и еврейского языков.

Большой научный интерес представляет статья И. М. Оранского «Изучение истории таджикского и персидского языка в Петербургском университете», опубликованная в четвертом сборнике «Очерков по истории русского востоковедения»¹⁴.

Статья целиком посвящена научно-исследовательской деятельности русских востоковедов Петербургского университета, который с момента открытия в нем факультета восточных языков (1855 г.) вплоть до победы Октябрьской Социалистической революции являлся главным центром русского дореволюционного востоковедения, в том числе в изучении истории и таджикско-персидского языка. В статье освещается научно-исследовательская работа русских востоковедов второй половины XIX—начала XX вв. Что касается русских востоковедов первой половины XIX в., то о них в статье встречаются лишь упоминания.

Непосредственно к исследуемому нами периоду относится сравнительно большая статья А. П. Базианца «Создание института восточных языков в Москве», опубликованная в шестом, последнем сборнике «Очерков по истории русского востоковедения»¹⁵. Статья посвящена истории создания первого в России института востоковедения, так называемого Лазаревского института восточных языков, сыгравшего крупную роль в подготовке востоковедов в России. Вместе с тем Лазаревский институт, как справедливо замечает сам автор, следует рассматривать как один из центров армянской культуры, как один из лучших проводников идей русской науки и общественной мысли в среде армянской интеллигенции. Большое место в статье отведено русско-армянским отношениям конца XVIII—первой половины XIX в. и истории создания Лазаревского института восточных языков. Менее освещен в статье учебный процесс, в том числе преподавание восточных языков. Тем не менее статья дает определенное представление о состоянии преподавания персидского (т.е. и таджикского. — О. Б.) языка в Лазаревском институте восточных языков.

К началу 50-х годов относится и существенное оживление историографических и источниковедческих исследований в среднеазиатских республиках и Казахстане; в связи с чем проявился большой интерес к истории отечественного, особенно русского дореволюционного востоковедения. Свидетельством тому является активное участие историков Средней Азии и Казахстана в написании капитальных трудов, какими являлись «Очерки истории исторической науки в СССР» в пяти томах¹⁶, из которых три первые посвящены дореволюционному периоду. Так, в первом томе разделы «Исторические знания в рабовладельческих государствах Средней Азии»¹⁷, «Исторические знания у народов Средней Азии в период становления феодализма (VI—XII)» написаны крупнейшим вос-

токоведом, профессором А. А. Семеновым¹⁸, «Исторические знания у народов Средней Азии в XI—XVII вв.» — А. А. Семеновым и Я. Гулямовым¹⁹, «Историография Таджикистана в XVIII в.» — А. А. Семеновым²⁰, «Историография Узбекистана в XVIII в.» — Р. Н. Набиевым²¹, «Историография Таджикистана в первой половине XIX в.» — А. А. Семеновым²², «Историография Узбекистана в первой половине XIX в.» — Р. Н. Набиевым²³, публикация статьи Д. Е. Хайтуна и Ю. А. Шибатовой «Вклад русских ученых в изучение археологии, этнографии и истории Памира (краткий очерк)»²⁴. Во всех этих разделах в общих чертах содержатся сведения только о рукописных трудах известных и неизвестных среднеазиатских и античных авторов. Лишь в последних разделах «Историография Таджикистана» и «Историография Узбекистана» в первой половине XIX в. мы находим упоминание о пребывании посольств А. Ф. Негра, Е. К. Мейендорфа, Т. С. Бурнашева, И. М. Поспелова, Ф. Назарова и Н. Н. Муравьева, Н. П. Игнатьева в Средней Азии. Авторами разделов: «Историография Узбекистана во второй половине XIX в.» и «Историография Таджикистана во второй половине XIX в.» во втором томе «Очерков истории исторической науки в СССР» являлись В. Я. Непомнин и А. А. Семенов²⁵, «Историография Узбекистана в 90-х г. XIX в.—1917 г.» — был Н. Я. Непомнин и «Историография Таджикистана в 90-х гг. XIX в.—1917 г.» в третьем томе были А. А. Семенов и А. М. Мухтаров²⁶. В отличие от разделов первого тома, в названных разделах историографическому анализу подвергались труды русских до-революционных исследователей Средней Азии. Но их научная деятельность началась после присоединения Средней Азии к России и происходила во второй половине XIX—начала XX вв., то есть не относится к исследуемому нами периоду. К концу XIX—началу XX вв. относится и статья Д. Е. Хайтуна и Ю. А. Шибатовой.

Особенно следует отметить, что из числа ученых среднеазиатских республик самый огромный и ценный вклад по изучению научного наследия и освещению истории русского до-революционного востоковедения безусловно принадлежит видному и крупному советскому востоковеду Б. В. Лунину. Подтверждением вышесказанного являются многочисленные капитальные труды и научные статьи востоковеда²⁷, охватывающие почти все стороны славной истории отечественного востоковедения. Научные труды Б. В. Лунина так многочисленны и широкоплановы, что мы не имеем возможности дать всем им историографический анализ. Поэтому здесь касаем-

ся лишь тех работ, в которых освещалась научная деятельность русских дореволюционных исследователей Средней Азии до присоединения ее к России. В 1965 г. была опубликована самая крупная и обобщающая работа Б. В. Лунина «Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении», являющаяся результатом его многолетнего труда, за который ему была присуждена ученая степень доктора исторических наук. В соответствии с периодизацией истории русского востоковедения в Средней Азии работа состоит из двух разделов: периода до присоединения Средней Азии к России и периода после присоединения. В обоих разделах главное место занимает история собирания, описания, изучения и издания восточных рукописей, при этом следует напомнить, что как подчеркивает сам востоковед, в данной работе в основном он касается периода после присоединения Средней Азии к России²⁸. Что касается периода до присоединения, то ему отведено сравнительно незначительное место²⁹ и потому автор в большинстве случаев ограничивался перечислением собранных восточных рукописей, не раскрыв их содержания. Не нашли в этом разделе историографический анализ и труды самих русских востоковедов. Так как работа является обобщающей и посвящена истории русского востоковедения по собиранию, изучению и изданию восточных рукописей, относящихся ко всей Средней Азии, то требовать от автора показать вклад русских исследователей в освещение истории отдельных среднеазиатских народов, в том числе таджиков было бы неуместным. Тем не менее не только во втором, но и в первом разделе содержатся немало ценных сведений по истории таджикского народа, которые были нами использованы. В 1974 г. вышла в свет другая работа востоковеда «Историография общественных наук в Узбекистане», являющаяся автобиблиографическими очерками русских дореволюционных востоковедов, исследовавших Среднюю Азию с начала XIX в. вплоть до 1917 г. Из числа русских востоковедов первой половины XIX в. в нее включены только Н. В. Ханыков, В. В. Вельяминов—Зернов, В. В. Григорьев, И. Н. Березин, В. Г. Тизенгаузен. Некоторые сведения о научно-педагогической деятельности крупнейшего знатока истории и языка среднеазиатских народов В. В. Григорьева на факультете восточных языков Петербургского университета содержатся и в книге «Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения», изданной в 1979 году. В целом благодаря исследованиям Б. В. Лунина, многие русские дореволюционные исследователи Средней Азии заняли свое достойное мес-

то в истории отечественного востоковедения и их деятельность получила объективную, положительную оценку в советской историографии.

В 1981 г. издательством Московского университета была издана монография Д. Ю. Арапова «Бухарское ханство в русской востоковедческой историографии»³⁰, в которой критически анализируются труды русских востоковедов о Бухарском эмирате, исследуются причины возникновения и развития различных концепций русских дореволюционных авторов. Монография состоит из двух глав: 1) Изучение истории Бухарского ханства в России до конца 60-х годов XIX в. и 2) Бухарское ханство в русской историографии (конца 60-х годов XIX—начала XX в.) Так как к исследуемому нами периоду относится первая глава, поэтому здесь мы касаемся только ее. В ней большое внимание уделено истории формирования русского дореволюционного востоковедения, накоплению восточных рукописей и их публикация в России. В отличие от других авторов Д. Ю. Арапов подвергает историографическому анализу в основном литературу востоковедческого характера и относящуюся к Бухарскому ханству. Из трудов русских востоковедов первой половины XIX в. более подробно анализируются книги Е. К. Мейендорфа³¹ и Н. В. Ханькова «Описание Бухарского ханства»³², которые целиком были посвящены Бухарскому ханству. Значительное внимание в работе Д. Ю. Арапова уделено русско-бухарским дипломатическим и торговым связям, сыгравшим большую роль в накоплении различных сведений о Бухарском и других среднеазиатских ханствах. Верно определена автором специфическая особенность русского дореволюционного востоковедения, которая выражалась в его тесной связи с задачами внешней политики России. В целом работа Д. Ю. Арапова является первой монографией историографического характера по истории Бухарского ханства и важным вкладом в изучении богатого наследия русского востоковедения по исследованию Средней Азии.

Следует отметить, что после смерти профессора А. А. Семенова историографические исследования в Таджикистане, к большому сожалению, почти прекратились и только с начала 60-х годов вновь начали появляться историографические работы, и то только по советскому периоду истории Таджикистана, среди которых самыми важными являются фундаментальные исследования уже известного советского историографа, профессора Р. М. Масова³². Что касается историографии дореволюционного периода истории таджикского на-

рода, то следует подчеркнуть, что заметное оживление историографических исследований в самом Таджикистане относится к середине 60-х годов и началось оно именно изучением богатейшего научного наследия русского дореволюционного востоковедения. За тридцатилетний период таджикские ученые достигли значительных успехов в историографическом исследовании истории дореволюционного Таджикистана. Написано и опубликовано ими немало историографических работ и статей, среди которых на первом месте стоят исследования академика АН Таджикской ССР Б. А. Литвинского, профессора Н. М. Акрамова³³, академика АН Таджикской ССР Б. И. Искандарова³⁴, доцента Х. Ф. Акрамовой³⁵. Как видно из названия и содержания самих работ и статей авторов, они в основном, за исключением работы Б. И. Искандарова и докторской диссертации Н. М. Акрамова, посвящены изучению научно-исследовательской, общественно-педагогической деятельности отдельных крупнейших востоковедов, т. е. В. В. Бартольда, М. С. Андреева, А. А. Семенова, являющихся сперва представителями буржуазной, а затем советской историографии. Поэтому эти работы носят научно-биографический характер. Что касается работы Б. И. Искандарова, то первая ее часть в объеме 22 страниц посвящена общей характеристике научной деятельности русских ученых, исследовавших дореволюционный Таджикистан во второй половине XIX—начале XX вв. В диссертационной работе Н. М. Акрамова показан вклад русских дореволюционных исследователей второй половины XIX—начала XX вв. в изучении истории, археологии и этнографии народов Памира и припамирья.

О возрастании интереса, проявляемого в 70—80 гг. в Таджикистане к истории отечественного востоковедения, в том числе русского дореволюционного востоковедения свидетельствуют публикации большого количества научных статей и защита ряда кандидатских диссертаций³⁶. Из названных статей и кандидатских диссертаций к исследуемому нами периоду частично относится только статья М. Р. Шукурова «Дореволюционные русские исследователи страны таджиков». Она состоит из двух частей: русские исследователи периода до присоединения и исследования русских ученых после присоединения Средней Азии к России. В первой ее части на 10 страницах автор частично на основе путевых записок самих путешественников, большинство на основе трудов русских исследователей второй половины XIX в. дает краткий исторический очерк путешествий русских посольств в 1718 г. странствования Ф. Ефремова, путешествия торгового представи-

тельства в 1780—1781 гг. во главе с Мендьяром из России в Бухару, торгового каравана во главе с офицером Кайдаловым в Бухару в 1824 г. и научной экспедиции 1841—1842 гг. в Бухару в составе естествоведа А. Лемана и молодого географа и переводчика Н. В. Ханыкова. Что касается научных статей и диссертационных работ других авторов, то они целиком относятся ко второй половине XIX—началу XX вв. и охватывают в основном Восточную Бухару (т. е. юго-восточные районы Таджикистана) и Памира (вернее Горного Бадахшана. — О. Б.).

Почти двадцать лет ведет исследовательскую работу по изучению богатейшего и многогранного наследия русских дореволюционных востоковедов, исследовавших Среднюю Азию, автор настоящей работы. В отличие от других историков, занятых также изучением трудов русских дореволюционных исследователей, историографические исследования О. Б. Бокиева носят строго проблемный характер. Свидетельством тому являются его работы и статьи³⁷, в которых по принципу историзма, на основе критического историографического анализа трудов не отдельно взятых, а многочисленных русских дореволюционных исследователей, дифференцированно показан вклад каждого из них в изучении и освещении конкретных вопросов истории таджикского народа. Названия самих работ и статей вполне создают у читателей ясное представление о содержании их и потому нет необходимости давать историографический обзор. Нам остается только напомнить, что каждый исследуемый вопрос в освещении русских дореволюционных востоковедов рассматривался в строго хронологической последовательности путем критического анализа их трудов, сравнения и сопоставления различных точек зрения. При этом историографическому анализу подвергались труды и статьи всех русских исследователей (с начала XIX в. вплоть до 1917 г.). Определить насколько удалось автору справиться с поставленными задачами, дело специалистов.

Таким образом, советскими историками проделана большая работа и накоплен определенный опыт изучения русской историографии Средней Азии. Написано и опубликовано большое количество историографических работ и статей. Однако научное наследие русских дореволюционных исследователей Средней Азии так богато и многообразно, что проделанными работами уже не исчерпывается и оно нуждается в более глубоком и всестороннем изучении, обобщении, прежде всего в проблемном плане. Как видно из содержания опубли-

ликованных работ и статей, большинство из них носит научно-биографический, нередко просто информационно-обзорный характер, мало в них аналитических моментов, проблемных исследований, показывающих роль и заслуги русских дореволюционных востоковедов в освещении конкретных вопросов, не проявлен критический подход при рассмотрении их трудов. За исключением отдельных работ и статей все они в основном относятся ко второй половине XIX в. и началу XX в. Менее всего изучена история русского востоковедения первого периода, т. е. конца XVIII—первой половины XIX вв. До сих пор отсутствует обобщающая историографическая работа по истории народов Средней Азии, в том числе таджиков и Таджикистана. Нам кажется настало время перейти от общего историографического обзора и научно-библиографической характеристики к более глубокому анализу и всестороннему изучению трудов русских дореволюционных исследователей. Стало весьма необходимым силами коллективных авторов различных профилей создать обобщающие историографические труды, желательно по отдельным периодам отечественного востоковедения, ядро которого составляло русское дореволюционное востоковедение. Не секрет, что научные труды русских дореволюционных исследователей Средней Азии широко использованы, используются и будут использоваться советскими историками. С каждым годом все больше исследователей обращаются к нам в поиске необходимых материалов для своих исследований. Однако, до сих пор отсутствуют обобщающие историографические труды, в которых были бы показаны вклад и роль русских дореволюционных исследователей в изучении и освещении истории народов Средней Азии, в том числе таджиков и Таджикистана. И наконец, перестройка и демократизация нашего социалистического общества, гласность позволяют нам проявить новый подход к использованию трудов русских востоковедов, избежать односторонней оценки, пересмотреть ранее высказанные точки зрения.

Вышеуказанные проблемы, недостатки с одной стороны и важность изучения русской дореволюционной историографии Средней Азии с другой, побудили автора избрать объектом специального исследования «Освещение истории таджиков и Таджикистана в трудах русских дореволюционных исследователей». Главная задача, вставшая перед автором настоящей работы, состоит в том, чтобы по мере возможности всесторонне рассмотреть русскую историографию изучения таджиков и Таджикистана, определить место исторических сведений и восточных рукописей о среднеазиатских народах

в становлении и формировании русского дореволюционного востоковедения и показать вклад первых русских востоковедов в изучении истории и языков таджикского народа в конце XVIII—первой половине XIX вв. При этом главное внимание обращалось на сбор, накопление, изучение и издание первых исторических сведений и восточных рукописей в России, появление первых научных трудов русских востоковедов о народах Средней Азии, с историей которых тесно взаимосвязана история таджикского народа. Для достижения поставленной задачи, автор признал необходимым первую главу посвятить русско-среднеазиатским связям с древнейших времен до середины XIX в., в ходе которых происходило первое знакомство с Востоком, начался сбор и накопление первых исторических и лингвистических сведений о среднеазиатских народах, в том числе о таджиках. Принимая во внимание малоосвещенность и специфическую особенность первого периода русского востоковедения, хронологические рамки нашего исследования охватывают период с конца XVIII в. до середины XIX в., т. е. до начала завоевания и присоединения Средней Азии к России.

Методологической основой исследования послужили труды основоположников марксизма-ленинизма, в которых содержатся основные принципы материалистического понимания истории и исторических исследований, они дают ключ к правильному определению развития исторических знаний на различных этапах и к верному освещению сложных исторических процессов.

Основными источниками для нас являлись научные труды и статьи русских востоковедов, путевые заметки, записки и воспоминания русских исследователей и путешественников, отчеты, доклады и статейные дневники русских послов, побывавших в среднеазиатских ханствах, материалы дореволюционных журналов, газет и архивные документы (Центрального Государственного исторического архива СССР, Архива востоковедов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР и Архива внешней политики России).

Кроме указанных источников, для обоснованного суждения, подтверждения собственных выводов и заключений, при освещении спорных вопросов, из-за недостаточности и отрывочности источников, и наконец, для более полного освещения исследуемых вопросов автором широко использованы труды русских исследователей второй половины XIX—начала XX вв. и советских востоковедов.

Автор считает своим долгом выразить искреннюю благо-

дарность профессору, заведующему кафедрой Истории СССР Таджикского госуниверситета им. В. И. Ленина М. Б. Бабаханову, членам кафедры, особенно доцентам А. Е. Ермамадову и С. К. Конкиной, заведующему кафедрой всеобщей истории Душанбинского госпединститута профессору Т. Г. Тухтаметову, заведующей отделом Центрального Госархива Таджикской ССР И. М. Беруль за оказанную большую помощь при написании и подготовке монографии к печати, а сотрудникам Архива внешней политики России за доброжелательное отношение, подбор и доставку необходимых материалов.

ГЛАВА I. РУССКО-СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ СВЯЗИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО СЕРЕДИНЫ XIX в.*

Вопрос русско-среднеазиатских связей — один из важных страниц истории нашей многонациональной Родины, который издавна интересовал исследователей. Народы Средней Азии и предки русского, украинского и белорусского народов — восточные славяне знали друг друга с глубокой древности, торговый обмен и культурные связи между ними всегда были полезными и взаимовыгодными. Встречаются отдельные, отрывочные сведения, упоминания восточных писателей, свидетельствующие о том, что еще в IV в. до н. э. древнее рабовладельческое государство Хоразм поддерживало торговые сношения с городами северного Причерноморья¹. Географическое положение Восточной Европы и Средней Азии обусловило и ранее знакомство многочисленных восточно-славянских племен со среднеазиатскими народами.

Исторические источники свидетельствуют, что торговые пути России со Средней Азией имели огромное значение, так как Азия издавна привлекала к себе взоры европейских народов. Известно, что еще греки, римляне, венецианцы, генуэзцы и др. получали товары из далекой Индии именно через Среднюю Азию и Каспийское море, которые всегда являлись непременными посредниками при производстве торговых сношений между Востоком и Западом. Для разнообразных торговых операций греки основывали много колоний на побережьях Малой Азии и Черного моря, в том числе по р. Фазису (ныне р. Риан. — О. Б.) в Колхиде. Греки производили

---

* Настоящая глава опирается на все предыдущие работы по русско-среднеазиатским связям.

торговлю через город Саранана, расположенный на том месте, где прекращалось судоходство по р. Фазису. Этот город был сосредоточением и хранилищем восточных товаров².

Говоря о достоверности сведения греческих писателей, следует напомнить, что до завоевания Александра Македонского они хорошо знали только Малую Азию. Сведения о Средней Азии и ее народах они могли получать через своих колонистов, расселившихся по берегам Малой Азии и Черного моря. Более достоверные и точные сведения о Средней Азии дает Геродот, который хорошо знал Колхиду, Палестину, Финикию, Сирию, Ливию и Вавилон, Западный Иран. Он сообщает и о Трансоксане, лежащем за Оксом или Амударьей. Сведения Геродота были иногда весьма достоверны и подтверждались последующими авторами. Так, например, Геродот утвердительно говорил, что Каспийское море имеет большее протяжение с севера на юг, чем с востока на запад. Это сведение его заслуживает особого внимания в том отношении, что позднейшие европейские писатели представляли Каспийское море наоборот имеющим большее протяжение с востока на запад и поэтому до начала XIX в. на географических картах это море так и изображалось. Далее, подчеркивая значение Каспийского моря в мировых торговых связях между Востоком и Западом, Геродот приводит отрывки из рассказов великого греческого мыслителя (VI в. д. э.) Пифагора о его путешествии на Восток. Проезжая близ Каспийского моря, пишет Геродот, Пифагор получил распросные сведения «о небольшом бесплодном острове Огириде, покрытом солью и лишенном источников. Его положение могло бы сделать его полезным, если бы на нем установили место складки для товаров, привезенных различными народами в Персидский залив»³. Хотя здесь прямое название Персидского залива, но это ошибочно. Нам кажется более вероятным то, что Пифагор, находившийся вблизи древнего торгового пути из Индии в Европу, рассказывал об острове Огурчи, лежащем и ныне неподалеку от устья Узоя на Каспийском море. Как сообщает Геродот, Пифагор посетил Среднюю Азию при Дарии I (522—486 гг.), когда значительная часть ее входила в состав Ахеменидского государства. Следовательно, еще в VI в. д. н. э. Средняя Азия имела оживленные торговые связи с Европой. Нет сомнения в том, что знакомство и связи древних славянских племен со Средней Азией относятся и к более раннему периоду.

Во время походов Александра Македонского греки лично ознакомились со Средней Азией. При Александре находился

большой штат ученых (Аристобукт, Птоломей и др.), которые должны были описывать все страны, по которым двигались его войска. Греки лично ознакомились с Бактрией, по левому берегу Аму-Дарьи до Гиндукуша и со странами, лежащими к северу от Аму-Дарьи. Во время похода Александра Македонского учеником Аристотеля Дикеархом даже была составлена географическая карта тех стран, через которые порождали македонские войска⁴. Однако, карта до нас не дошла. К большому сожалению, не сохранились и большей частью записки, и русские дореволюционные востоковеды могли пользоваться ими лишь в отрывках, и то через труды более поздних греческих авторов. В первом веке до н. э. римляне, завоевав Босфорское царство, все греческие колонии на побережье Черного моря и низвергнув понтийского царя Митридата VI (66 г. до н. э.) взяли всю восточную торговлю в свои руки. Чтобы извлечь всю возможную выгоду от нее для Римской империи, римский полководец Г. Помпей для освидетельствования и описания торгового пути послал верных людей, которые донесли ему, что суда шли из Черного моря рекою Фазисой до г. Сарананы, оттуда перевозились сухим путем в несколько дней до р. Кирруса (Кура.— О. Б.), потом этой рекой шли в Гирканское (Каспийское.— О. Б.) море, из которого суда входили в реку Оксую (Аму-Дарью.— О. Б.) и следовали по ней до ее истоков из гор, где производилась торговля с индийскими купцами. Тем же путем купцы возвращались назад. До какой степени тогдашний торговый путь в Среднюю Азию широко развил торговлю и привлек туда множество различных народов, можно видеть из того, что в свое время римляне в Диоскурии (современном Севастополе.— О. Б.), лежащем на восточном берегу Черного моря, содержали для удобнейшего производства торговли и отвращения всяких недоразумений 120 человек одних переводчиков разных языков⁵.

Источники свидетельствуют, что до II в. до н. э. Китай не имел никаких торговых сношений со Средней Азией. В 140 г. до н. э. китайское правительство для поиска союзников против гуннов отправило в Среднюю Азию посланника Чжань-Цзана, который был задержан гуннами и провел в неволе 10 лет. Бежав из плена, Чжань-Цзань все-таки выполнил свою миссию, и в 127 г. возвратился в Китай. С тех пор Китай открыл торговлю шелком со странами далекого запада, принадлежавшего в это время Римской империи. По утверждению крупнейшего дореволюционного и советского востоковеда В. В. Бартольда, караванный путь, известный в

истории под названием «великий шелковый путь», проходил через Среднюю Азию и оставался одним из путей мировой торговли до установления господства европейцев над морями⁶ (т. е. до XV—XVI вв.—О. Б.) Далее характеризуя дальнейшее развитие торговых отношений между Востоком и Западом, В. В. Бартольд подчеркивает, что в III—VII вв., при династии сасанидов, пути мировой торговли в гораздо большей степени были в их руках, чем в руках римлян и византийцев, ими же велась вся торговля с Индией и Китаем.

В начале нашей эры в юго-восточной степи Восточной Европы из Центральной Азии заселились многочисленные тюркские племена, которые неминуемо сталкивались с восточными славянами, между которыми возникали не только враждебные, но и мирные, торговые сношения. Начиная с IV в. до образования древнерусского феодального государства — Киевской Руси, кочевые азиатские тюркские племена, а с VII по XIII вв. до нашествия татаро-монголов Булгарское государство на Волге выступали в качестве посредников в торгово-экономических связях между русскими и среднеазиатскими народами. Так, в VIII—IX вв. государство Хазария, занимающая территорию между Северным Кавказом, побережьем Каспийского моря, левого берега Волги и Доном со столицей Иттиль сыграло посредническую роль в торговле между Древней Русью и Средней Азией. В г. Иттиле русские купцы, как и среднеазиатские, имели свои постоянные склады для товаров. По рассказам Аль-Масуди, русские купцы проживали в одной половине города и имели своего судью⁷. В связи с этим оживилась торговля Средней Азии с Восточной Европой. Теперь, к издавна известному торговому пути из Средней Азии на запад, к Черному морю присоединился новый путь на северо-запад по Волге⁸, сыгравший в дальнейшем главную роль в торговых сношениях Средней Азии не только с восточными славянами, но и с прибалтийскими странами. Так продолжалось и после образования древнерусского феодального государства — Киевской Руси, и в период господства арабского халифата и государства саманидов. Свидетельством тому является находка огромного количества среднеазиатских монет и других памятников материальной культуры народов Средней Азии на территории восточной части России и прибалтийских стран.

Первые конкретные указания о русско-среднеазиатских отношениях встречаются в арабской исторической и географической литературе второй половины IX в. Нет сомнения в том, что знакомства и связи древних руссов со Средней Ази-

ей относятся и к более раннему периоду, что подтверждается найденными в разных местностях России множеством арабских, среднеазиатских монет, принадлежащих к концу VII в. Письменные сведения о сношениях населения Древней Руси со странами Средней Азии мы впервые встречаем в «Книге путей и государств» арабского писателя Абулкасима Убайдулла, более известного под именем Ибн-Хордарбеха⁹. По его сведениям, русские купцы — «они же суть племя из славян» — вывозили разные меха из дальнейших земель славянской страны и отправлялись с ними на судах по Волге до залива хазарской столицы (г. Иттиль близ нынешней Астрахани), где хазарский хан взимал с купцов пошлину. Отсюда они следовали далее по Каспийскому (Джорджанскому) морю, приставая в пути к любому берегу, иногда же они провозили свои товары до самого Багдада¹⁰.

Из этого краткого, но важного отрывка из сочинения Ибн-Хордарбеха можно заключить, что в то время, т. е. когда на Руси зарождались еще первые зачатки государственного устройства, русские люди успели развить свои торговые сношения с Востоком, что они уже играли немаловажную роль в балансе общей торговли Азии с Европой. Иначе арабский писатель не упоминал бы так обстоятельно о путях, которыми следовали русские торговцы. Поставленные в соприкосновение на востоке с хазарами, которым они даже платили дань, на юге — с разными тюркскими племенами, как то: печенегами, половцами, вышедшими из азиатских степей, предки древнерусской народности знакомились с соседями не через одни торговые сношения. Прежде всего им приходилось бороться с ними из-за отстаивания своей независимости, которой не раз угрожала опасность от наплыва новых кочевых азиатских тюркских племен. Затем благодаря устоявшимся связям, в особенности с хазарами, русские получали возможность ознакомиться с произведениями Средней Азии и с сопредельными с ней странами.

Немало ценных сведений о раннем периоде русско-среднеазиатских связей мы находим у персидских писателей. Так, в сочинении персидского писателя Мухаммед-аль-Ауфа «Сборник анекдотов и собрание блестящих рассказов», написанного в Индии в VII в. хиджра (т. е. в XII в. — О. Б.) для Низам-ул-Мулька Мухаммеда ибн-Абу-Са'да аль Джунайда, везира султана Шамс-Эддина Абул-Музаффара Ильтмиша (умершего в месяце шабан в 633—1236 г. н. э.)¹¹. Автор служил раньше одному из пенджабских владетелей Насреддину Кабадже и по его поручению начал составлять свой

сборник. Но еще до окончания его произошла война между Насреддином и султаном Ильтмишом, кончившаяся поражением и самоубийством первого (26 мая 1228 г.). Окончить свое сочинение Ауфи удалось уже потом, благодаря покровительству везира Джунайди. Книга Мухаммеда-аль-Ауфи, разделенная на четыре отдела включает в себе главным образом собрание исторических анекдотов, служащих для пояснения различных нравственных сентенций. Кроме того, в первом отделе автор дает краткий очерк истории персидских царей до ислама и истории халифов, а в четвертом отделе помещает несколько глав географического и космографического содержания. В. В. Бартольд в начале XX в. перевел на русский язык и издал с текстом часть главы 16 «О путях и государствах» от четвертого отдела, в которой содержатся сведения о славянах и русских. В частности, автор пишет, что у русских имеется свой царь, Буладимир (т. е. Владимир Святославич.— 980—1015.— О. Б.), который правит страной вполне самостоятельно. Он отправил послов из четырех человек к Хоразмшаху, чтобы пригласить имама для принятия ислама. Когда Хоразмшах узнал их желание, он очень обрадовался, пожаловал им почетные подарки и отправил одного из имамов, чтобы научить их правилам ислама. После этого они все сделали мусульманами¹².

Рассказ Мухаммед-аль-Ауфи любопытен, во-первых, как единственное до сих пор найденное известие, в котором упоминается имя Владимира Святославича, во-вторых, как косвенное подтверждение рассказа Летописи об отправлении Владимиром посольства для испытания вер. Посольство к мусульманам легко могло быть истолковано мусульманами в смысле желанья русских принять ислам. В связи с этим следует напомнить, что некоторые русские историки считают, что летописное известие легенда в том смысле, что русские хотели принять ислам. По справедливому замечанию видного русского историка Соловьева, «русским не было надобности искать в чужих землях представителей различных религий, которые уже давно распространяли свои учения в самой России; но с другой стороны вполне естественное желание, прежде чем остановить свой выбор на одной из этих религий, познакомиться с их действием там, где они уже получили господство»¹³.

Так как русские и персидские известия относятся сравнительно к более позднему времени (т. е. к XII—XIII вв.), поэтому в них встречаются противоречия. Так, по рассказу Летописца¹⁴ послов было 10 человек, притом они были отправлены не в Хоразм, а к волжским булгарам. Вполне воз-

можно, что болгары направили приехавших к ним послов в Хоразм, куда они сами обращались за разрешением своих религиозных сомнений. Судя по одному месту в книге Ауфи, он в молодости был в Хоразме.

Восточные, в том числе среднеазиатские монеты и другие памятники культуры народов Средней Азии, найденные на территории восточной европейской части России, были изучены как некоторыми дореволюционными русскими, так и иностранными востоковедами, среди которых особое место занимают первые знатоки восточной нумизматики из числа русских ученых П. С. Савельев¹⁵, В. В. Григорьев¹⁶ и В. В. Вельяминов-Зернов¹⁷. О значительном вкладе русских востоковедов в изучение и определение научной ценности восточных монет будет сказано в третьей главе настоящей работы. Здесь мы отмечаем лишь значение этих находок в торговом отношении. Изучая восточную нумизматику и археологию, П. С. Савельев пришел к выводу, что его «Отечество» (т. е. русская земля.— О. Б.) с первых исторических времен постоянно находилось в торговых сношениях с народами Востока, южные русские степи, от Карпат до Волги и Урала, издревле служили столбовою дорогою, по которой кочевые народы Средней Азии вторгались в Европу...»¹⁸ Все найденные до сих пор восточные монеты, по определению русских востоковедов, относятся к концу VII—началу XI века. Большинство из них саманидские и аббасидские монеты.

Одним из важных вопросов изучения восточных монет являлся тот, что каким образом и какими путями они попадали туда? Объяснением данного вопроса до и после В. В. Григорьева занималось немало ученых, большинство из которых, основываясь на малом числе находок и не зная о таковых же в других странах, в том числе в России, рассматривали его односторонне и поэтому не могли прийти к верному и единому выводу. Правда, в свое время объяснения их имели цену, но затем, с находкой и увеличением восточных монет в разных местах и странах, они устарели. Так, Шеффер полагал, что в Швецию занесли эти монеты шведы, которые служили в войсках Восточной римской империи — Византии и могли добыть их на войне с мусульманами. О. Цельский внесение их в Швецию приписывал богомольцам, ходившим на поклонение святому гробу. Шольц думал, что гольштинские находки обязаны своим появлением там крестовым походам в Азию. Бертолем занесение их приписывал пребыванию татар в Литве и соседних странах. Даже первый и единственный знаток восточных монет и рукописей, выдающийся не-

мецкий ученый Э. Я. Кер не мог дать верный ответ, считая, что найденные вблизи Данцига монеты занесены туда из Палестины тевтонскими рыцарями.

Всесторонне изучив восточные монеты различных династий и типографию их находок, а также анализируя и сравнивая мнения вышеназванных ученых, В. В. Григорьев пришел к выводу, что при нынешнем состоянии наших знаний о местности и числе находок (т. е. 60—70 гг. XIX в. — О. Б.) ни одно из этих мнений не выдерживает критики. Не вникая в глубь рассуждений В. В. Григорьева, в процессе которых он научно и аргументированно доказал несостоятельность мнений своих предшественников — иностранных ученых, следует отметить, что он первый из числа русских востоковедов на основе данных самих памятников материальной культуры, убедительно показал, каким образом и какими путями оказались восточные монеты и другие памятники в России и северных европейских странах. Чтобы убедиться в этом, достаточно указать на те основные выводы, к которым пришел В. В. Григорьев: 1) Все восточные монеты главным образом попадали в Россию и на северо-восток Европы не иначе, как в процессе торговли; 2) Из Средней Азии монеты в северную часть центральной Европы проникали не иным путем, как через северную, среднюю и западную Россию, ибо здесь повсюду видим следы этого перехода, тогда как на запад от Эльбы и южнее 52° широты не находим их нигде. Самый ближайший пункт России к Средней Азии есть казанская губерния; 3) В числе монет есть и принадлежащие волжским булгарам, которые по внешнему виду очень сходны с саманидскими и их долгое время, пока Френом не было объяснено настоящее происхождение, принимали за последних. Итак, сходство болгарских монет с саманидскими является доказательством того, что саманидские монеты служили им как бы первообразом и поэтому Булгара должна находиться в близких торговых связях с Самаркандским владением. Следовательно, саманидские монеты шли в Россию, а из нее в Прибалтику, через землю Волжских булгар. Сюда им не было других путей, как либо через Каспийское море, вверх по Волге, либо от Аральского озера через Киргизскую степь, дорогами, которыми ходили торговые караваны из Бухары и Хивы в Оренбург. Тем же путем проникли халифатские монеты; 4) Вместе с целыми монетами находятся обыкновенно и обломки, которые по своей массе превышают нередко количество первых. Обломки разной величины и остатки разные, так что, соединяя их между собою, никогда нельзя составить

целые монеты. Из этого следует заключить, что раздробление это произошло в процессе торговых операций. Причиной раздробления монет было то, что мелкая монета была необходима при всех небольших торговых оборотах, особенно внутри страны. Итак, обломки обязаны своим существованием торговле; 5) С конца VII до начала XI в. жители нынешней России вели постоянную торговлю как со Средней Азией и прикаспийскими мусульманскими странами, так и с прибрежными народами Балтийского моря, и торговля была выгодна как для тех, так и для других; 6) Торговля шла через нынешние губернии: Казанскую, Владимирскую, Рязанскую, Тульскую, Смоленскую, Минскую, Могилевскую, Витебскую, Курляндскую и Лифляндскую, севернее, через Ярославскую, Новгородскую, Петербургскую и южную часть Великого Княжества Финляндского, или через Тверскую, Псковскую и Эстляндскую, также водными путями: по Волге, Оке, Днепру, Западной Двине с одной стороны, по Волге, Шекеле, Вытегре, Свири, Неве, через озера: Белое, Онежское и Ладожское — с другой¹⁹.

Многочисленные сведения имеются о торговле Средней Азии с Древней Русью в IX—X вв. Самаркандские серебряные монеты X в., чеканные же в Самарканде, Шаше (Ташкенте) и других городах, наряду с другими драгоценными памятниками материальной культуры найдены на территории Восточной Европы. На рынках Восточной Европы большим спросом пользовались товары из Средней Азии: рис, сушеные фрукты, хлопчатобумажные, шерстяные и шелковые ткани. Из Руси в Среднюю Азию в это время везли меха, орудия, стрелы, мечи, панцири, свечи, рыбу, клей, касторовое масло, мед и березовую кору, дубленную кожу²⁰. Можно предполагать, что именно в это время под большим влиянием восточной, в том числе среднеазиатской торговли, сложилась русская денежная весовая система.

Начиная со второй четверти XI в. по XIII в. включительно полностью прекратилось проникновение среднеазиатских монет в Восточную Европу. Академик Б. И. Искандаров утверждает, что это было связано с «серебряным» кризисом, т. е. низкой пробой серебра²¹. Тем не менее торговые связи Средней Азии с русскими княжествами в XI—XV вв. не только не прекратились, даже развивались и расширялись. Опираясь на археологические данные, А. Ю. Якубовский в своих выводах писал: что торговые караваны в XI—XII вв. посещали Восточную Европу «не в меньшей, если не в большей мере, чем при вышеупомянутых Саманидах в X в.»²². Дей-

ствительно, татары Золотой Орды не могли не пользоваться выгодами торговли между Средней Азией и русскими землями. Золотая Орда сама поглощала много товаров и служила перевалочным пунктом в торговые операции между русскими и среднеазиатскими купцами. В XIV—XV вв. на территории России, в основном по Волге, в восточной и южной ее частях, именно в тех местах, где кочевали татары, попадали джугиедские монеты²³.

Любопытные сведения о торговых сношениях между Россией и Востоком дает нам автор статьи «Древний торговый путь в Среднюю Азию», согласно которому товары из Средней Азии перевозились рекой Оксусом (т. е. Аму-Дарьей) и Каспийским морем в Волгу, потом этой рекой в Казань, где новгородцы покупали их и доставляли в Новгород и Старую Русь, откуда они уже отправлялись в государства Северной Европы. Этой же дорогой татары перевозили свои товары в Европу. Другая дорога была на юге: купцы шли с Волги на Дон, до г. Таниса (т. е. Азов), где продавали свои товары венецианцам и другим европейцам, которые, в свою очередь, снабжали их европейскими товарами²⁴.

В торговле между Средней Азией и русскими княжествами важную роль по-прежнему играл Хоразм, который в XII и в начале XIII в. находился в высшей степени политического могущества и экономического подъема. Владения Хоразмшахов доходили на Мангышлак до Каспийского моря. В столицу Хоразма Гургенч (т. е. Ургенч) приезжали купцы из различных стран, в том числе русские. Как верно пишет крупный знаток истории Востока В. В. Бартольд, после монгольского нашествия низовья Волги сделались центром Золотоордынского ханства, в состав которого вошли и Хоразм и области кочевьев от Дарбандского прохода. В это время в исторических источниках больше говорится о торговом пути из южной России в Среднюю Азию и далее в Китай. На этом пути, вместе со столицей Золотой Орды — Сарай на Яхтуб, столица Хоразма г. Ургенч был одним из главных торговых городов²⁵. Торговому значению Хоразма мог содействовать тот факт, что Амударья в XIII—XIV вв. проделала себе путь к Каспийскому морю. Таким образом, торговые сношения между Русью и Средней Азией через Каспийское море были гораздо оживленнее, чем прежде. Начиная со второй половины XIII в. торговля Средней Азии с Поволжьем, а через него с русскими княжествами получила еще большее развитие. В первой половине XVI в. торговля России с Бухарским ханством развивалась через Астраханское и Казанское ханства,

являющиеся связующим звеном между Московским государством и Средней Азией. Среднеазиатские купцы часто ездили в Казань, где ежегодно собирались на ярмарку купцы из разных городов страны. Одна из улиц в центре города даже назывались Тезицким (т. е. Таджикским.— О. Б.) рвом²⁶.

Следует отметить, что из-за отсутствия письменных достоверных источников русско-среднеазиатские связи до XVI в. не нашли своего освещения как в дореволюционной, так и в советской исторической литературе. Только отдельные, разумеется, иногда не совсем точные сведения и упоминания встречаются в работах и статьях отдельных дореволюционных и советских исследователей. Лишь на основе этих и памятников материальной культуры среднеазиатских народов, какими являются восточные монеты разных периодов возможно воссоздать и показать общий ход и динамику развития русско-среднеазиатских связей с учетом изменений внутриполитических и экономических условий в русских княжествах и в Средней Азии.

Как известно из трудов дореволюционных и советских исследователей, до начала XVI в. караванные пути в Поволжье, пролежавшие через Среднюю Азию или Хорасан и Иран, а также к Средиземному морю через Переднюю и Малую Азию, оставались почти единственными каналами, по которым в Восточную и Западную Европу проникали произведения народов Средней Азии, Индии и Китая. Однако, некоторый упадок караванной торговли по указанным путям начался еще в XV в. как последствие разорительных военных походов Тимура в Хоразм и на Поволжье с одной стороны, завоевания турками Константинополя и Восточной Европы и падения Византийской империи — с другой. А на рубеже XV—XVI вв. в результате начала великих географических открытий и открытия португальской экспедицией Васко да Гамы (в 1498 г.) морского пути из Европы в Индию вокруг Африканского материка и перемещения мировых торговых путей из Азии в Атлантический и Индийский океаны значительно падало значение караванной торговли по «Великому шелковому пути» и по всем его северным и южным направлениям. Вместе с ней, в определенной степени потеряла свое значение и европейская часть России, как посредника в торговле между Средней Азией и Европой. Ведь сама Россия не могла употреблять всего того, что ввозилось в нее со Средней Азии, и поэтому, в свою очередь, экспортировала дальше, в Западную Европу. Таким образом, потребителями всех восточных, в том числе среднеазиатских товаров — дорогих шелковых

тканей, золототканной парчи и драгоценных самоцветов, кроме господствующих кругов и знатных сословий России, были самостоятельные жители Западной Европы. Кроме того, сама Россия в то время для западных стран в первую очередь была поставщиком промышленного сырья (льна, пеньки, строевого леса, поташа, смолы, кож и мехов), а также продуктов питания (пшеницы, меда, рыбы, икры).

Со второй половины XVI в. начинается новый этап в русско-среднеазиатских отношениях. Он был связан с крупными изменениями, которые произошли в социально-экономической и политической жизни России и среднеазиатских ханств. Образование Русского централизованного государства создавало благоприятные условия для развития ремесла и торговли. Зарождение товарного производства в сельском хозяйстве и расширение товарно-денежных отношений привели к образованию всероссийского рынка и единого экономического центра в XVII веке, с чем В. И. Ленин связывал начало «нового периода в русской истории», т. е. зарождение капиталистических отношений в недрах феодального способа производства тогдашней России. «Только новый период русской истории (примерно с 17 века), — писал В. И. Ленин, — характеризуется действительно фактическим слиянием всех областей, земель и княжеств в одно государство»²⁷.

Другими важными событиями для Русского централизованного государства являлись присоединение Казанского, Астраханского и Сибирского ханств к России, ликвидация Орды нагаев и полное овладение Россией главнейшей и единственной водно-транспортной дорогой — Волгой, Каспийским морем, позволяющей значительно расширить торговые связи со Средней Азией. Начиная с середины XVI в. долгое время, вплоть до присоединения Средней Азии и строительства Среднеазиатской железной дороги в Астрахани сосредоточились все сношения России как с Туркестанским краем, так и с Кавказом и Ираном. Некоторые политические события произошли в XVI в. и в Средней Азии. На месте Темуридского, а затем Шайбонидского государства образовались Хивинское ханство и Бухарский эмират, которые, учитывая выгоды торговых сношений прошлых веков с Русским государством, стремились к их расширению на более широких основах. Кроме торговых связей, среднеазиатские государства, принимая во внимание рост могущества России, как крупного европейского государства, постепенно стремились к установлению с ней политического союза. Поэтому начиная с XVI в. наряду с торговыми, восстановились посольские связи между

Россией и среднеазиатскими ханствами. Именно середину XVI в. В. Бартольд считает началом установления непрерывных и регулярных сношений России со Средней Азией²⁸.

Вопрос о русско-среднеазиатских отношениях XVI—первой половины XIX вв. рассматривался в работах и статьях ряда русских дореволюционных исследователей²⁹ и нашел более широкое освещение, чем в предыдущих веках. Этому во многом способствовало наличие большого количества письменных источников — отчетов, «статейных списков», путевых заметок, описаний путей путешествий русских послов, купцов и путешественников, а также распросных записей среднеазиатских послов и купцов, приезжавших в Россию. Специально он нашел свое более или менее освещение в работах и статьях А. Попова, П. И. Небольсина, Н. И. Веселовского, Ю. Росселя, А. Шепелева, С. Б. Жуковского и др.³⁰. История русско-среднеазиатских взаимоотношений XVI—начала XX вв. нашла свое более полное и принципиальное освещение в работах советских историков³¹.

Россия была заинтересована в торговле со Средней Азией, которая служила рынком сбыта продуктов русского ремесленного производства. Торговля со среднеазиатскими ханствами содействовала развитию русского ремесла, на продукцию которого был высокий спрос на среднеазиатских рынках. Так, в Хиве и Бухаре очень высоко ценились охотничьи птицы — соколы и кречеты, большую нужду испытывали там в металлах и металлических изделиях. Вот почему несмотря на то, что караванной торговле был нанесен ущерб, в результате чего значительно сузилось ее бывшее значение, мысль о важности возобновления торговых сношений со Средней Азией не заглохла ни в России, ни в других европейских странах. В пользу этой мысли ревностно старались действовать западноевропейцы. Любопытные сведения об этом содержатся в статье неизвестного автора «Древний торговый путь в Среднюю Азию»³². Как сообщает автор, генуэзец Паоло Чептурсоне, живший в России, предлагал великому князю Василию III (1505—1533 гг.) установить торговые сношения с Индией посредством Каспийского моря. Он объяснил, какие большие выгоды приобретет Россия, если индийские товары будут провозиться через Каспийское море в Астрахань, потом Волгой и Окой до Москвы, откуда сухим путем до Двины и этой рекой до Риги, которая снабжала бы этими товарами всю Европу.

Из западноевропейцев больше и раньше всех активность проявили англичане, которые с давних времен мечтали и

отыскивали более легкий и удобный путь в Среднюю Азию. Случайно, открыв в 1553 г. через Ричарда Ченслера значительную часть Северной России, они тотчас же завели сношения с царем Иваном IV Васильевичем³³. Англичане стали привозить в Россию в значительном количестве свои товары и в скором времени задумали через ее территорию вступить в торговые связи с восточными странами, лежащими близ Каспийского моря. В Англии основывалось особое торговое общество, имеющее цель отыскать легкий и удобный путь в Индию и Китай. По поручению этого общества только во второй половине XVI в. в России побывали более 24 английских путешественников, из них только 11 удалось проехать через Астрахань и Каспийское море для разрешения поставленной задачи. Для нас особенный интерес представляют результаты путешествия Антония Дженкинсона в 1558—1559 гг. в Среднюю Азию. О научном значении его путешествия будет сказано во второй главе.

Спустя год после падения Астраханского ханства и три года после открытия Северного пути в Россию через Белое море англичанами, в 1557 г. в Москву прибыл агент английской торговой компании, крупный путешественник, объездивший до этого всю Европу и Африку, Антоний Дженкинсон, которому было поручено отыскать и использовать торговый путь из Средней Азии в Китай, известный по путешествиями Марко Поло и др.³⁴. Следует напомнить, что в оценке роли этого английского путешественника среди исследователей нет единого мнения, хотя большинство из них объективно подчеркивают важную роль Дженкинсона в ознакомлении правящих кругов России с тогдашним положением Бухарского ханства. Наблюдается попытка со стороны отдельных авторов принизить, недооценить как роль Дженкинсона, так и значение его путешествия. Так, С. В. Жуковский пишет: «Трудно сказать, действительно ли Дженкинсон сумел расположить в свою пользу Иоанна Грозного, что тот лишь из желания угодить англичанам позволил ему отправиться в Среднюю Азию, и не вернее ли предположить, что царь воспользовался этим случаем, чтобы послать Дженкинсона в Бухару и Хиву уже в качестве ответного посольства на присылку хивинским и бухарским владетелями в 1557 году своих знатных людей в Москву с дарами и просьбою, чтобы царь Иоанн разрешил им свободно торговать в России»³⁵.

Что можно сказать в связи с подобными сомнительными суждениями автора? Нам кажется, нет сомнения в том, что важность и выгодность торговли со странами Востока была

осознана в Англии, в том числе А. Дженкинсоном, раньше и лучше, чем в России. А. Дженкинсон смог убедить царя в полезности своей поездки в Среднюю Азию и получил на нее его согласие. И наконец, Дженкинсон не был послан царем в качестве ответного посла, а совершил путешествие по поручению английской торговой компании и по своей инициативе, но был использован русским царем в качестве официального представителя Русского государства в среднеазиатских ханствах и в свою очередь воспользовался его покровительством. Разве можно отрицать тот факт, что он был одним из первых европейцев, посетивших Бухару в XVI в. и сыгравшим важную роль в развитии торгово-дипломатических связей России со среднеазиатскими ханствами. Во время пребывания посольства Дженкинсона был заключен договор между Россией и Бухарским ханством, предусматривающий свободную торговлю для русских купцов в Бухарском ханстве, а для бухарских — на территории России³⁶. Кроме того, на обратном пути вместе с ним в Москву приехали послы не только от Бухары, но также от Балха и Ургенча, Дженкинсон также оставил после себя интересный материал о Бухарском ханстве, о котором будет сказано в следующей главе.

Изучение исторических источников разного характера и знакомство с трудами как дореволюционных, так и советских исследователей показало, что в XVI—XVII вв. русско-среднеазиатские отношения целиком основывались на общности интересов России и ханств Средней Азии. Россия поддерживала с ханствами мирные взаимовыгодные отношения и она не имела агрессивных планов по отношению к Средней Азии. Начиная с середины XVI в. наряду с торговыми, завязались дипломатические связи между Россией и среднеазиатскими ханствами. Расширение торговли и дипломатических связей между ними вызывало живой интерес в зарубежных странах Запада. Потерявшие в то время вследствие турецких завоеваний возможности вести торговлю со странами Азии, они искали новых торговых путей и иных рынков. Поэтому они стремились найти путь на восток через Россию. И среднеазиатские ханства в России получили более обширный рынок сбыта и покупки необходимых товаров. Кроме того, находясь в постоянных междоусобицах, они в лице России искали могучего покровителя и союзника. Такое стремление среднеазиатских ханств наглядно проявилось во время пребывания их посольств в России. Почти во всех ярлыках от имени среднеазиатских ханств в одном из пунктов в обязательном порядке выражалось пожелание об установлении или поддержании

дружественных отношений с русским государством. Так, бухарский хан Нодир Мухаммед в своем ярлыке, направленном через посольство в 1643 г. царю Михаилу Федоровичу, сообщил о вступлении своем на престол, выражал желание поддерживать по-прежнему дружественные отношения с Московским государством³⁷. Такое же пожелание выражалось и в грамотах русских царей, направленных через посольства среднеазиатским ханам.

В связи с этим, хотелось бы обратить внимание на противоречивость и односторонность точки зрения одного известного русского востоковеда Н. И. Веселовского по данному вопросу. Так, он утверждает, что «Дипломатические сношения Московской Руси с иностранными государствами были чрезвычайно оживленными, особенно с восточными, где наши интересы отличались большим разнообразием и существенной важностью»³⁸. С таким утверждением востоковеда нельзя не согласиться, так как оно соответствует действительности. В то же время вызывает категорическое возражение другая односторонняя точка зрения Н. И. Веселовского, высказанная в более ранней работе. Не отрицая того, что в XVII в. и первой половине XVIII в. между русским правительством и ханами происходили самые оживленные непосредственные сношения, в то же время он считал, что для России они были довольно «убыточными». По его мнению «не столько мы сами были заинтересованы в оживлении сношений, сколько среднеазиатские владельцы»³⁹. «Они слали к нам послов за послами... с довольно однообразными и, можно сказать, довольно «пустыми» предложениями: как будто, предлагают расширение торговли, на самом деле, притесняли у себя наших купцов и послов, и даже грабили их». Главную же причину отправки дипломатических миссий из среднеазиатских ханств в Россию автор видел в получении подарков. «Но главная, — писал он, — сокровенная, так сказать, цель всех этих послов заключалась в выжимании у нас подарков»⁴⁰.

Признавая то, что не только в среднеазиатских странах иногда холодно принимали русских посланников, но и в России, Н. И. Веселовский писал: «Прием их послов не всегда отличался радушием и гостеприимством; случалось, что правительство наше принимало и крутые меры по отношению к ним — сажало под арест, конфисковывало привозимое ими имущество». Оправдывая подобные жестокие меры, Н. И. Веселовский писал: «Делалось это вполне основательно, с целью обуздать дерзость ханов»⁴¹. Несогласившийся с подобными рассуждениями востоковеда, крупный специалист по русско-

среднеазиатским отношениям колониального периода, ныне покойный Н. А. Халфин писал, что порой царское правительство действительно чувствовало себя несколько обремененным приемами миссий из Бухары, Хивы или Коканда и пользовалось любыми предложениями, чтобы не допустить какую-нибудь из них в Россию вообще, или в Петербург в частности. Но среднеазиатские дипломаты выдвигали важные логичные требования и предложения, основанные на стремлении удовлетворить в первую очередь нужды и потребности своих стран, а не партнера по переговорам. Ради достижения цели они иногда привозили дары большей ценности. Поэтому «Объяснять их приезд узко принимаемыми личными «корыстолюбивыми целями», — писал Н. А. Халфин, — значит исказить и примитивизировать историческую действительность»⁴².

Да, действительно, подобные факты имели место и в России и в среднеазиатских ханствах и они более всего относились к более поздним временам, к XVIII—первой половине XIX вв., когда Российская империя, окрепшая и экономически, и политически, и военно, начала вести по отношению к Средней Азии наступательную политику. Основу такой политики положил Петр I, который задумал целый ряд мероприятий с целью укрепления влияния России в Средней Азии. «Этот дальновидный монарх (т. е. Петр I. — О. Б.), — писал Ф. Энгельс, — указавший своим преемникам все возможные направления для завоевания, отправил экспедицию против Хивы, которая, разумеется, оказалась безуспешной»⁴³.

Как верно писал В. В. Бартольд, «воспользовавшись междоусобной борьбой в ханствах, Петр уже не сносился с ханами, как равный с равными... Предполагалось поместить с согласия ханов в Хиве и Бухаре русские военные отряды, которые содержались бы за счет ханов и помогали бы им против их врагов. Такая мера укрепила бы власть ханов над их подданными, но в то же время поставила бы ханов в полную зависимость от русского правительства»⁴⁴. «Говорят, что Петр Великий, — говорил Е. К. Мейендорф, — даже предложил бухарскому хану подчиниться России, чтобы избавить его таким образом от беспокойства, доставлявшегося хану неповиновением его народов»⁴⁵. В действительности же Петр заботился не о покое Бухары, а думал о том, чтобы завладеть крупнейшим среднеазиатским ханством — Бухарой и открыть путь через его территорию в Индию.

Источники свидетельствуют о том, что после неудачной экспедиции А. Бековича-Черкасского (1717 г.) Петр I и его преемники, опасаясь очередных неудач, долгие годы, вплоть

до начала XIX в., не решались укрепить влияние России в Средней Азии военным путем. Гибель участников экспедиции очень возмутила Петра I, который сразу приказал пополнить полки, находящиеся на восточном берегу Каспийского моря, и наказать хивинского хана. Но это распоряжение не было приведено в исполнение. Однако, от замыслов завоевания Средней Азии не отказывались ни Петр I и ни его преемники, и ожидали благоприятного момента для их осуществления. Интересы торговых связей вынудили русское правительство поддерживать постоянные мирные отношения со среднеазиатскими ханствами. Свидетельством тому служит тот факт, что через год после гибели экспедиции А. Бековича, в 1719 г. Петр I послал секретаря ориентальной комиссии Посольского приказа Ф. Беневени через Иран в Бухару, где он пробыл более трех лет (с конца 1721 г. по весну 1725 г.).

Петр I предвидел, что главный путь к полному овладению Средней Азии лежит через казахскую степь, а планы его могли осуществиться при таком условии, что коренное население закамских земель — башкиры и другие народности будут подчинены русской власти. Для удержания их в подчинении сперва была возведена Иртышская укрепленная линия протяжением в 900 км. В 1718 г. задумал построить крепости на пограничной реке — Урале, куда должны приходиться купцы со своими караванами⁴⁶. Но смерть Петра I помешала выполнению его плана. Чтобы непосредственно приблизиться к границам среднеазиатских ханств, а затем овладеть ими, Россия приступила к освоению южноуральских степей. Такое стремление России в связи с ростом потребностей русской торговли в бесконкурентном рынке сбыта и необходимости овладения источниками ценного сырья — шелка и хлопка-сырца, усиливалось с каждым годом. Осуществление задуманного плана началось с возведения крепости на границе с казахской степью, где должен быть сосредоточен центр по руководству торговыми и дипломатическими взаимоотношениями между Россией и среднеазиатскими ханствами.

В 1734 г. при устье реки Оры, впадающей в Яик (т. е. Урал) была возведена крепость — городок Оренбург. В 1742 г. был издан приказ о строительстве города на новом месте, план застройки которого был разработан председателем Оренбургской комиссии И. И. Неплюевым и утвержден в 1743 г. На новом месте город был заложен 19 апреля 1743 г., что считается датой основания Оренбурга. На старом месте городок Оренбург был переименован в Орскую крепость, от которой новый Оренбург отстоял на 252,5 версты. Строитель-

ство Оренбурга было в основном завершено в 1743 году⁴⁷. Вокруг г. Оренбурга были застроены другие крепости и населенные пункты — слободы. В них и в пригородах Оренбурга поселилось много выходцев из Средней Азии, в основном купцы. Для привлечения бухарцев в русскую Сибирь русское правительство решило пойти по пути предоставления им значительных торговых льгот. Особенно в царствование Екатерины II (1762—1796 гг.) были созданы благоприятные условия для населения, выходцев из Средней Азии. Так, Грамота 1785 г. о веротерпимости способствовала проникновению и распространению здесь ислама. Чтобы улучшить условия для торговли, в середине XVIII в. в Оренбурге был построен Гостиный двор, рядом с которым находилось огромное здание склада для хлопка, поступающего из Средней Азии⁴⁸.

Взамен распроданных товаров приезжие бухарцы приобретали русские и западноевропейские товары. Наибольшим спросом у бухарцев пользовались: выдры, недолисы, рыси, горностаи, шубы заячьи, меха заячьи, шапки бобровые, сукманы (суконные кафтаны), сукно сермяжное, сукно английское, сукно гамбургское, кожи телячьи красные, кожа сафьяновая, шелк ряжский, кисея, бумага хлопчатая, братины деревянные, медные котлы, топоры, ножи усольские, мишура⁴⁹. Кроме того, среднеазиатские купцы играли важную роль в становлении и развитии русско-восточной торговли через Тобольск. Они были основными поставщиками восточных товаров. Фактически среднеазиатские купцы показали русским купцам основные пути в Среднюю Азию и Китай. Сибирско-бухарское купечество выполняло также и ответственные поручения русской администрации финансового, торгового и дипломатического характера: различные службы в сибирских таможах, в различных заставах, участие в оценке и продаже казенной мягкой рухляди на ярмарках, торговлю государственными таможенными товарами в Средней Азии и Китае, переводчиками в дипломатических посольствах русских в среднеазиатских ханствах и Китае⁵⁰.

Со второй половины XVIII в. заметно расширилась торговля между Россией и среднеазиатскими ханствами, особенно с Бухарским эмиратом. Этому содействовали те благоприятные условия, которые были созданы при Екатерине II (1762—1796) для населения Сеитовской слободы Оренбургского края, где в соседстве с татарами поселились на постоянное жительство среднеазиатские купцы, число которых к началу 1825 г. достигло 130 семей⁵¹. Для того, чтобы поддерживать и расширить торговые связи со среднеазиатскими хан-

ствами, в 1785 г. Екатерина II издала специальную грамоту о веротерпимости на всей территории Оренбургской губернии, а на устройство одной из лучших мусульманских школ в Бухаре пожертвовала 40.000 руб.⁵² Таким образом, основание Оренбурга, а затем образование Оренбургской губернии стало определяющим событием в расширении торгово-экономических, политических и культурных отношений России со Средней Азией. Россия теперь получила возможность контролировать караванные пути и обеспечивать русским купеческим караванам безопасное продвижение через казахскую степь. Однако, наибольший интерес в торговом отношении для Русского государства представлял Бухарский эмират, который являлся самым крупным и богатым по сравнению с другими среднеазиатскими ханствами и главным центром торговых связей Средней Азии с сопредельными странами Востока (Афганистаном, Ираном и Индией). С конца XVIII в. проявилась тенденция к расширению торговли с Россией и со стороны Бухарского эмирата. Она была обусловлена прежде всего, с одной стороны, слаборазвитым ремесленным производством, с другой — ростом потребностей населения эмирата в предметах широкого потребления русского производства. В торговле с Россией был заинтересован и сам бухарский эмир, который получал от нее большой доход. Кроме того, сложная внутривосточная обстановка эмирата, обострение классово-политической борьбы и необходимость подавления народных масс, постоянные войны как с кочевыми народами, так и с другими среднеазиатскими ханствами вынуждали бухарских эмиров, рассчитывать на военную помощь, искать более тесного сближения с Россией⁵³.

Торговля со среднеазиатскими ханствами особое значение приобрела для России в годы Отечественной войны 1812 г., когда в результате присоединения России к континентальной блокаде были прекращены торговые связи с Англией, что, по определению Ф. Энгельса, «означало полное расстройство торговли»⁵⁴. Тогда единственный путь, через который стали поступать многие товары из восточной части Ирана и Северной Индии, был путь через Среднюю Азию и Оренбург. Бухарские купцы, приезжавшие в Оренбург, кроме среднеазиатских, привозили импортные товары, в том числе драгоценные камни, пряности, шелк, бумажную кисею, выбойки лучших сортов, сетей и др. Иногда они отдавали свои товары русским купцам на определенный срок под векселя, в которых обычно отмечались получение денег или обмен на русские товары. Кроме того азиатским купцам разрешалось торговать в Мос-

кве и Петербурге драгоценными камнями, с которых по тарифу не брали пошлин, причем они сбывали драгоценности не только российским купцам, но и иностранным, покупая у последних товары без посредников⁵⁵. Как свидетельствуют источники, в годы Отечественной войны во внешней торговле с Россией особенно активны были бухарские купцы, которые так разбогатели, что по замечанию директора Троицкой таможни М. С. Чкалова, «многие из них стали большими капиталистами»⁵⁶. Географическая отдаленность и упадок западно-европейской торговли,— как справедливо отмечает П. Е. Матвиевский, скорее способствовали русско-среднеазиатской. Поступавшая товарная продукция от местных и среднеазиатских народов на громадный оренбургский рынок приобретала в военные годы общероссийское народнохозяйственное значение»⁵⁷.

Следует отметить, что к началу XIX в. все острее в России становился вопрос источников дешевого сырья для развивающегося хлопчатобумажного производства. Особенно сильно спрос на среднеазиатский хлопок возрос в период междоусобных войн в Северной Америке, когда поставки хлопка лишалась не только Россия, но и вся Европа. Так, если в начале XIX в. из Бухарского эмирата в Россию ввозилось не более тысячи пудов хлопка, то с годами количество его увеличивалось и к 1836 г. ввоз среднеазиатского хлопка составлял 38,5 тыс. пудов на сумму почти 800 тыс. руб.⁵⁸. По данным П. И. Небольсина торговый оборот России со Средней Азией в 1858 г. составил 11 млн. руб., а к 1862 г. достиг 15 млн., причем основная часть торговых оборотов по-прежнему приходилась на Бухару⁵⁹. Правящие круги России хорошо понимали, что всю выгоду от среднеазиатского хлопка можно получить только тогда, когда его производство и вывоз в Россию переходят в руки русских предпринимателей, для чего нужно было завоевать Среднюю Азию. Но царское правительство в первой половине XIX в. еще не считало для себя возможным военным путем овладеть Средней Азией. Как верно отмечал Ф. Энгельс, Россия в своей внешней политике «всегда страдалась по возможности избегать войны и допускало их только как самое крупное средство, да и то лишь при исключительно благоприятных условиях»⁶⁰. Действительно, до 60-х гг. XIX в. «благоприятные» условия для России еще не были созданы и потому она стремилась овладеть среднеазиатским рынком и превратить ее в придаток сырья для русских предпринимателей мирными — торговым и дипломатическим путями.

Активная торговля между Россией и среднеазиатскими ханствами в конце XVIII—первой половине XIX вв. обуславливала развитие и расширение их дипломатических взаимоотношений. Наиболее оживленно и с взаимным стремлением дипломатические связи поддерживались между Россией и Бухарским эмиратом. Свидетельством тому являлись снаряжение различных миссий и посольств как со стороны царского правительства, так и со стороны бухарских эмиров, о главных из которых, во избежание повторений, будет сказано во второй главе настоящей работы.

И так, прежде чем сделать соответствующие выводы, необходимо подчеркнуть, что при рассмотрении данного вопроса прежде всего нас интересовали не предметы и характер торговли, не ассортимент продаваемых товаров, не важность и преимущественность торговых, дипломатических или других форм отношений, а главное — само существование русско-среднеазиатских связей, истоки и динамика их развития, и, наконец, общие результаты этих связей за рассматриваемый период не в коммерческих и военно-политических отношениях, а в научном плане: в ознакомлении, общении и сближении со среднеазиатскими народами, в том числе с таджиками и изучение их в историческом и лингвистическом отношениях. Исходя из этой точки зрения, после изучения русско-среднеазиатских связей на основе анализа трудов русских дореволюционных исследователей и советских ученых, опубликованных источников можно прийти к следующим выводам:

1. За исключением отдельных отрывочных сведений, упоминаний, извлечений из трудов иностранных авторов, на русском языке отсутствуют письменные источники о русско-среднеазиатских связях с древнейших времен до середины VII века н. э. История этого периода не только в русской дореволюционной исторической литературе не нашла свое отражение, но и не освещена в трудах советских исследователей. Поэтому что-нибудь сказать или предполагать конкретное о народах Средней Азии среди восточных племен и древнерусской народности пока невозможно и преждевременно.

2. История русско-среднеазиатских связей второй половины VII—XV вв. исключительно в торговом аспекте и хотя не полно, но в определенной степени освещена в трудах ряда русских востоковедов только на основании памятников материальной культуры среднеазиатских народов — восточных монет, в том числе саманидских, саффоридских, тахиридских и др., найденных на территории восточной части Руси и прибалтийских стран.

3. В связи с отсутствием письменных источников некоторые исследователи категорично утверждают, что русско-среднеазиатские связи с древнейших времен до конца XV в. носили исключительно торговый характер. Нам кажется, что отсутствие письменных источников на русском языке еще не является основанием считать, что впервые дипломатические отношения со среднеазиатскими ханствами установились после образования Русского централизованного государства. Не говоря уже о древнем периоде, но о существовании дипломатико-посольских связей между Киевской Русью и ханствами Средней Азии в IX—начале XII вв. нет ни малейшего сомнения. Отсутствие письменных источников, несомненно, связано с татаро-монгольским нашествием, в результате чего наряду с другими памятниками материальной культуры были уничтожены и они*. О существовании дипломатических связей в IX—XI вв. свидетельствуют восточные писатели (ибн-Хордарбех, Мухаммад-аль-Ауфи и др.).

4. Достоверные письменные исторические источники о русско-среднеазиатских связях сохранились лишь начиная с конца XV в., т. е. после образования Русского централизованного государства. Наличие письменных источников обусловило более всестороннее и глубокое освещение русско-среднеазиатских отношений XVI—первой половины XIX вв. в трудах как дореволюционных русских и советских исследователей.

5. Изучение истории русско-среднеазиатских связей показало, что истоки их относятся примерно к IV в. до н. э. Исходя из специфики, характера, уровня развития следует разделить русско-среднеазиатские связи на следующие периоды: 1) С IV в. до н. э. — VIII в. н. э. — это был период, когда господство в мировой торговле между Западом и Востоком находилось в руках греческих, римских, венецианских и генуэзских купцов, а мировой торговый путь, так называемый «великий шелковый путь» проходил южной степью, Северным Причерноморьем, Северным Кавказом, Каспийским морем и территорией Средней Азии. Именно в этот период восточно-славянские племена через вышеназванных купцов получили первые сведения о среднеазиатских народах, а последние о восточных славянах, которые начали играть посредническую роль между западноевропейскими купцами и купцами из Средней Азии; 2) VIII—до XI вв. Это был пери-

---

* Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить губительные последствия похода Тухтамыша в 1382 г. в Москву.

од, когда впервые начинались непосредственные, сперва торговые, а затем посольские связи между Киевской Русью и среднеазиатскими ханствами и в IX—X вв. достигают своего расцвета; 3) XII—XV вв. — период продолжения торговых связей при посредничестве Золотой Орды, Казанского, Астраханского и Сибирского ханства и прекращения посольских связей русских княжеств со среднеазиатскими ханствами; 4) XVI—XVII вв. — период установления, развития и расширения регулярных торговых и посольских связей между Россией и среднеазиатскими ханствами, которые имели исключительно мирный, взаимовыгодный характер; 5) XVIII—первая половина XIX вв. В этот период несмотря на эпизодический спад торговых и ослабления посольских связей (особенно после смерти Петра I до начала правления Екатерины II русско-среднеазиатские отношения продолжались, расширялись, но принимали все более политический и военный характер со стороны России. Это было связано с тем, что с конца XVIII—начала XIX вв. более открыто проявилось стремление царской России к усилению не только своего торгового, но и политического влияния в Средней Азии и к покорению ее ханств.

ГЛАВА II. СБОР ИСТОРИЧЕСКИХ СВЕДЕНИЙ О НАРОДАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ В РОССИИ И ЕГО МЕСТО В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ РУССКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В результате взаимных торговых, экономических, культурных, политических и дипломатических связей со Средней Азией, Восточной Европой и Закавказьем в России были собраны и накоплены большие и ценнейшие сведения ориентального характера и восточные рукописи. Они занимали впоследствии важное место в становлении и развитии русского востоковедения. Хотя русское востоковедение, как специальная отрасль научных знаний формировалось на рубеже XVIII—XIX столетия, однако сбор и накопление первичных, отрывочных сведений о народах Средней Азии начались на много веков раньше, еще до образования государства Киевской Руси. Разумеется, что первоначально, в те далекие времена сбор тех или иных данных, исторических сведений или памятников материальной культуры среднеазиатских народов осуществлялся отнюдь не в плане специальной научной цели востоковедческого характера. Тогда сведения о Средней Азии

могли доходить до русских разными путями: посредством торговых, экономических, культурных, дипломатических и даже военных сношений, через русских и западноевропейских купцов и путешественников, послов и пленников, из чистого любопытства или выгоды, материальных побуждений. И хотя нынешняя территория Таджикистана до присоединения Средней Азии к России являлась одним из малоизвестных и неисследованных районов, тем не менее немало ценных исторических сведений о Таджикистане и его народах содержится в сообщениях, путевых записках, заметках, воспоминаниях и отчетах русских купцов, землепроходцев и путешественников, послов и пленников, побывавших и находившихся в Средней Азии до конца XVIII века.

Нет сомнения в том, что каждый русский человек, будь он купец или посланец, путешественник или пленник, побывав в Средней Азии и возвращаясь на родину, унес с собой немало различных сведений и даже памятников материальной культуры среднеазиатских народов. И хотя количество и содержание поступивших исторических сведений о Средней Азии в связи с расширением торговых, экономических и дипломатических отношений России со среднеазиатскими ханствами постоянно увеличивалось и обогащалось, к большому сожалению, не все они сохранились и дошли до нас. Одни из них по различным причинам бесследно исчезли, были уничтожены вторжением внешних врагов, другие, особенно памятники материальной культуры народов Средней Азии и восточные рукописи, пока остаются неизученными и не подвергались глубоким исследованиям ученых. В этом деле большую помощь может оказать расширение археологических раскопок на территории России, Украины и Белоруссии.

Изучение русской дореволюционной исторической литературы показало, что до XIII века европейцы ничего не оставили нам о своих путешествиях на Восток. Только после путешествий францисканского монаха Плано-Карпини (1246—1247 гг.), фламандского монаха Вильгельма Рубруквиса (1253—1254 гг.) и знаменитого венецианца Марко Поло (1260—1289 гг.) Европа начинает знакомиться и заниматься Средней Азией по более солидным и достоверным сочинениям. Тем не менее, по признанию знаменитого немецкого ученого А. Гумбольдта (1769—1859 гг.), география Клавдия Птолемея, составленная еще до н. э., являлась лучшим руководством до XVI в. для всех путешественников, отправлявшихся на Восток¹.

Как известно, во второй половине XV в. начинается пери-

од великих географических открытий и морских путешествий, которые привели к тому, что морской путь становится основным путем на Восток, а сухопутная торговля, караванные пути начали терять свое былое значение. В связи с этим Русское централизованное государство, оторванное от морских путей, стало обращать особое внимание на Восток, прежде всего на расширение торговых сношений со среднеазиатскими ханствами. Именно в XVI в. в России стали усердно интересоваться Средней Азией. Начинается первое описание путешествия русских на Восток, постепенно расширяется круг географических познаний о Средней Азии посредством распросов приезжих в Россию иностранцев из соседних и дальних стран Азии, и особенно посредством путешествий в эти страны русских людей. К сожалению, пока не все эти путешествия и тем более географические и исторические результаты каждого из них нам известны. Поэтому мы не имеем возможности проследить за ходом постепенного накопления исторических сведений о Средней Азии.

Из путешественников XVI в. в Среднюю Азию более подробное и точное описание оставил агент английской торговой компании Антоний Дженкинсон, посланный в 1557 г. в Россию на розыски забытого торгового пути в Китай через Среднюю Азию. Первое путешествие А. Дженкинсона² в Россию началось 12 мая 1557 года, куда он прибыл 1 декабря, а 10 декабря того же года радушно был принят царем Иваном IV Грозным. 25 апреля 1558 г. А. Дженкинсон в сопровождении двух англичан Ричарда и Роберта Джонсона и татарина толмача с тюками различных грузов выехал из г. Москвы для путешествия в Среднюю Азию. 23 декабря 1558 г. путешественники прибыли в г. Бухару, 26 декабря представились с грамотой Ивана Грозного и тем самым положили начало прочным дипломатическим отношениям между Россией и среднеазиатскими ханствами. Путешествие Дженкинсона кроме торгово-дипломатических результатов имело, несомненно, большое значение в сборе и накоплении исторических сведений о Средней Азии, необходимых для научного познания ее в будущем. Он являлся одним из первых европейцев, оставивших после себя столь интересные и достоверные материалы о Бухарском ханстве. Он подробно описывает различные виды ремесленного производства, состояние оживленного бухарского рынка, перечисляет предметы вывоза и привоза, торговли внутри ханства и с соседними странами. В частности он пишет, что г. Бухара очень велик, окружен высокой земляной стеной с различными воротами и разделен на три

части, две из них принадлежат королю (т. е. хану. — О. Б.), а третья отведена купцам и рынкам. Каждое ремесло имеет здесь особое место и свой особый рынок. Посреди города протекает маленькая речка, вода которой не очень чистая. Бани так искусно построены, что подобных им нет на свете; немало домов, храмов (т. е. мечетей.— О. Б.) и сооружений, роскошно построенных и позолоченных. В Бухаре есть духовный глава, который наблюдает за строгим исполнением законов шарията. Его больше слушают, чем хана, он может сместить короля и посадить другого по своей воле и желанию. Бухарская страна была когда-то под властью персов и теперь еще в ней говорят на персидском языке. Но Бухара — независимое государство, которое ведет жесточайшие религиозные войны с персами, хотя все они магометане. Деньги у бухарцев серебрянные и медные, золота вовсе нет в обращении. У них одна только серебрянная монета, стоящая 12 английских пенсов. В г. Бухаре ежегодно созывается съезд купцов, приезжающих большими караванами из прилегающих стран — Индии, Персии, Балха, Росии и разных других, а в прежние времена и из Китая³.

Кроме описания путешествия, составленного самим А. Дженкинсоном, сохранились дополнения к ним: несколько заметок, собранных его спутником Ричардом Джонсоном о сообщениях русских и других иностранцев относительно дорог из России в Китай и о различных иноземных народах⁴. В Бухаре А. Дженкинсон прожил целую зиму до весны 1559 г. и лично наблюдал, что торговля Бухарского ханства с Россией была довольно значительной, но с Китаем находилась в полном упадке. Тем же путем 8 марта 1559 г. он и его спутники в сопровождении послов от Бухары, Балха, Ургенча караваном из 600 верблюдов с выкупленными в ханстве 25 русскими пленниками выехали из Бухары и 23 апреля подошли снова к Каспийскому морю, а 2 сентября прибыли в Москву. Таким образом, поездка А. Дженкинсона в Бухару имела важное значение не только в установлении и расширении торгово-дипломатических отношений между Россией и Бухарским ханством, но и также в научном плане, так как были впервые собраны интересные и достоверные сведения о среднеазиатских народах.

Говоря о важности и значении торгово-дипломатических связей, следует отметить, что в XVI—XIX вв. эти две формы связи с иностранными государствами были фактически неотделимы друг от друга: посол нередко являлся купцом, а купец часто выполнял обязанности посла. Нередко ввиду опас-

ности нападения на караваны в пути купцы присоединялись к дипломатическим посольствам, которые обычно находились под усиленной охраной. Иногда купцы входили даже в состав посольств. Так, в 1585 г. из Астрахани с бухарским и ургенчским послами ехали также и «тезики (т. е. таджики — О. Б.) с товарами да 5 стругов складных русских людей с товары же»⁵. Было и наоборот: посол присоединялся к торговым караванам во избежание нападения разбойников, как поступил А. Дженкинсон в обратном пути из Бухары в Россию через территорию Хивинского ханства. Поэтому посольские пути являлись одновременно и торговыми дорогами.

Начиная с XVI в. обмен посольствами приобрел по тем временам особое значение. Сложный клубок международных отношений в XVI в. опутал сеть европейских государств. Следует отметить, что после падения Византийской империи (1453 г.) дипломатия в европейских странах становится по преимуществу искусством. Более полное описание порядка выборов дипломатических миссий мы находим у С. В. Бахрушина: «... правительства, — пишет он, — выбирают для отправки миссий к чужим дворам людей особенно бывалых, обладающих различными техническими сведениями. От них требовали подробных известий не только о планах и намерениях в высших сферах того двора, куда они были аккредитованы, но и о внутренней жизни страны, о знятиях и нравах народонаселения, богатствах страны, ее уровне производства, о борьбе партий»⁶. Крупный русский востоковед и близкий человек к тогдашней политике России В. В. Григорьев считал, что характерную черту русской дипломатии в XVI—XVIII столетиях составлял лозунг «Хочешь, чтобы уважали тебя другие, умей прежде сам себя уважать»⁷. Это значит, что русские послы должны держать себя так, чтобы дать понять, что Россия — одна из сильнейших государств, а русский царь — важнейший властитель по сравнению с другими королями и царями. Так, царь Михаил Федорович (1613—1645), отправляя в 1620 г. послом в Бухару И. Д. Хохлова, «строго наказывал ему не давать подарков, если будут требовать их для допущения его к хану, и если за обеденным столом у хана будут послы от других держав, требовать, чтобы русскому послу дано было место выше других, в противном случае же не обедать»⁸.

О значительном накоплении историко-географических сведений, относящихся к Средней Азии в XVI в., убедительно свидетельствует начало составления так называемых сводов географических сведений и карт с разъяснениями к ним. Так,

в 1552 г. после успешного похода на Казань, Иван Грозный приказал «измерить землю и сделать чертеж государства». Первоначальный вариант чертежа, т. е. карты всего Русского государства с принадлежащими к нему странами, или «Большой Чертеж» был составлен еще при Иване Грозном. При Борисе Годунове Большой Чертеж был дополнен, при Михаиле Федоровиче Романове, около 1627 г. старый чертеж «избился весь и развалился». Тогда же на основе разваленного был составлен новый чертеж и «Книга Большого Чертежа». В 1680 г. Чертеж был сделан заново с дополнениями по тогдашнему состоянию России, которые были изданы в 1773 г. Н. И. Новиковым под названием «Древняя Российская Идрография». В 1792 г. вышло в свет описание Чертежа 1627 г. под названием «Книга к Большому Чертежу», а в 1812 г. вновь были изданы обе книги. В 1846 г. по поручению «Общества истории и древности» «Книга Большого Чертежа» была издана русским метеорологом М. Ф. Спасским с обширными примечаниями разногласий между печатными изданиями и рукописями, собственных имен, числа верст, географических названий⁹. Затем отдельные исследователи Средней Азии комментировали некоторые пользы Книги, но никто из них досконально не разобрался в ней и не ценил ее научное значение. Исправление этого пробела и выполнение трудной и в то же время благородной задачи по выявлению достоинств «Книги Большого Чертежа» выпало на долю известного исследователя Казахстана и Средней Азии, профессора Военной Академии России А. И. Макшеева¹⁰. Он приступил к разбору «Книги Большого Чертежа» после всестороннего знакомства и изучения Туркестанского края. Глубокое знание края и сравнение сведений книги с новейшими географическими исследованиями позволили ему научно определить положительные и отрицательные стороны, выявить неточность географических названий и расстояния путей, направления рек и расположения городов на территории Казахстана и Средней Азии. Трудность разбора «Книги Большого Чертежа» заключалась в том, что сама карта не дошла до А. И. Макшеева. Тем не менее ему удалось блестяще справиться с поставленной задачей.

Определенный интерес представляет Книга и для исследователей Таджикистана, так как в ней содержится немало сведений о городах, населенных пунктах, реках и горах нынешней его территории. При этом следует отметить, что не все сведения являются точными, так как они носят распорный характер и заимствованы у иностранных путешественников. Так,

например, в «Книге» говорится, что земли Бухарского ханства орошаются водою реки Сыр-Дарьи. На самом деле они орошались Зарафшаном. О жителях Средней Азии почти не упоминается, а обозначаются только важнейшие ее города, в том числе Бухара, Самарканд, Ходжент, Янги-Курган, Ташкент и т. д.

За путешествием А. Дженкинсона в Среднюю Азию последовали другие ответные посольства, от которых осталось немало отчетов — «статейных списков». Однако, мы будем останавливаться лишь на тех, чья деятельность принесет больше пользы науке. Исходя из этого, в первую очередь следует упомянуть о посольстве Ивана Даниловича Хохлова 1620 года в Бухару¹¹. И. Д. Хохлов был умным, ловким и знающим Восток, где он бывал уже до этого два раза. Впервые в 1600 г. он сопровождал из Казани на родину персидского посла. Потом, в 1613 г. в качестве посланника мятежного атамана Ивана Заруцкого, завладевшего временно Астраханью, ездил к персидскому шаху¹². Во время пребывания И. Д. Хохлова в Иране мятеж И. Заруцкого был подавлен и тотчас же было предъявлено требование персидскому шаху о выдаче его. Хотя после выдачи он как посол мятежника подвергался жестокой и длительной опале со стороны царского правительства, однако, когда в 1620 г. понадобился способный, одаренный дипломат и знающий человек для посольства в Бухару, то выбор пал именно на него.

Посольство И. Д. Хохлова отправилось обычным путем через Астрахань по Каспийскому морю. Однако, от Мангышлака до Бухары достигло с большим трудом. В Бухаре посольство не застало хана Имам-Кули, который в то время находился в Самарканде. Поэтому из Бухары русское посольство направилось в Самарканд, где оно было любезно принято ханом. Главной целью данной миссии было освобождение и выкуп русских невольников в Хиве и Бухаре¹³. За время пребывания в Бухаре (а прожил он там 2 года) собрал он обширный фактический материал об экономическом и политическом состоянии ханства, взаимоотношениях его с другими соседями, что было необходимо русскому правительству для определения своей восточной политики. Он внимательно изучил бухарский рынок и связанные с ним денежные обращения в ханстве. Побывав несколько раз на приеме бухарского хана Имам-Кули, он договорился о «повольной» торговле русского купечества на территории ханства и отпуске с ним 44 русских пленных. Кроме того, он добился у хивинского хана освобождения 13 русских пленных и выку-

пил двух пленных за 78 рублей¹⁴. Все собранные им сведения и материалы нашли свое отражение в его отчете, представленном правительству по возвращению из путешествия в Россию. На основе этого отчета написана работа Н. И. Веселовского¹⁵. Также следует отметить, что немало интересных и любопытных, пусть даже не записанных сведений о различных сторонах жизни народов среднеазиатских ханств унесли с собою бывшие русские пленники на родину.

После успешного возвращения И. Д. Хохлова обмен посольствами между Россией и среднеазиатскими ханствами получил регулярный характер. Теперь на посольства, отправляющиеся в Среднюю Азию, кроме основных задач (обеспечение безопасной торговли для русских купцов в пределах среднеазиатских ханств и освобождение русских пленных) возлагались задачи добыть как возможно более точные и подробные сведения о ней, а по возможности проникнуть в соседние страны Востока. В 1641 г. в Хиву и Бухару в качестве посланников России были отправлены С. Горохов и Анисим Грибов, о которых более подробные сведения мы находим у Н. И. Веселовского¹⁶. Из них мы узнаем, что С. Горохов умер в пути, а А. Грибов побывал в Хиве, и в Бухаре. В конце 1643 г. А. Грибов прибыл в Бухару, где находился довольно долго и был свидетелем завоевания Хивы бухарским ханом Надир-Мухаммедом. По его сведениям, бухарский хан выступил с двухтысячным войском 20 февраля 1644 г. Города Хива и Азарисп (Хазарасп. — О. Б.) сдались без боя, а жители изменили своему хану и выдали его с матерью и братом бухарскому хану, который привез их в Бухару. На обратном пути А. Грибов в июле 1644 г. прибыл в Хиву, где прожил еще 6 недель и видел, какие бухарские порядки там были установлены после ее покорения¹⁷. Сопоставляя сведения А. Грибова с рассказами Абул-Гази, Н. И. Веселовский преимущество дает русскому послу, на глазах которого совершались эти события.

Русские посольства, побывавшие в Средней Азии во второй половине XVII—XVIII вв., еще больше обогатили представления русских о среднеазиатской жизни, быте и культуре населяющих ее народов. В этом отношении интересен отчет посольства (1669—1670 гг.) во главе братьев Бориса и Семена Позухиных в Бухару. Б. Позухин прожил в Бухаре более двух лет, пять раз был принят бухарским ханом, вел неоднократно беседы с другими представителями бухарской власти и купечества. Он кропотливо собирал необходимые ему данные и очень внимательно изучал их для составления

статейного списка. Придавая огромное значение базарам как показателям спроса и предложения, он внимательно изучил рынки Бухары. Его феноменальная память запечатлела не только полный ассортимент основных товаров, но даже стоимость отдельных из них. Б. Позухин заключил с Бухарой торговые договоры о поставке шелка-сырца в Россию¹⁸. В отчете очень подробно описывается церемония приема послов, угощение их и пир, устроенные при дворе бухаского хана Абдулазиза. Кроме того, братья Б. и С. Позухины привезли с собой также много сведений о состоянии ремесла, торговли, о ценах на товары, описание пути в Индию и довольно точные данные о тогдашнем тяжелом экономическом положении Бухарского ханства. Главная цель посольства была — собирание сведений о путях в Индию и выкуп русских пленных — рабов. В мае 1671 г. он отправил двоих толмачей — М. М. Медведова и С. Измаилова из Бухары в Северный Афганистан и Балх с целью сбора сведений о путях в Индию и на основании их данных составил подробное донесение об описании пути из Астрахани в Индию. Он добился согласия бухарского хана и балхского султана, что в случае отправки русского посольства в Индию, они дадут ему проводящих до индийского пограничного города¹⁹. Братья Позухины больше всех из русских послов, побывавших в Средней Азии, собрали сведения о русских пленниках и о продаже их на работоторговых базарах среднеазиатских ханств. Немало интересных данных мы находим в отчете о шелководстве, о вывозе шелка-сырца из Бухары в соседние страны. Говоря о хозяйственном быте Бухарского ханства, братья Позухины сообщают, что хлеб сеют незначительно и за годы у жителей он остается совсем мало.

В 1675 г. царем Алексеем Михайловичем к бухарскому эмиру Абдулазизу было отправлено посольство в составе Василия Александровича Даудова²⁰, астраханского татарина Мухаммеда Юсуфа Касымова, Никифора Венюкова и Ивана Шапкина, которым было поручено собирать подробные сведения о путях в Индию через Среднюю Азию, особенно о водных путях, разузнать точнее, что такое река Аму-Дарья, какие возможности открывает она для судоходства и нельзя ли будет использовать ее как путь в Индию. Помимо этого М. Ю. Касымову и И. Шапкину было поручено из Бухары ехать к индийскому шаху и собирать более достоверные сведения об Индии и о странах, через которые идет дорога в Индию, особенно о странах, расположенных в верховьях Аму-Дарьи, и о народах, проживающих в них, по мере возможнос-

ти вступить в переговоры с индийским шахом о торговле между Россией и Индией. Из Бухары М. Ю. Касымов отправился в Балх, откуда он взял путь в Индию. Однако туда он не был допущен. В пограничном индийском городе Горбанде ему было сообщено, что великий индийский мугул Аврангзеб после неудачного похода против афганских племен только что вернулся в Дели и занят усмирением бунта, вспыхнувшего около его столицы, и поэтому он никого принимать не будет. М. Ю. Касымов побывал во многих афганских городах, в том числе в Кабуле, Джалалабаде, Бамиен, с преимущественным тогда таджикским населением²¹. Хотя он не попал в Индию, но зато первым из русских был в Афганистане. В январе 1677 г. с подробным описанием путей и весьма интересными сведениями М. Ю. Касымов вернулся в Москву.

Все собранные сведения и описание пройденных путей М. Ю. Касымов должен был сообщить в своем «Статейном списке». К большому сожалению, этот статейный список до сих пор считается утерянным. Лишь незначительная часть его при одной из челобитных сохранилась и была обнаружена в 70-х гг. XIX в. в Архиве Министерства иностранных дел России и некоторые извлечения из этой части списка были приложены к книге И. П. Минаева «Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи» под названием «Путешествие русского посланца Махмата Косымова в Индию»²². Статейный список М. Ю. Косымова не только в свое время был любопытен, но даже и в настоящее время мог бы иметь важный научный интерес. Нет сомнения в том, что в нем содержались ценные исторические, этнографические, антропологические, лингвистические и географические сведения о народах и странах верховья Аму-Дарьи, т. е. Горного Бадахшана и Памира. Именно в надежде того, что статейный список содержит в себе исторические и этнографические сведения о верховьях Аму-Дарьи и в скором времени он будет найден, И. П. Минаев приложил к своей книге в качестве приложения изложения из него.

Эпоха Петра Первого — это период великих преобразований, в результате которых Россия превратилась в великое государство Европы и Азии. Теперь Россия всеми средствами стремилась к тому, чтобы стать монопольным посредником в торговле между Средней Азией и Европой, а также с другими странами Востока. Начиная с Петра I, борьба за монополию велась все время, всеми силами и средствами, начиная от посылки мирных посольств с заверениями «любви и дружественных чувств» России к такому-то государству,

до откровенного захвата вооруженной силой. Вот почему все русские дореволюционные авторы, касающиеся проблемы присоединения Средней Азии к России, относят истоки его ко времени Петра I и считают его как исполнением замысла и мечты его. «Петр,— писал известный русский историк С. М. Соловьев,— стремясь к достижению своей «великой цели» — получению Россией выхода к Балтийскому морю, не спускал глаз с Востока, зная хорошо его значение для России, зная, что материальное благосостояние России поднимается, когда она станет посредницею в торговом отношении между Европой и Азией... Страны Востока, от Китая до Турции, одинаково обращали на себя внимание Петра»²³.

Петр I для достижения своей цели большое внимание придавал обмену послов между Россией и среднеазиатскими ханствами. Так, в феврале 1716 г. в Россию приехал бухарский посол Кулибек в сопровождении 62 человек с грамотой последнего хана из династии Аштарханидов (1711—1727), в которой было выражено пожелание мира и развития торговли, поздравление Петра I с победой над шведами. Находясь за границей и узнав о прибытии посольства, Петр I немедленно послал сенату указ принять бухарского посла как можно лучше и задержать его до своего возвращения в Россию, чтобы лично принять Кулибека. В заключении своей грамоты, адресованной Петру I, хан выражал желание видеть у себя в Бухаре с ответным визитом русского посла в лице «разумного человека»²⁴. Приглашение Петру I очень понравилось, так как появилась удобная возможность дипломатическим путем, а не силой оружия, выяснить обстановку в Средней Азии, установить дружественные отношения с Бухарским ханством и как можно расширить торговые сношения через его территорию с другими странами Востока. 18 марта 1718 г. торжественно проводили в обратный путь посольство, которое только через три с лишним месяца добралось до Астрахани, где было задержано в ожидании русского посланника, итальянца по происхождению, секретаря Ориентального отдела Коллегии иностранных дел Флорियो Беневени. Указ о его отправлении был подписан 5 июля 1718 г. и сборы прошли очень быстро. В Москве посланнику была дана царская грамота к хану. Кроме того, ему был вручен один важный, секретный документ — инструкция (от 17 июля 1718 г.) или программа деятельности его в Бухаре, состоявшая из семи пунктов.

Из содержания некоторых пунктов инструкции видно, что задачи Ф. Беневени во многом совпадали с задачами его

предшественников: разведать о путях на Восток, расширить русскую торговлю, попытаться склонить бухарского хана к военному союзу с Россией и предложить ему русских солдат в гвардию и узнать о месторождении золота и других драгоценных металлов²⁵. В сентябре 1718 г. Ф. Беневени (с толмачем и курьером) выехал из Москвы и только 13 ноября прибыл в Астрахань и присоединился к задержанному там бухарскому послу Кулибеку. В связи с трагической судьбой экспедиции А. Бековича-Черкасского и рискованностью пути через Хиву, они решили следовать через Иран в Бухару, в пределы которой вошли только 25 сентября 1721 г., а через пять недель, 3 ноября они достигли г. Бухары.

С первых же дней пути Ф. Беневени приступил к выполнению тех поручений, которые были ему определены в инструкции. Велись подробные записи во всех странах всего того, что по возможности сам видел и присмотрел, а иное — от других и через нарочные посылки в продолжение всего времени, а позже обстоятельно и подробно описал и расположил их в журнале. В нем также записано расстояние между отдельными населенными пунктами, от города до города, от владения до владения, от области до области с намерением в будущем описать и изобразить все то, как сам видел и слышал, на особой карте. К сожалению, вышеупомянутого журнала составленного на итальянском языке, а также какой-нибудь карты в архиве не обнаружено. Однако, очень ценные сведения Ф. Беневени сообщает в своих реляциях, отправленных в Коллегию иностранных дел непосредственно с места событий, во время своей поездки. Важная информация и подробные сведения содержатся в «Кратком журнале посланника Флорио Беневени, в Бухарах бывшего», составленном в традициях статейных списков. В этих документах собраны очень интересные данные о внутреннем политическом положении среднеазиатских ханств, о политической борьбе в них, о постоянной вражде между Бухарой и Хивой²⁶. В реляциях упоминается, что существовал отдельный документ о состоянии торговли в областях Бухарского ханства и о торговых связях с соседними странами. Однако, пропись в архивах пока не обнаружена.

Для нас особый интерес представляют реляции Ф. Беневени от 4 марта 1724 г., от 15 апреля 1724 г., от 16 марта 1725 г. и Краткий журнал от 15 февраля по 17 сентября 1725 г. (т. е. с момента выезда из Бухары до прибытия его в Астрахань), в которых содержатся любопытные, в большинстве своем достоверные сведения, относящиеся к нынеш-

ней территории Таджикистана и Бухарскому ханству, в составе которого также находилось много районов Таджикистана. Ф. Беневени хотя вначале хорошо был принят бухарским ханом, однако заключить военный союз с ним ему не удалось. В связи с этим он пишет, что бухарский хан ныне (не располагающий достаточной военной силой.— О. Б.) ни с кем войну вести не может, он безвольный и всецело находится под влиянием узбекской знати, которая враждебно настроена против России²⁷. Свидетельством тому было то, что, завершая свое пребывание в Бухаре, Ф. Беневени не смог встретиться наедине, без свидетелей из числа узбекской знати с ханом Абдулфайзом и обсудить наиболее важные, в том числе политические вопросы. В 4 и 7 пунктах «Краткого журнала» Ф. Беневени содержатся сведения о верховьях Аму-Дарьи (т. е. р. Пяндж.— О. Б.), о Бадахшане, где в одной горе «родится камень лал» в довольно большом количестве. Местный народ как отделился от бухарского владения (т. е. 25 лет тому назад), никого из узбеков и других чужих владельцев туда не пропускает. Кроме того, в тех же местах имеется целая гора из камня лапис лазури, который тоже вывозить запрещено тайным образом. Купцы золото меняют на товар и могут вывозить²⁸. Сообщая о золоте, Ф. Беневени, по словам В. В. Бартольда, «доставил несколько преувеличенные сведения»²⁹. Так, Ф. Беневени сообщает, что через «нарочные посылки под видом купеческим проживал и удостоверялся, что в четырех местах кроме той Аму реки, впадают две другие речки, которые протекают из минеральных гор и наносят оттуда отчасти золото..., а при вершинах тех речек довольно золото обретается, а именно в Бадахшане и в Хисоре и вышеупомянутых местах»³⁰. Сообщая об истоках Аму-Дарьи, Ф. Беневени ошибался. Верховьем Аму-Дарьи является р. Пяндж, которая берет свое начало не в Бадахшане и Кабуле, а на Памире. Неточное определение направления речек, расположения города или области, а также преувеличенные сведения о наличии золота в изобилии являются результатом того, что сам посланник не посещал те места. С другой стороны, не исключено такое предположение, что Ф. Беневени, как иностранец (итальянец) по происхождению и как «разумный» посланец путем представления преувеличенных и обнадёживающих сведений о наличии золота и других драгоценных металлов в различных районах Средней Азии, о которых постоянно мечтал Петр I, попытался добиться его высокого доверия и расположения и тем самым доказать свою «разумность».

В целом, несмотря на отдельные неточности и преувеличения, большинство сведений, документов, собранных и доставленных Ф. Беневени, являются достоверными и имеют важное значение в научном отношении. И как совершенно справедливо писал более 100 лет тому назад крупный русский востоковед Н. И. Веселовский, «Из его (Ф. Беневени. — О. Б.) донесений и дневника мы ясно видим тогдашнее положение описываемых им стран»³¹. При более усилившейся вражде к русскому посланнику со стороны феодальной знати и самого хана, после попытки убить его, 8 апреля 1725 г. он тайно, глубокой ночью бежал из Бухары на Хиву, куда прибыл 19 апреля. В сентябре 1725 г. Ф. Беневени приехал в Астрахань.

Иным путем в Среднюю Азию попал другой русский путешественник и собиратель ценных сведений по истории до-революционного Таджикистана Филипп Сергеевич Ефремов. В 1774 г. Ф. С. Ефремов с 20 солдатами и казаками был командирован из Нижгорода на заставу Донгус, расположенную за Оренбургом в Киргизской степи (вернее Казахской. — О. Б.). Однажды ранним утром на них напали приверженцы И. Е. Пугачева. Попав в плен к киргизам, он был продан в рабство бухарцу Гафурходже, идущему с караваном в Бухару. В свою очередь тот подарил его своему тестю, аталыку Данияр-бию (1758—1785 гг.)³², при котором находился на действительной военной службе, научил военному делу ханских сарбазов, участвовал во многих военных походах и был удостоен военного чина юзбаши. После семилетнего пребывания в Бухаре Ф. С. Ефремов с двумя русскими пленниками убежал в Коканд, оттуда через Кашгар, Яркенд, Хутан, Кашмир и Тибет добрался до Индии. Из Индии он отправился в Англию, откуда в 1782 г. вернулся в Россию.

Описание путешествия Ф. С. Ефремова было издано три раза (1786, 1794 и 1811 гг.) под разными названиями. Третье издание является переделанным, исправленным и более полным. Оно было издано Казанским университетом с предисловием магистра исторических наук П. Кондырова³³. Описание состоит из двух частей. В первой части говорится о самом путешественнике и его странствовании, во второй — сообщаются сведения о странах, в которых побывал он. Во время пребывания в Бухаре Ф. С. Ефремов изучал языки местных жителей, особенно таджикский, как официальный, государственный язык и даже успел составить русско-таджикский словарь, состоявший из 650 слов³⁴. Знание местных языков позволило ему хорошо ознакомиться с социально-экономической,

политической и культурной жизнью Бухарского эмирата и собрать весьма ценные сведения о различных отраслях сельского хозяйства, ремесленного производства, о торговых отношениях внутри ханства и с другими соседними государствами, о системе податей и повинностей, о числе, составе, вооружении и организационной структуре бухарских войск.

Ф. С. Ефремов был первым из числа русских путешественников, который продолжительное время находился в Бухаре, неоднократно побывав в отдельных районах Северного Таджикистана, и дал достоверные, разнообразные и обширные сведения о таджиках. И как верно пишет в своем предисловии к работе Ф. С. Ефремова магистр П. Кондыров, «Сочинение его (т. е. Ефремова.— О. Б.) не из числа многих таких, которые составлены из других уже известных. Сведения у него происходят все от человека, который даже без подготовительных познаний землеописания как вообще, так и тех стран, путешествовал и заметил то, что видел собственными глазами и можно сказать, что ничего и не прибавлять, кроме верного...»³⁵

Таким образом, XVIII—начало XIX вв. являлось важным периодом как в сборе и накоплении ориентальных материалов, так и в становлении и развитии русского дореволюционного востоковедения. Параллельно, наряду со сбором фактических материалов, различных сведений в Средней Азии, происходит интенсивное накопление разного рода сведений и памятников материальной культуры в самой России и на территории Восточной Европы. Такими памятниками материальной культуры и истории народов Средней Азии являлись восточные монеты, найденные в процессе сельскохозяйственных и строительных работ в различных губерниях России, а также на территориях прибалтийских стран. Еще в 30-х годах XVIII в. число восточных, так называемых мусульманских монет в С. Петербургской Академии наук было уже так значительно, что для приведения их в соответствующий порядок в 1731 году вновь был вызван из Лейпцига единственный в то время знаток мусульманской нумизматики Георгий Яковлевич Кер³⁶. Находки восточных монет увеличивались непрерывно с возрастающим числом. Так, в 1771 г. их насчитывалось уже более 8000 штук, а в 1817 г. только в Академии наук находилось 19800 штук³⁷. Кроме того, немало восточных монет было собрано в Музее графа Н. П. Румянцева и в других научных центрах. Так, по каталогу Б. А. Дорна³⁸ в нумизматическом кабинете Института восточных языков в Петербурге в 1837 г. всего было 4269 штук восточных монет, из них 359 сасанид-

ских и саффоридских и 308 саманидских. Собрание восточных монет проводилось и при Казанском университете. По каталогу восточных монет, изданному в 1834 году Эрдманом, там было всего 564 штуки монет, из них 431 саманидских, 43 тахоридских³⁹. Кроме того, весьма значительное собрание восточных монет имелось при Эрмитаже Зимнего дворца, при Дерптском и Харьковском университетах и у частных лиц, как у графа С. Г. Строгонова в Москве, Д. И. Неслова в Казани и у многих других.

Находки восточных монет и накопленные ориентальные материалы все больше привлекали к себе внимание образованных людей России, среди которых возрождалось стремление к их изучению и осмыслению. Первые попытки изучения восточных монет и исторических сведений о народах Востока, в том числе Средней Азии, относятся ко времени Петра I, который был весьма заинтересован в нем и всячески содействовал тому. Об этом мы находим любопытные сведения в исторической записке, составленной на основе текста речи некоего Александра Викторовича Рачинского, произнесенной на обеде в честь К. П. фон-Кауфмана 12 мая 1876 г. в г. Москве. В ней говорится, что во время поездки в Европу (примерно в 1724—1725 гг. — О. Б.) на пути в Лейпциг Петр I отыскивал ученнейшего немца Георгия Яковлевича Кера, богатого познаниями в восточных языках и наречиях, знакомого с четырьмястами сочинениями о восточных государствах, в разное время написанными по всем отраслям языка и наукознания...»⁴⁰ Далее в записке пишется, что Петру I удалось добиться согласия Г. Я. Кера, которого он со всеми плодами его многолетних трудов над восточной мудростью, со всем собранием его книг, восточных рукописей, медалей и редкостей, собранных в путешествиях по Востоку, привез в Петербург и взял его под свое покровительство. С 1727 по 1737 г. Г. Я. Кер находился в Москве и усердно занимался обработкой арабской, персидской, турецкой, татарской грамматики, сличением летописей азиатских государств и изучением их верований, обычаев, сказаний и преданий.

Сам Петр I, ездя по Европе, не переставал заботиться о расширении знакомства русских с Востоком на пользу русской и европейской торговле. Он находит некоего Ганя, саксонца, пастора, пробравшегося в Самарканд и давшего сведения о богатом тамошнем книгохранилище. Использует пленного шведского капитана Штраленберга, сосланного в Сибирь, и получает от него драгоценные географические и этнографические сведения о народах Средней Азии. Доктору

Мессершмиду Петр I поручает ботаническое и зоологическое описание Сибири до границ со Средней Азией. Возвращаясь в Петербург и проживая в Кронштадте, доктор много рассказывал Г. Я. Керу об огромности и полноте самаркандской и бухарской библиотек⁴¹.

После смерти Петра I интерес русского правительства во второй и третьей четвертях XVIII в. к Востоку значительно ослабевает, что отрицательно отразилось на процессе накопления и изучения исторических сведений о народах Средней Азии. Тем не менее извлечение и накопление восточных монет в большом количестве продолжалось и в XVIII и первой половине XIX в. Одновременно, по мере сбора и накопления сведений ориентального характера, создается материальная база для формирования русского дореволюционного востоковедения. В конце XVIII—начале XIX вв. существенно меняется положение дел в формировании молодого русского востоковедения. Теперь сбор сведений о народах и государствах Средней Азии осуществляется все больше и больше в научно-востоковедческом плане. Повысился уровень и кругозор общеисторических знаний лиц, посещавших Среднюю Азию. И как справедливо пишет крупный советский востоковед Б. В. Лунин, «... в составе русских людей, посещавших Среднюю Азию, мы начинаем встречать людей с высшим образованием, специальной подготовкой, большой эрудицией, располагавших к тому же и каким-то общим запасом знаний о Средней Азии, почерпнутых из литературы, архивных источников, дипломатических документов и т. п., а также из известий русских путешественников в Среднюю Азию XVI—XVIII вв.»⁴²

В течение первой половины XIX в. русские предпринимают ряд путешествий в Среднюю Азию коллективного или одиночного характера. Из путешествий отдельных лиц наибольший интерес представляет путешествие Филиппа Назарова. В 1821 г. отдельной книжкой в Петербурге были изданы «Записки о народах и землях Средней Азии Филиппа Назарова, отдельного сибирского корпуса переводчика, посланного в Коканд в 1813 и 1814 годах»⁴³, которые давно стали библиографической редкостью. Спустя 147 лет, в 1968 г. издательством «Наука» были вновь изданы записки Ф. Назарова⁴⁴. Во втором издании, подготовленном В. А. Ромадиным «Записки...» полностью воспроизведен текст первого издания. Кроме того, при подготовке к изданию В. А. Ромадиным была использована рукопись неопубликованной работы Ф. Назарова под названием «Записка о Коканде», исправ-

ленная и подписанная самим автором 20 июня 1820 г., ныне хранящаяся в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова Щедрина в г. Ленинграде.

После окончания Азиатского училища Ф. Назаров в 1764 году поступил переводчиком на Иртышскую линию железнодорожной станции Тобольской губернии, откуда неоднократно переводили его в разные пограничные места и он был командирован за границу. Так, в 1813 г. Ф. Назаров был отправлен в Кокандское ханство с целью уладить инцидент, возникший в связи с убийством в Петропавловске кокандского посланника, возвращавшегося из Петербурга. 16 мая 1813 г. Ф. Назаров отправился из Омска и в начале октября прибыл в Коканд. Около года он находился в Ферганской долине, посетил ряд городов и селений, в том числе Ура-Тюбе, Канибадам, Ходжент, Ташкент, а в августе 1814 г. отправился в Россию с двумя кокандскими посланцами и 15 октября того же года прибыл в Петропавловскую крепость. В «Записках» Ф. Назарова содержатся незначительные, но немаловажные сведения о географическом расположении и населении гг. Ура-Тюбе и Ходжент, о состоянии ремесленного производства и торговле, о политических взаимоотношениях уратюбинских и ходжентских правителей с Бухарским эмиратом и Кокандским ханством. По сообщению Ф. Назарова, Ура-Тюбе раньше было независимым владением и считалось неприступным. Лишь за несколько дней до прибытия его в ханство, т. е. в первых числах октября 1813 г., когда кокандцы обманным путем, под предлогом «дружественного свидания» вызвали к себе правителя Ура-Тюбе (т. е. Махмуд-хана. — О. Б.), захватив его в плен, отправили в Коканд, а сами овладели городом⁴⁵. Эти сведения Ф. Назарова являются достоверными, ибо они подтверждаются как последующими дореволюционными русскими исследователями, так и советскими востоковедами. Именно в первой четверти XIX в., в период правления Алимхана (1800—1810 гг.) и Умархана (1810—1822 гг.) Кокандское ханство являлось более сильным, чем Бухарский эмират, и совершило более двадцати походов на Ура-Тюбе⁴⁶. Ценными являются сведения путешественника и о Ходжентском владении.

Особенно важное значение в научном отношении имеют результаты путешествий А. Ф. Негри, Е. К. Мейендорфа, Потанина, П. И. Демезона, И. В. Виткевича, К. Ф. Бутенева, Н. В. Ханыкова, А. Лемана, Ф. Богословского. Осенью 1820 г. в Бухару было отправлено русское посольство во главе с сотрудником внешнеполитического ведомства, действительным

статским советником А. Ф. Негри. В состав посольства вошли натуралист Э. А. Эвереман и группа офицеров, в том числе капитан Е. К. Мейендорф. Согласно инструкции, посольство должно было собирать сведения о природных ресурсах, правителях среднеазиатских ханств, их отношениях между собой, а также с Афганистаном, Ираном и Османской империей, о возможностях судоходства по Сыр-Дарье и Аму-Дарье. В качестве основной цели посольства Негри предусматривались переговоры о расширении торговли между двумя государствами. 10 октября 1820 г. посольство выступило из Оренбурга, а 20 декабря оно торжественно было принято эмиром Хайдаром. После трехмесячного пребывания в Бухаре, 23 марта 1821 года члены посольства двинулись в обратный путь и в середине мая того же года возвратились в Россию.

Не вдаваясь в подробный анализ общих результатов русского посольства в Бухару, отмечаем, что участие в нем специалистов различного профиля во многом способствовало всестороннему ознакомлению с Бухарским ханством. Не останавливаясь на сведениях, собранных другими членами посольства, отметим личный вклад только одного из них — Е. К. Мейендорфа в изучение Бухарского ханства вообще, а отдельных районов Таджикистана в особенности. По возвращении из путешествия, Е. К. Мейендорф начал работать над книгой, которая была издана в 1826 г. в Париже на французском языке под названием «Путешествие из Оренбурга в Бухару». В том же году в г. Иене вышел немецкий перевод. На русском языке за исключением отдельных отрывков, опубликованных на страницах журналов⁴⁷, в полном виде вышло в свет спустя 150 лет со времени первого издания, т. е. в 1975 г. с переводом Е. К. Бетгера, под редакцией и с вступительной статьей Н. А. Халфина⁴⁸. Следует констатировать, что русское издание «Путешествия...» Е. К. Мейендорфа с большим интересом было принято научной общественностью страны. Оно было первым обстоятельным описанием Бухарского ханства. Одновременно следует особенно отметить большую и весьма трудную работу переводчика Е. К. Бетгера и редактора Н. А. Халфина, о чем свидетельствуют обширные и обстоятельные примечания переводчика и научно обоснованная вступительная статья редактора с дополнительными примечаниями его к «Путешествию» Е. К. Мейендорфа. Несмотря на то, что путешественник не имел возможности разъезжать по всем среднеазиатским ханствам, тем не менее ему удалось путем встречи с различными людьми: купцами, паломниками, странниками собрать разнообразные любопыт-

ные сведения, более или менее достоверно описать многие города и районы Средней Азии и привести немало интересных сообщений о дореволюционном Таджикистане, о торговых путях, связывающих его с другими соседними владениями. О содержании книги Е. К. Мейендорфа будет сказано в третьей главе настоящей работы.

В 1830 г. из Оренбурга до г. Ташкента кокандских посланников сопровождал хорунжий сибирского линейного казачьего войска Потанин, который производил съемку и описывал маршруты путей следования и собирал наряду с другими данными исторические сведения о Кокандском ханстве. Результатом его путешествия явились записки о названном ханстве, которые впервые были напечатаны в 1831 г. под названием «Записки сибирского линейного казачьего войска хорунжего Потанина, препровождавшего кокандских посланников, бывших у российского двора в 1830 году»⁴⁹. Затем, в 1856 г. были перепечатаны записки с исправлениями многочисленных опечаток и пояснительными примечаниями известного русского востоковеда П. С. Савельева⁵⁰.

Записки Потанина являются ценными источниками по истории Кокандского ханства. В них содержатся обширные сведения о политическом строе, об административном устройстве и войсках, об экономической жизни отдельных районов ханства, которых не было в известиях и записках других путешественников, побывавших в Средней Азии до него. Для нас записки Потанина важны в том отношении, что Ходжентский и Ура-Тюбинский районы тогда входили в состав названного ханства и поэтому путешественник немало ценных сведений дает о них. Анализируя сведения автора записок, следует прийти к следующему выводу: 1) В ханстве существовал монархический политический строй в виде восточного деспотизма. Во главе ханства находился хан, который управлял страной самовольно, по своему усмотрению, без всякого рода суда казнил или отстранял от должности чиновников; 2) Власть в ханстве передавалась по наследству; 3) В ханстве отсутствовала постоянная армия. В мирное время войска жили по домам и занимались различными работами: ремеслом и земледелием; 4) Ура-Тюбе, раньше составляющее самостоятельное владение, было присоединено к Кокандскому ханству за два года до пребывания путешественников в Коканде, т. е. в 1828 г.; 5) Ходжент вошел в состав ханства несколько раньше, чем Ура-Тюбе.

В 1833 г. Оренбургским военным губернатором В. П. Перовским для сбора необходимых сведений в Бухару из г. Оренбурга был послан П. И. Демезон. По происхождению

он был из Сардинии. Хотя обстоятельство его приезда в Россию остается пока тайным, тем не менее для получения высшего образования он был зачислен по распоряжению министра народного просвещения студентом Казанского университета «с оставлением» в Петербурге для обучения восточным языкам у ориенталиста Г. М. Влангали. Кроме того, он слушал лекции прочих наук в С-Петербургском университете. С 1 апреля 1823 г. служил в Казанском университете и был утвержден 6 августа 1830 г. в степени кандидата по восточной словесности и оставался при университете до 26 февраля 1831 г., т. е. до отправления его на службу в Оренбург, где он был назначен старшим учителем арабского и персидского языков в Неплюевское военное училище. Работа переводчиком и преподавателем позволяла ему постоянно совершенствовать свои знания восточных языков, обычаев и этикета и помогала ему все время находиться в курсе событий, происходивших на Востоке и хорошо разбираться в них.

10 ноября 1833 г. из Орска вместе с восточными купцами отправился в Бухару П. И. Демезон, переодевшийся для безопасности татарским муллою под именем Мирзо Джафар и все время своего путешествия оставался неузнанным, хотя эмирские чиновники постоянно следили за ним, буквально за каждым его шагом. Через полтора месяца, 29 декабря П. И. Демезон прибыл в Бухару. Ему было поручено письмо Оренбургского военного губернатора, адресованно Кушбеги, в котором твердо заявлялось желание устранить все препятствия для торговли и свободных дружественных сношений между Россией и Бухарой. Прожив четыре месяца в Бухаре, Демезон успел много сделать. Он хорошо изучил бухарскую торговлю, военные силы эмирата, город, быт и нравы его жителей. Хотя периодически он письмом информировал Перовского, однако, более полные отчеты были составлены им по его возвращению 26 июня 1834 г. в Оренбург.

Записки П. И. Демезона охватывают самые различные стороны жизни Бухарского эмирата. В них содержатся самые точные сведения, статистические данные и интересные факты. Записки, как замечательные и интересные исторические источники, были высоко оценены известным русским востоковедом П. С. Савельевым. Обратив внимание на путешествие Демезона в научном плане, П. С. Савельев писал, что записки его «конечно прольют много света на современное состояние Мовараннагра»⁵¹. Записки П. И. Демезона вместе с записками И. В. Виткевича были изданы под редакцией и с предисловием Н. А. Халфина в 1983 г. под общим названием «Записки о Бухарском ханстве»⁵². Весьма важны-

ми являются сведения П. И. Демезона о взаимоотношениях Бухарского эмирата с другими среднеазиатскими ханствами, о кровавых междоусобицах, начавшихся после смерти эмира Хайдара (1826 г.) между его сыновьями за престол, о бухарских военных силах, о производимых продуктах и предметах торговли как внутри ханства, так и в соседних государствах. Среди них немало данных и сведений, относящихся к отдельным районам Таджикистана. Он называет Ура-Тюбе кокандской крепостью⁵³. Это сообщение его как бы является подтверждением сведений предшествующих русских путешественников о том, что Ура-Тюбе и Ходжент, составляющие яблоко раздора между двумя среднеазиатскими ханствами, в 30-х гг. XIX в. находились под властью кокандского хана. Ходжентский район, пишет путешественник, играл роль в торговых отношениях между Бухарой и Кокандом. Большое количество шелка-сырца Бухара получила из Ходжента, так как его шелк был более качественнее, чем бухарский⁵⁴. Касаясь сельскохозяйственных продуктов, являющихся предметами торговли, путешественник отмечает, что для удовлетворения потребности населения Бухара импортирует большую часть риса из Коканда, Шахрисябза и Гиссара, причем гиссарский рис высшего качества стоил 48 теньга за батман, в то же время кокандский и шахрисябзский рис продавался по 42—44 теньга⁵⁵.

С «Записками» П. И. Демезона теснейшим образом связана «Записка», составленная по рассказам прапорщика Виткевича Оренбургского линейного батальона № 10 относительно пути его следования в Бухару и обратно». Разжалованный в солдаты, он был сослан в Орскую крепость, где с ним встречался знаменитый немецкий ученый А. Гумбольдт, путешествовавший в то время по России и Востоку. И. В. Виткевич своей высокой одаренностью и превосходным знанием восточных языков обратил на себя внимание А. Гумбольдта, по рекомендации которого зимой 1835—1836 гг. он был прикомандирован к Оренбургской пограничной комиссии. Здесь на него была возложена задача: «вникнуть в положение и отношения киргизских и казахских родов, кочевавших близ Сыр-Дарьи, доставать как можно верные и подробные сведения о них, узнать о влиянии бухарцев, хивинцев и англичан, стараться о вырубке захваченного в прошлом году в плен казака Степанова с женой»⁵⁶. Однако, И. В. Виткевич не оставался в степи, и по неизвестным причинам оказался в Бухарском ханстве, где провел почти полтора месяца (со 2 января по 13 февраля 1836 г.), результатом которого явилось красочное повествование о различных сторонах жизни Бу-

харского ханства. В нем содержатся важные сведения о состоянии торговли, об особенностях экономической жизни и административном устройстве, быте и нравах, а также о политических событиях 30-х гг. XIX в. как внутри ханства, так и в сопредельных странах, в том числе в Афганистане и в Иране. Он впервые из числа русских путешественников и посланников дает достоверные фактические материалы о тайных происках англичан в среднеазиатских ханствах и Афганистане. Так, по сообщению его, уже 4 года, т. е. с 1832 г., в Бухаре под предлогом торговли живет английский агент кашмирец Низамуддин, который ежегодно получает на свое содержание 20 тысяч рупий, т. е. 40 тысяч рублей. Он отправляет через нарочных тайных гонцов еженедельно и чаще письма в Кабул, где проживал англичанин Мэсон, который доставлял их далее. В Кабуле Мэсон жил под предлогом отыскивания древних монет⁵⁷.

Из Бухары И. В. Виткевич выехал в Афганистан, где в то время находился английский разведчик А. Бернс, который из-за происков его был вынужден покинуть Кабул. Из Афганистана он через Иран в 1839 г. приехал в Петербург. Царское правительство относилось к отчету И. В. Виткевича недоверчиво, считая, что он превысил свои полномочия, в результате чего он застрелился, уничтожив свою обобщенную записку⁵⁸. Поэтому в архивах «Записка» его сохранилась в нескольких рукописных черновых экземплярах, а до обнаружения и опубликования их в 1983 г. исследователи предполагали, что путешественник не оставил после себя ничего. В отличие от П. И. Демезона, И. В. Виткевич не скрывал свое настоящее имя и воинское звание и поэтому возможность сбора сведений и знакомства с ханством у него была более ограниченной. Тем не менее он много узнал за полтора месяца.

В 1838 и 1840 гг. бухарский эмир Насрулло дважды обращался к русскому правительству с просьбой прислать ему специалистов для исследования некоторых местностей ханства, в которых предполагалось наличие золотых россыпей. Принимая во внимание заинтересованность самой России в наличии месторождений золота и других драгоценных металлов, русское правительство, признав полезным удовлетворить просьбу эмира, весной 1841 г. отправило в Бухару посольство под руководством известного русского горного инженера, майора К. Ф. Бутенева. В состав посольства вошли: горные инженеры Ф. Богословский, Козлов, Лепешков и Морозов, топографы Яковлев, Чалпанов и Петров, рабочие гор-

ных дел. Такой состав посольства, укомплектованный в Петербурге, показался не совсем удовлетворительным Оренбургскому военному губернатору В. А. Перовскому, и по его настоятельному требованию в состав посольства из г. Оренбурга был включен Николай Владимирович Ханыков, хорошо знающий уже к тому времени арабский и в совершенстве персидский языки. 3 мая 1841 г. посольство двинулось из г. Оренбурга на юг и в начале августа прибыло в Бухару и сразу 5 августа было принято эмиром Насрулло⁵⁹.

С первых же дней пребывания в ханстве в силу сложившихся обстоятельств во всех делах посольства Н. В. Ханыков выдвинулся на первый план. Политическое положение внутри ханства было весьма противоречиво, в связи с чем бухарцы опасались проявления излишнего внимания более сильных держав к их стране, каким являлось Русское государство. Доказательством тому являлся тот факт, что в то время под арестом в Бухаре находились английские офицеры: полковник Стодарт и майор Конолли по обвинению в шпионаже, а впоследствии, после отъезда русского посольства, они были казнены. Эмир очень осторожно относился и к русским исследователям, приглашенным им самим. Свидетельством тому служит тот факт, что горную партию постоянно в поездке сопровождал юзбаши Рамазан, который всячески препятствовал сбору сведений и проведению необходимых измерений. Предвидя такую политическую ситуацию, еще во время нахождения посольства в Оренбурге, В. А. Перовский в целях поддержания престижа посольства поручил К. Ф. Бутеневу за исключением самого эмира, вступать в контакт с остальными бухарцами только при посредстве Н. В. Ханыкова. К тому же сам К. Ф. Бутенев не владел восточными языками и с недоверием относился к эмирским толмачам. Разумеется, как сам эмир, так и другие бухарские чиновники не очень доверяли иностранным дипломатам.

Кроме г. Бухары, члены горной партии, в том числе Н. В. Ханыков, побывал в гг. Самарканде, Панджакенте, Карши, в верховьях Зарафшана (а именно в Урмитан, Варзаминор, Сарвода до возвышенности Фан-тау и Каратау)⁶⁰. В течение почти пяти месяцев (с начала октября 1841 г. по конец февраля 1842 г.) он регулярно пять раз в день производил метеорологические наблюдения, систематически и с максимальной настойчивостью собирал различного рода материалы. Хорошее знание восточных языков, в том числе таджикского и узбекского, позволило ему вступить в непосредственный контакт с местными жителями без переводчика. С узбеками он беседовал по-узбекски, с таджиками — по-таджик-

ски. Именно такое общение с местным населением способствовало откровенности и позволяло Н. В. Ханыкову всесторонне изучать различные стороны истории, прошлого и настоящего Бухарского ханства, его экономику, административное устройство, состояние войск, духовную жизнь и собирать самые драгоценные материалы и сведения, которые оказались недоступными другим членам посольства.

Руководителю посольства от министерства иностранных дел были вручены две инструкции — одна открытая, другая «доверительная», т. е. закрытая. В официальной, открытой инструкции посольству предписывалось передать от царя хану Бухары письмо и подарки, после чего заняться изучением, описанием и разведкой полезных месторождений благородных металлов и камней, находящихся в Бухаре. Как говорилось в закрытой инструкции, на самом деле, основной задачей посольства являлось изыскание «наилучших путей для подчинения Бухары русскому влиянию»⁶¹. Для выполнения последнего поручения К. Ф. Бутеневу предлагалось в целях упрочения политического влияния России и развития русской торговли, собрать возможно достоверные и полезные сведения как о Бухарском ханстве, так и о сопредельных с ним странах и установить мирные отношения между Россией и эмиратом. При этом особое внимание уделялось англо-русским отношениям в Средней Азии.

После вручения письма и подарков, горная партия посольства почти три недели (с 5 по 25 августа) ожидала разрешения эмира на проезд в Самарканд и расположенную на востоке от него горную область, в которой, по рассказам бухарцев, находились золотые россыпи. К тому же самому К. Ф. Бутеневу, как главному специалисту, горному инженеру не было разрешено лично отправляться с горной партией на разведки полезных ископаемых. Поэтому он отправил на разведку штабс-капитана Богословского с младшими горными инженерами, прибавил к ним натуралиста А. Лемана и для съемки топографа Яковлева. Ссылаясь на необходимость поднесения подарков местным правителям, горную партию сопровождал Н. В. Ханыков, который с большим вниманием и старательностью собирал сведения о всем виденном и слышанном во время поездок по городам и селениям ханства.

Как уже отметили, политическое положение внутри ханства было весьма сложное и сильно ограничивало возможность успешного и полного выполнения возложенных на горную партию задач. Положение усложнилось еще тем, что члены горной партии были лишены возможности связаться с ру-

ководителем посольства К. Ф. Бутеневым и сообщить ему о возникающих между ними и сопровождавших их бухарских чиновников различных разногласиях. Впоследствии ознакомившись с ходом работы горной партии, К. Ф. Бутенев в своем рапорте от 10 сентября 1842 г. главному управляющему корпусов горных инженеров Конкрину писал: «В продолжение сего путешествия обнаружился злой и сварливый характер провожавшего партию юзбаши — Рамазана, который... часто брал путь в противность желания и надеждам на открытие, препятствовал собирать материалы и растения... Подозрение его особенно было на г. Богословского, от которого он во весь путь не отъезжал ни на шаг и во всяком поднятом им с земли камне думал видеть золотую руду и отобрал его от него»⁶². На обратном пути Рамазан, окончательно расстроившись с членами горной партии, покинул ее и с жалобами на них и за дальнейшими инструкциями поспешил к воевавшему в то время под Кокандом эмиру. Путешествие русского посольства в общей сложности продолжалось тринадцать месяцев. 8 апреля 1842 г. посольство покинуло ханство и 9 июня того же года вернулось в Оренбург.

Несмотря на ограниченность условий, все члены русского посольства в целом оправдали возлагавшиеся на них надежды. Каждый из них по своей линии и специальности собирал новые, ценные сведения о весьма слабо изученных городах и местностях. Труды участников русского посольства, несомненно, намного обогатили тогдашние еще ограниченные представления русских ученых о Бухарском ханстве, в том числе о дореволюционном Таджикистане. Среди членов посольства 1841—1842 гг. в Бухару особенно следует отметить первостепенное значение заслуг Н. В. Ханькова во всестороннем изучении Бухарского ханства. Кроме материалов, необходимых для его будущих научных трудов, о которых речь идет в третьей главе, он привез в Петербург и передал в дар Азиатскому музею впервые бухарские, хивинские и кокандские монеты — важнейшие источники и памятники материальной культуры, так необходимые для изучения истории и экономической жизни среднеазиатских ханств⁶³.

Значение русского посольства 1841—1842 гг. в Бухару не ограничивалось лишь результатами исследования одного Н. В. Ханькова. Большой вклад в изучение различных сторон жизни Бухарского вообще, а дореволюционного Таджикистана в частности внесли другие члены посольства. Одним из них был натуралист А. А. Леман, родившийся в 1814 г. в г. Дерпте в семье популярного врача Лемана. После окончания Дерптского университета в 1838 г. по приглашению

оренбургского генерал-губернатора В. А. Перовского он приезжает в Оренбург, а на следующий, 1839 г., принимает участие в хивинском военном походе. За двадцать дней пребывания в г. Бухаре до отъезда в г. Самарканд А. А. Леман успел ознакомиться с жизнью Бухары. В этом ему помогали два «почтенных жителя» города, имена которых по каким-то неизвестным соображениям он не называет. Для собирания необходимых сведений он ежедневно посещал днем длинные базары города, а вечером совершал прогулки за городом. На базарах он обратил особое внимание на обилие русских товаров, почти вытеснивших в некоторых случаях английские и китайские изделия. По его мнению, русские фабриканты лучше приспособились к местным вкусам и требованиям. На базарах встречались прекрасного качества и местные клинки из Гиссара⁶⁴. Вне поля зрения А. А. Лемана не остались и культуры земледелия. По его рассказам, таджики славились своим плодоводством, которым они занимались с необыкновенным трудолюбием. Также не остались незамеченными им и виноградарство, садоводство, шелководство и др.

А. А. Леман в составе горной партии принял непосредственное участие в исследовании еще совершенно неизведанных предположительно золотоносных горных местностей верховьев р. Зарафшана. Своим изысканием он определил, что в былые времена Зарафшан имел уровень воды несравненно выше настоящего. Несмотря на несудоходность Зарафшана, по нему сплавляли к г. Бухаре лес, растущий в горах. Исследователю удалось не только видеть золото, но и наблюдать на берегу реки Фана промывку золота двумя таджиками на чрезвычайно примитивно устроенных вашгердах. Промыванием небольших количеств золота в мелких зернах из речного песка Зарафшана занимались и жители Урмитана⁶⁵. По предположению А. А. Лемана, золото было принесено сюда издалека, с востока, с действительно золотоносных гор Фан-тау и Кашгара горными потоками, которые заполняли долины Зарафшана и Фана⁶⁶. Он также открыл пласты каменного угля и медные руды в горах Кара-тау, о которых до него не знали ничего местные жители. Во время длительного пребывания в Бухаре он пользовался всем своим свободным временем для всестороннего изучения экономической, культурной жизни ее жителей. При этом особое внимание уделял изучению воспитательной и образовательной системы, постановке лечебного дела в городе. После возвращения из путешествия А. А. Леман вскоре скончался, и собранные им геологические, этнографические и ботанико-зоологические мате-

риалы, написанные на немецком языке, через десять лет, в 1852 г. были изданы его коллегами⁶⁷.

Не теряли времени и другие члены русского посольства в период пребывания в Бухаре. Ф. Богословский составил подробный отчет о только что произведенных горной партией геологических исследованиях и опубликовал обширную «Записку о долине Зарафшана и горах, ее окружающих»⁶⁸. К. Ф. Бутенев на основании полученных данных написал для эмира краткую записку об «открытиях, сделанных горной партией месторождений каменного угля и многих благонадежных признаках медных руд»⁶⁹.

Следует отметить, что сбор и накопление источников, восточных рукописей, памятников материальной культуры народов Средней Азии продолжались и во второй половине XIX в., и в начале XX в., в более благоприятных условиях. Здесь нам остается напомнить, что кроме русских посланников, путешественников и купцов, немало ценных сведений было собрано через среднеазиатских купцов и посланников, выезжающих и отправляемых в Россию из самой Средней Азии, а также через тех среднеазиатских купцов, которые заселились на постоянное местожительство на территориях Западной Сибири и Оренбургского края и сыгравших посредническую роль в торговле между Россией и Средней Азией⁷⁰. И, наконец, весьма точные сведения о внутреннем положении, военных силах, торговле и экономической жизни среднеазиатских ханств были доставлены в Россию русскими пленниками после освобождения и возвращения на родину, так как в Средней Азии использовали их в основном в качестве военных инспекторов⁷¹.

Из вышесказанного следует прийти к следующим выводам:

1. Как видно, начало русско-среднеазиатских связей относится к периодам не позже IV в. до н. э. Но, если судить по сохранившимся до нас историческим источникам, восточным рукописям и памятникам материальной культуры о народах Средней Азии, то следует отметить, что сбор и накопление их начались с конца XV века.

2. С конца XV в. начинается накопление первых исторических сведений о Средней Азии. Они были собраны в Средней Азии и доставлены в Россию русскими посланниками, иногда купцами, были весьма сжатыми и в основном касались торговых дел. Сбор имел эпизодический характер и проводился не в научном плане. Так продолжалось до начала XVIII века. До этого времени отсутствовало какое-нибудь офици-

альное или общественное учреждение, занимавшееся сбором и хранением накопленных сведений и материалов.

3. Со времени Петра I начинается новый период в сборе и накоплении исторических сведений о Средней Азии. Теперь расширилась и усложнилась деятельность послов, отправляемых в Среднюю Азию. Отправлялись они со специальными наказами, выполнение которых для них являлось обязательным. Кроме данных о торговле, на них была возложена задача собирать материалы о различных сторонах жизни не только среднеазиатских ханств, но и о сопредельных странах Востока. Они действовали согласно специальной секретной инструкции, которую обычно поручали перед отправкой. Начало было положено и сбору и накоплению памятников материальной культуры народов Средней Азии. Инициатива в этом деле принадлежит прежде всего самому Петру I, по приказу которого в 1714 г. было основано первое государственное учреждение, начавшее собирать восточные редкости и письменные памятники на восточных языках, памятники материальной культуры — восточные монеты, в том числе среднеазиатские. Таким учреждением была Петербургская Кунсткамера.

4. Конец XVIII—начало XIX вв. Это важный период в истории русского дореволюционного востоковедения. Теперь не каждый мог попасть в состав русских посольств, отправлявшихся в Среднюю Азию. Сбор материалов и сведений о народах и среднеазиатских государствах все больше и больше осуществлялся в научно-востоковедческом плане. В состав посольств включали теперь людей с высшим и средним восточным образованием или специальной предварительной подготовкой. Именно в этот период целиком формировалось русское дореволюционное востоковедение как самостоятельная отрасль научных познаний.

5. С конца XVIII до начала XIX вв. параллельно со сбором и накоплением исторических сведений, восточных сведений, восточных рукописей и памятников материальной культуры начинается изучение и обобщение этих материалов и на основе их русскими востоковедами создаются первые научные труды о Средней Азии. Теперь сбор и накопление материалов производится исключительно в научном плане.

6. Изучение истории русского дореволюционного востоковедения, процесса сбора и накопления материалов востоковедческого характера, знакомство с каталогами рукописных фондов многочисленных научно-исследовательских учреждений: Института востоковедения АН СССР и его Ленинградско-

го отделения, Государственной библиотеки им. В. И. Ленина в г. Москве и Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в г. Ленинграде, Институты востоковедения АН Таджикской и Узбекской ССР и т. д. убедительно показали, что исторические материалы, восточные рукописи, памятники материальной культуры среднеазиатских народов по сравнению с материалами других регионов Ближнего и Среднего Востока стояли на одном из первых мест и сыграли важную роль в формировании и становлении русского дореволюционного востоковедения.

7. Процесс сбора и накопления исторических сведений и восточных рукописей показал совпадение, сближение и переплетение цели и направления русского востоковедения и внешней политики Российской империи в Средней Азии. Такая тенденция наблюдается с начала XIX в. и постепенно усиливается. А после присоединения Средней Азии к России интересы внешней политики русского правительства во многих отношениях определяли направление русского востоковедения. Практически такое сближение или совпадение интересов проявилось в том, что царизм и русские капиталисты были заинтересованы во всестороннем исследовании Средней Азии и поэтому содействовали сбору материалов и организации научных экспедиций в различные районы Средней Азии, выделяли средства и покровительствовали научным изысканиям. Русские исследователи, востоковеды, учитывая такую заинтересованность русского правительства, в первую очередь стремились как можно полнее использовать покровительство и содействие со стороны правительства, воспользоваться военным прикрытием русского войска для сбора необходимых материалов в более опасных местностях.

ГЛАВА III. ОСВЕЩЕНИЕ ИСТОРИИ ТАДЖИКОВ И ТАДЖИКИСТАНА В ТРУДАХ РУССКИХ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ВОСТОКОВЕДОВ ДО ПРИСОЕДИНЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ К РОССИИ

Изучение истории русского дореволюционного востоковедения убедительно показало, что на рубеже XVIII—XIX вв. оно уже сформировалось как самостоятельная отрасль научных знаний и получило свое дальнейшее развитие, расширение и углубление в первой половине XIX в. Как видно из содержания второй главы, в становлении русского дореволю-

ционного востоковедения важное место занимали сбор и накопление исторических сведений и памятников материальной культуры народов Средней Азии. Сбору и накоплению исторических сведений и памятников материальной культуры содействовали постоянные русско-среднеазиатские торгово-экономические, политико-дипломатические и культурные связи, начавшиеся с давних времен. Однако, изучение накопленных исторических источников и памятников материальной культуры народов Средней Азии началось намного позже, со времени Петра I, но более систематический характер приняло в конце XVIII—первой половине XIX вв., которое значительно способствовало становлению русского востоковедения. При этом необходимо подчеркнуть, что освещение истории народов Средней Азии, в том числе таджиков и Таджикистана, началось с изучения памятников материальной культуры, какими являлись среднеазиатские монеты, найденные в разное время на территории европейской части России и прибалтийских стран.

Первым государственным учреждением в России, начавшим собирать восточные редкости и письменные памятники на восточных языках, была Петербургская Кунсткамера¹, основанная Петром I в 1714 г. Нам не удалось установить, от кого поступили первые экспонаты и письменные материалы в Кунсткамеру. Однако, нет сомнения в том, что с основанием Кунсткамеры началось систематическое накопление восточных рукописей. Специальными указаниями Петра I в 1717—1724 гг. предписывалось присылать в Кунсткамеру различные предметы, в том числе восточные. Пополнение собраний Кунсткамеры происходило не только за счет предметов, присылаемых по указам Петра I, но и также за счет экспонатов, собранных экспедициями различного характера. Так, например, была привезена различная жертвенная утварь и старые восточные рукописи на пергаменте, найденные на восточном берегу Каспийского моря в 1717—1718 гг. во время экспедиции А. Бековича-Черкасского². Важную роль как в создании Кунсткамеры, так и в пополнении ее собраний восточных рукописей принадлежит Петру I. По замыслу Петра I Кунсткамера должна была играть важную роль в воспитании чувства патриотизма русского народа. Он заботился не только о собирании памятников в Кунсткамере, но и также прилагал усилия к установлению постоянных связей нового музея с научными учреждениями Западной Европы. После создания Академии наук в 1725 г. Кунсткамера вошла в ее состав. Теперь в ней по-прежнему были сосредоточены восточ-

ные редкости и письменные памятники, а восточные рукописи поступали в библиотеку Академии наук, где хранились вместе со всеми книгами.

Богатство коллекции Кунсткамеры определялось не рукописными материалами, а наличием разнообразных памятников материальной культуры и нумизматическими коллекциями. Одной из особенностей XVIII в. было то, что частные лица увлекались коллекционированием монет и медалей, за счет которых обогащались коллекции Кунсткамеры. Так, например, в 1727 г. в нее поступила большая коллекция русских и восточных монет более 1000 штук от частных лиц. С расширением коллекций Кунсткамера нуждалась в более удобном и просторном здании, которое было заложено на Васильевском острове. Открытие его для посетителей состоялось 25 ноября 1728 г.³ Не только ученые отдавали свои собрания в Академию наук, отдавали их также и отдельные лица, находившиеся на государственной службе.

Сотрудники Кунсткамеры занялись составлением каталогов. Первый такой каталог был составлен в начале 1733 г. В составлении его принимали участие вместе с ее сотрудниками и ученые-востоковеды. Вышел он в свет только в 1742 г. на латинском языке. Вышел в свет и второй том, в котором было помещено описание восточных монет Кунсткамеры, выполненное профессором восточных языков Г. Я. Кером. Необходимо напомнить, что первые попытки изучения восточных монет и рукописей относятся ко времени Петра I и при его непосредственном содействии. Сохранились любопытные сведения в одной из исторических записок, составленной на основе текста речи некоего Александра Викторовича Рачинского, произнесенной на обеде в честь трукестанского генерал-губернатора К. П. фон-Кауфмана (1867—1882 гг.) 12 мая 1876 г. в г. Москве⁴. В ней говорится, что во время одной из своих поездок в Европу (предположительно в 1724—1725 гг. — О. Б.) на пути в Лейпциг Петр I «отыскал ученого немца Георгия Яковлевича Кера, богатого познаниями в восточных языках и наречиях, знакомого с четырьмястами о восточных государствах сочинениями, в разное время написанными по всем отраслям языка и наукознания...»⁵ Далее в записке пишется, что Петру I удалось добиться согласия Г. Я. Кера, которого он со всеми плодами его многолетних трудов над восточной мудростью, со всеми собраниями его книг, восточными рукописями, медалями и редкостей, собранных в путешествиях по Востоку, привез в Петербург и взял его под свое покровительство. Согласно сведений составителя записки, он находился в Москве с 1727 по 1737 год (до

1740 г. — О. Б.) и усердно занимался обработкой арабской, персидской, турецкой, татарской грамматик, сличением летописей азиатских государств и изучением их верований, обычаев, сказаний и преданий в сообществе с пленным бухарским духовным лицом Ахун-ходжой и его братом ученым мусульманином. По другим сведениям, на наш взгляд, более близким к истине, время пребывания Г. Я. Кера относится к 1729—1740 гг.⁶ В той же записке говорится, что в судьбе Кера в период царствования Екатерины I ничего мы не знаем, а в период правления Петра II (1727—1730 гг.) и Анны Ивановны (1730—1740 гг.) Кер занимается обучением восточных языков различным наукам молодых людей для пользы азиатской торговли: Воронина, Смирнова, Братищева, Яковлева, Черницына, Щукина и Чекалевского⁷. Если принимать во внимание то, что Петр I сам привез Г. Я. Кера в Петербург, тогда возможно предполагать, что после смерти Петра I, увидев заметное ослабление интереса к странам Востока, великий востоковед вынужден был покинуть Россию. Однако, навсегда он не мог расстаться с богатейшими восточными рукописями и памятниками материальной культуры народов Востока, накопленными в Академии наук России. Поэтому нет сомнения в том, что с вступлением на престол Анны Ивановны он вернулся в Россию, и теперь он работал не в Петербурге, а в Москве, так как туда был перенесен императорский двор.

Востоковедческая наука в России делала свои первые шаги, описание коллекции восточных рукописей, монет только начиналось. Новый устав Академии не предусматривал занятий востоковедением. Тем не менее, накопление письменных памятников и материальной культуры народов Востока продолжалось. К 70-м г. XVIII в. в библиотеке Академии наук и Кунсткамере было собрано большое количество рукописей, фрагментов, монет и прочих восточных экспонатов. В описании библиотек наряду с другими восточными рукописями упоминается «Хамса» Низами Ганджави, Кораны, «Истори Темира» ибн Арабшаха, «Родословная история тюрков» Абулгазы. Особенно быстро росли коллекции восточных монет. Так, если по описанию Л. И. Бекмейстера, в 1771 г. число восточных монет в Кунсткамере насчитывало уже более 8000 штук, то в 1817 г. их число дошло до 19800 штук и продолжало расти все больше⁸.

К концу XVIII в. в Кунсткамере было собрано огромное количество восточных экспонатов, в связи с чем возникла необходимость разделить Кунсткамеру на несколько самостоя-

тельных музеев, чтобы иметь возможность привести в порядок богатейшие коллекции и экспонировать их. В Кунсткамере к этому времени имелись зоологический, ботанический, азиатский, этнографический и египетский отделы. Однако, осуществлению намерения в жизнь помешала Отечественная война 1812 г. 11 ноября 1818 г. по распоряжению президента Академии наук С. С. Уварова при Кунсткамере было создано особое отделение для медалей, рукописей и книг восточных под названием «Восточного кабинета», а хранителем его был назначен академик Х. Д. Френ⁹. Создалось более скромное учреждение, которому суждено было сыграть весьма почетную роль в истории русской востоковедческой науки. Вновь созданному Азиатскому кабинету передали из библиотеки все восточные рукописи и фрагменты, книги на европейских языках по Востоку, восточные монеты и археологические памятники и предметы этнографии. Кабинет разместился на первом этаже восточного крыла Кунсткамеры. Первым директором Азиатского кабинета являлся Х. Д. Френ, который заведовал им с 11 ноября 1818 г. по 20 мая 1842 г.

Не без интереса, несколько слов о Христиане Даниловиче Френе (1782—1851). По происхождению немец, родился 24 мая (4 июня) 1782 г. в г. Ростоке, который находился в герцогстве Мекленбурге. Первое восточное образование он получил в том же городе у знаменитого ученого-востоковеда с мировым именем Олуф Гергард Тихсен (1758—1815). В 1804 г. он напечатал первый свой научный труд — арабский текст «Описание Египта» из сочинения Ибн-аль-Варди по рукописям Курляндской и Дрезденской библиотек с латинским переводом и объяснениями, после чего стал уже известным во всей Европе¹⁰. В ноябре 1804 г. был основан Университет в Казани с особой, еще первой в России, кафедрой восточных языков. По мнению отечественных ученых, для занятия должности заведующего кафедрой русское правительство обратилось с вопросом в ту же Германию, и выбор О. Г. Тихсена пал на его юного ученика и друга. Х. Д. Френ согласился с предложением своего учителя и в конце лета 1807 г. приехал в Россию и был утвержден ординарным профессором на кафедре восточных языков Казанского университета, где проработал целых десять лет. Первая его научная работа «Описание восьми саманидских и девяти бувайхидских монет»¹¹ за неимением латинского шрифта в Казанском университете была написана и издана на арабском языке в Казани, в 1808 г., которая сделалась известной как во всей Европе, так и в арабском мире. Сильвестр де Сасси, стоящий, уже тогда

вместе с О. Г. Тихсенем во главе ориенталистов Европы, обратил внимание ученого мира на работу Х. Д. Френа и поместил разбор ее в «Миллановском журнале философии», и тогда он писал: «Исторические и хронологические трудности, представленные монетами, описанием которых мы обязаны г. Френу, придают большую знаменательность изданию их в свете. Нельзя не быть благодарным г. Френу за то, что он ими занялся и весьма желательно, чтобы он продолжал труды свои по этой части»¹². Одобрение первых трудов Френа столь знаменитыми ориенталистами, как Тихсен и де Сасси, было сильным поощрением молодому казанскому профессору, исследования которого могли тогда быть оцененными лишь немногими знатоками в Париже и Германии.

В 1815 г. скончался знаменитый его учитель О. Г. Тихсен и Ростовский университет предложил Френу занять его кафедру. Х. Д. Френ принял предложение, вышел в отставку и отправился к новому своему назначению 6 июня 1817 года. На пути он остановился в Петербурге и узнал, что багетйшая сокровищница, хранившаяся при Академии наук, до тех пор еще никем не была разобрана и лежит грудой в Кунсткамере. Также Академия наук со своей стороны хотела воспользоваться пребыванием его для проведения их в систематический порядок и описания их. Конференция Академии наук предложила ему звание ординарного академика по части восточных древностей со всеми правами и преимуществами. Френ принял это предложение и остался в Петербурге навсегда¹³. В 1842 г. он вышел в отставку, а 16 августа 1851 г. скончался.

Вся жизнь Х. Д. Френа была посвящена исключительно науке. Он высоко ценил звание академика. Предметами его изучения являлись памятники, преимущественно нумизматики. Никто не извлек больше света из этих мертвых до сих пор материалов, чем получил Френ. Для восточных народов, в том числе среднеазиатских, Френ как объяснитель памятников материальной культуры, столь же необходимый путеводитель, как Табари, Маъсуди и Мирхонд. Описанием и изучением саманидских, сафаридских и тахиридских монет прежде всего обязаны Френу. До него все восточные монеты, найденные на территории восточной части России и прибалтийских стран, считались куфическими, т. е. арабскими. Со временем чем больше узнавал и изучал Среднюю Азию по памятникам материальной культуры и рукописям, тем больше привлекала его внимание ее история. Забота об отыскании в Средней Азии рукописей особенно редких и даже считаю-

щихся доселе утраченными не покидала его до смерти. «Если бы был молод, как вы,— говорил он молодым ориенталистам,— то совершил бы ученое путешествие именно в Среднюю Азию»¹⁴. Более всего, он полагал—что можно ожидать от поисков в Бухару и Самарканд, где во времена Тимура были знаменитые и обширные библиотеки. С этой целью Френ в 1833 г. напечатал список ста сочинений преимущественно исторического, географического и литературного содержания на арабском, персидском и турецком языках, недостающих большей частью в европейских библиотеках для пользы наук лицам, пребывавшим в Средней Азии и других странах Востока.

Велика заслуга Френа в подготовке отечественных русских ориенталистов, в которых тогда нуждалось молодое русское востоковедение. Даже после того, как он ушел в отставку, к нему по-прежнему за советами обращались ориенталисты. Особенно внимателен он был к молодым отечественным ориенталистам, только начинающим, для которых был всегда руководителем. «Вообще едва ли есть ориенталист в России,— писал востоковед П. С. Савельев,— которым он не был чем-нибудь обязан». Узнав о кончине Френа, президент АН граф С. П. Уваров писал: «После кончины Сильвестра де Сасси, восточная литература не оплакивала более великого имени. Это один из светильников высокой науки, один из тех ученых, поколение которых истощалось»¹⁵.

Русское востоковедение продолжало изучение исторических источников. Ряд имен известных русских востоковедов связано с работой над источниками, принадлежащими Азиатскому музею. К числу их относятся: Х. Д. Френ, Б. А. Дорн, В. П. Васильев, О. М. Ковалевский, П. С. Савельев, В. В. Григорьев, В. В. Вельяминов-Зернов, Н. В. Ханьков, И. П. Минаев, В. Р. Розен, В. В. Радлов, К. Г. Залемон, Н. И. Веселовский и др. Многие из востоковедов по своему служебному положению не были связаны с Азиатским музеем. Но исследования неизбежно приводили их в хранилище музея. Об этом свидетельствуют научные исследования П. С. Савельева, В. В. Григорьевой, В. В. Вельяминова-Зернова, Н. В. Ханькова и многих других.

Одним из первых известных русских востоковедов, в трудах которого нашла свое освещение история таджикского народа и Таджикистана, был Павел Степанович Савельев (1814—1861)¹⁶. Первоначальное обучение он получил дома. Когда ему минуло около десяти лет, отец отдал его для дальнейшего образования в пансион иностранца Рэмоне, посту-

пивший потом в заведение другого француза Ревэля. Это заведение тогда считалось одним из лучших в Петербурге и пользовалось заслуженной известностью. П. С. Савельев пробыл здесь пять лет (с марта 1824 по июль 1829 года), отличался способностью и любовью к учению. Видя способность сына, отец решил, что для окончательного образования он должен пройти через университет. С этой целью он был взят из пансиона и полтора года готовился к поступлению в университет, в который поступил в январе 1830 г. на филологический факультет. Восточными языками он занимался неофициально, самостоятельно. П. С. Савельев решил окончательно посвятить себя изучению Востока. После слушания блестящих лекций профессора О. И. Сенковского, лекции других профессоров становились скучными и пустыми до тошноты, и поэтому он перестал посещать их. Для того чтобы достичь цели П. С. Савельев решил поступить на службу, которая так или иначе соприкасалась бы с Востоком. Поэтому он ушел из университета через четыре года и в октябре 1834 г. был принят в Институт восточных языков при Министерстве иностранных дел вместе с В. В. Григорьевым. Этот институт был основан в 1823 г. с целью подготовки кадров для дипломатической и миссионерской работы в Персии, Турции и Египте. Убедившись в том, что он не будет драгоманом¹⁷, в декабре 1835 г. оставил и это учебное заведение.

После ухода из института Савельев П. С. начал сотрудничать в журнале «Библиотека для чтения» с профессором О. И. Сенковским, который в свободное время от занятий работал в нем. Здесь наряду с литературной деятельностью П. С. Савельев продолжал углублять свои знания в восточных языках и истории, особенно среднеазиатских. В этом большую помощь он получил от Френа. На страницах журнала печатались его статьи, посвященные различным вопросам жизни Средней Азии. В конце 1841 г. в «Бюллетене АН» была напечатана статья Френа на латинском языке. Желая привлечь внимание русских читателей на среднеазиатские монеты, Френ просил П. С. Савельева перевести статью на русский язык. Из уважения к Френу, П. С. Савельев напечатал перевод в № 16 1842 г. в журнале «Сын Отечества». Переводя статью Френа, он начал интересоваться местом нахождения восточных монет и их содержанием. Важнейшим результатом изучения восточных монет явилось появление в начале 1847 г. его работы «Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории» и «Топография кладов с восточными монетами и изделиями VII, VIII, IX, X, и XI вв. в России

и прибалтийских странах»¹⁸. Издание ее составляет видную услугу со стороны П. С. Савельева не только русской, но и общеевропейской литературе и обратило на него внимание специалистов как в России, так и за границей. Академия наук отметила этот труд Демидовской премией¹⁹.

Таким образом с 1839 г. П. С. Савельев отдался преимущественно географии Средней Азии, а с 1842 г. — восточной нумизматике в связи с русской историей. В 1846 г. в Петербурге было образовано Общество знатоков и любителей археологии и нумизматики, которое своим влиянием на П. С. Савельева окончательно сделало его нумизматом, археологом и археографом. Будучи одним из членов — основателей этого общества, больше втягивался в сферу его деятельности. Своей десятилетней деятельностью, сначала в качестве секретаря его, потом секретаря и редактора «Записок» Общества (с 19 февраля 1850 по 10 декабря 1851 г.), затем секретаря восточного отдела (с 22 декабря 1851 г. по 26 февраля 1859 г.) и наконец заведующего делами Отдела русской и славянской археологии и редактором «Известий общества»²⁰. П. С. Савельев весьма больше, чем кто-либо из его членов, содействовал приобретению Археологическому обществу того сочувствия, какими пользовалось оно у специалистов и в России и за границей. Его инициативе русские ориенталисты были обязаны тем, что в «Трудах» и «Известиях» Восточного отдела общества теперь имели свой собственный, первый в России печатный орган. Независимо от своих различных должностей, он постоянно держал общество в известности обо всех научных новостях в мире, определял все поступающие в дар Общества восточные монеты, перевел для него несколько статей зарубежных авторов.

Весьма многогранна была деятельность и научная склонность П. С. Савельева. Одновременно он являлся членом Географического общества, которое возникло почти одновременно с Археологическим (с августа 1845 г.). В нем он принимал участие по азиатской лингвистической части и содействовал созданию этнографического музея при обществе. Своими трудами он участвовал в издании «Карманной книжки для любителей земледования», «Географических известий» и «Вестников» и т. д. Поэтому невозможно охватить всю его научную и общественную деятельность. Для нас особый интерес представляет его вклад в изучение и исследование восточных монет, в том числе среднеазиатских. Об активном участии П. С. Савельева в изданиях Археологического общества «Записках», «Трудах» и «Известиях» блистательно

свидетельствуют семьдесят с лишним его статей и разных научных обобщений, большинство из которых относятся к нумизматике и археологии Средней Азии. По признанию его сокурсника в университете и в Институте восточных языков, крупного востоковеда В. В. Григорьева «статьями этими (т. е. по среднеазиатской нумизматике.— О. Б.) П. С. Савельев справедливо приобрел репутацию первого в России ученого по части мусульманской нумизматики»²¹.

В справедливости и объективности такой высокой оценки трудов П. С. Савельева нас убеждают его многочисленные научные труды и статьи²², особенно его научный доклад «О важности изучения восточной нумизматики и археологии в России», с которым он выступил на втором годовом собрании Археологического нумизматического общества 13 января 1847 г.²³ Он впервые обратил внимание участников собрания на отрасль науки, так называемая археология и нумизматика, которыми до того никто из сочленов общества не занимался. Подчеркивая важность изучения восточной археологии и нумизматики, он на основе данных восточных монет, найденных в России, убедительно доказал, что «наше отечество с первых исторических времен постоянно находилось в сношениях с народами Востока», а территория его издревле служила столбовой дорогой, по которой шли купцы со своими товарами с востока на запад и наоборот. Он вслед за Френом первый из русских востоковедов определил не только хронологические рамки проникновения восточных монет в Россию и прибалтийские страны, но и также даты чеканки и принадлежность их правителям восточных государств. Так, по определению его, первые металлические древности, проникшие в европейскую часть России, относятся к VII веку и началу мусульманского периода. Древнейшие из мусульманских монет принадлежат 80-году хиджры, т. е. 699 г. н. э., а новейшие — 407 году хиджры, т. е. 1011—1012 г. н. э. Причем, самые древнейшие — серебряные монеты принадлежали последним правителям сасанидской и хисравидской династий. В количественном отношении большинство найденных восточных монет относится к IX—началу XI вв. и принадлежали династиям — Тахиридов (821—873), Сафаридов (873—903) и Саманидов (903—999).

История русского дореволюционного востоковедения свидетельствует, что в те годы, когда жил и творил П. С. Савельев, в России невелико было в учено-литературном кругу число людей, действовавших с полным сознанием, с размышлением ума, строгого к самому себе, самостоятельного, без

самодеятельности, положительного, без упрямства и с той внутренней чистотою, как этот замечательный востоковед. Правда, в юношеских трудах своих он позволял себе иногда быть компилятором, но только по необходимости. Таким он был в «Энциклопедическом Лексиконе» и «Библиотеке для чтения» (1835—1838 гг.). Однако, и тогда он прикрывал свое компиляторство личной самостоятельностью. С тех пор, как он занялся своей «Мухаммеданской нумизматикой», и позже, когда он принял участие в «Трудах» Археологического и Географического общества, самостоятельность его крепла все более. «Кто знал его лично или вчитывался в его произведения без пристрастия,—говорилось в память П. С. Савельева на заседании Археологического общества,— тот, конечно, мог заметить, как его светлый ум становился все строже к себе, в своих помыслах все внимательнее, теплее и к истине знания и к правде жизни, в своих трудах все требовательнее, настойчивее»²⁴. Не изменила его и последняя, тяжелая болезнь. В разном расположении духа, при разном состоянии сил, он и тогда оставался в мысли и в деле один и тот же: постоянно работающий, постоянно занятый умом и душой, постоянно к себе требовательный. Он воспитывал в себе не самолюбие, а самостоятельность, не зависть, а честь.

П. С. Савельев был одним из тех немногочисленных ученых, для которых ученость — не чин и звание, а призвание, потребность, внутренняя сила, нужная им для самих себя, а не для внешних действий. Тем, кто узнавал его, тем яснее видел эту его внутреннюю силу. Наблюдая его высокое чувство патриотизма, некоторые исследователи его творчества воображали, что он антинемец. Нам кажется, правы те его современники, которые считали, что подобное мнение о нем — это недоразумение. Наоборот, у него можно было учиться ценить заслуги немцев в деле науки²⁵. Действительно, он не мог всякого немца почитать ученым и ученость видеть только в немце — вот все, что было в нем антинемецкого. Достоинство знаний, дарование заслуг уважал он безотносительно, где бы их ни замечал. В этом отношении для него не существовало различия народностей. Как не существовало силы взглядов других, он был только независим. П. С. Савельев овладел множеством языков: почти всеми европейскими и прекрасно знал несколько азиатских, особенно таджико-персидский, открывающий ему все богатства восточной литературы и рукописей.

Е. К. Мейендорф был первым из числа русских путешественников, который после возвращения из поездки по Средней

Азии в составе русского посольства во главе А. Ф. Негри в 1820 г. не ограничился только представлением официального отчета правительству и не считал свою миссию завершённой, как поступали до него все русские посланники. В целях написания и издания отдельной книги на основе собранных им материалов, он приступил к разработке их. В 1826 г. книга Е. К. Мейендорфа под названием «Путешествие из Оренбурга в Бухару» вышла в свет на французском языке в Париже и на немецком в Йене (в Германии). На следующий, 1827 г. краткое изложение из книги под тем же названием «Путешествие из Оренбурга в Бухарию в 1820 г. бароном Мейендорфом» было опубликовано на страницах газеты «Русский инвалид»²⁶. В 1834 г. была опубликована сравнительно большая статья под названием «Путешествие Муравьева, Мейендорфа, Конолли и Бернса» в Журнале «Библиотека для чтения»²⁷. И наконец, спустя 150 лет после первого издания, в 1975 г. издательством «Наука» «Путешествие» Е. К. Мейендорфа было издано в полном объеме на русском языке²⁸.

По своей структуре, «Путешествие» делится на три части, каждая из которых состоит из 5—8 глав. Сведения о климатических условиях, рельефе и водных ресурсах отдельных районов и городов Таджикистана содержатся во второй части. Несмотря на то, что Е. К. Мейендорф не имел возможности разъезжать по всем среднеазиатским ханствам, тем не менее, ему удалось путем встреч с различными людьми: купцами, паломниками, странниками собрать разнообразные и любопытные сведения, более или менее достоверно описать многие города и районы Средней Азии и привести немало интересных сообщений о дореволюционном Таджикистане, о торговых путях, связывающих его с другими соседними владениями. Больше всего и наиболее достоверные сведения в книге содержатся о гг. Ходженте, Ура-Тюбе, Ромитане, Гиссаре, Каратаге, Регаре, Файзабаде, о Кулябском, Каратегинском, Дарвазском, Шугнанском и Бадахшанском владениях. Говоря о взаимоотношениях Бухарского и Кокандского ханств, путешественник пишет, что обе стороны враждебно относились друг к другу и часто находились в состоянии войны из-за Ходжентского и Ура-Тюбинского владений. Так, десять лет назад (т. е. в 1811 г.— О. Б.) Бухара захватила Ура-Тюбе, который до этого был независимым владением.

Автор очень тщательно фиксировал любопытные сведения, сопоставляя их с данными других путешественников, после чего высказывал свои критические замечания по тому или другому вопросу. Пятая глава второй книги посвящена

описанию Гиссарского, Кулябского, Ромитского, Бадахшанского, Шахрисябзского владений, наиболее богатым из которых являлось Гиссарское. Правитель его назывался хан, но он был тесть и верный союзник бухарского эмира, который присвоил ему высокий чин — аталык. По сообщению автора, Гиссарский край формально входил в состав Бухарского эмирата, фактически сохранил свою независимость. Ему были подвластны Денау, Сарыжуй, Тупалак, Регар, Каратаг, Даштабад, Чакмазор и Ходжа-Таман. Необходимо отметить, что Е. К. Мейендорф очень верно описывает названия городов, районов, областей, страны. Это дает нам основание предполагать, что информаторы его хорошо знали Среднюю Азию, располагали достоверными сведениями и сумели точно передать их ему. Немало интересных сведений содержится в книге о жителях верховьев Зарафшана и Кашка-Дарьи. Объективно описывая бедное положение горной страны верховьев Зарафшана — Кухистана, населенной гальчами (т. е. таджиками), автор отмечает тесные экономические, торговые связи жителей ее с Кокандом, Самаркандом, Ура-Тюбе и другими городами.

Третья часть книги Е. К. Мейендорфа целиком посвящена Бухарскому ханству. В ней дается подробное описание ханства. И в этой части содержится немало ценных сведений о таджиках и отдельных районах и городах Таджикистана. Географические сведения о Фальгаре, Магиане, Кштуте, Панджакенте, Урмитане, Кара-тепе, Ургуте, Ура-Тюбе, Замине, Джизаке приводятся в первой главе данной части. По данным путешественника, в г. Бухаре находилось около 8000 домов, в которых проживали до 70 тысяч человек, три четверти которых составляли таджики²⁹. Население ханства автор делит на две основные группы: одна победившая и господствующая, которую составляли узбеки, другая — побежденная и подчиняющаяся, которую составляли таджики, являющиеся первоначальным населением страны и происходящие, вероятно, от древних согдийцев³⁰. Таджики, пишет автор, деятельны, трудолюбивы и имеют немалые способности к различным профессиям: они — купцы, ремесленники и земледельцы. Кочевая жизнь не доставляет им никакой радости. Большинство умеет читать и писать, и кроме духовенства, составляют наиболее цивилизованную часть бухарского населения³¹. По сведениям, собранным автором, в ханстве насчитывалось всего 2478000 человек — жителей, из них 1500000 составляли узбеки, 650000 — таджики³².

Более подробные обширные фактические материалы при-

водятся о внутренней и внешней политике, торговле, об административно-политическом устройстве Бухарского ханства. Автор рассказывает о сложной и в то же время запутанной системе управления, многочисленных придворных чинах и званиях, сосотоянии и вооружений войск, о быте и нарве, духовной жизни бухарцев. Е. К. Мейендорф впервые из числа европейских исследователей и путешественников дает верную характеристику политическому строю Бухарского ханства и называет его деспотическим. Глава ханства носит ханский титул и одновременно титул Эмир-аль-Муминин, т. е. глава правоверных. В своих руках сосредоточил всю власть и распоряжается жизнью и имуществом подданных³³. Однако, на решение ханов большое влияние всегда оказывали бухарские улемы, мусульманские теологи, высшие богословы и законоведы, которые являлись советниками хана. Автор прав, когда пишет, что в мусульманских государствах религия теснейшим образом связана с гражданскими законами, которым она придает силу.

Высоко оценивая значение «Путешествия» как важного источника по истории среднеазиатских народов, в том числе таджиков, и отмечая особую любопытность, наблюдательность и изыскательность его автора, проявленные в сборе фактических материалов и различных сведений, тем не менее нельзя согласиться со всеми его характеристиками и выводами, данными тем или другим народам Средней Азии, или высказанным мнением по тому или другому вопросу. Отдельные неверные оценки и выводы автора явились результатом того, как справедливо пишет в своей вступительной статье Н. А. Халфин к данной книге, что автор не соприкасался непосредственно с подлинными представителями народов Средней Азии... что он имел дело преимущественно с развращенной придворной знатью, а потому не располагал хоть какими-нибудь серьезными основаниями для обобщения и категорических утверждений. Выводы же, сделанные на базе краткого знакомства или в результате получения недобросовестной по самым различным соображениям информации, вряд ли достаточно достоверны»³⁴. Так, он считает, что Куляб расположен на пути из Бадахшана в Коканд, жители Гиссарского и Кулябского владений все почти узбеки, среди которых лишь немного таджиков³⁵. Мастчо и Ягноб населены не таджиками, а гальчами — восточными иранцами³⁶, дарвазцы и шугнанцы являются кафирами — язычниками и кочевниками³⁷ и т. д. Разумеется, такие смутные и неверные сведения о жителях верховьев Панджа дошли до Мейендорфа от информаторов-суннитов, которые из-за исмаилисткого верования на-

зывали их «язычниками», т. е. кафирами. Автор также ошибочно назвал реку Пандж Дарвазом и Бадахшаном, а реку Оби-Хингоу — Каратегинном. Также нельзя не отметить, что «Путешествие» Е. К. Мейендорфа было издано на французском и немецком языках, и поэтому для широкого круга научной общественности, не говоря уже о массах читателей, долгое время оставалось недоступным, хотя отдельные извлечения из него были напечатаны на страницах русской периодической печати, или встречались отрывки, ссылки в научных трудах русских востоковедов узкого круга.

Во второй главе было отмечено, что среди членов русского посольства 1841—1842 гг., побывавшего в Бухаре, особое место занимал тогдашний молодой 22-летний ориенталист Николай Владимирович Ханыков (1819—1878 гг.)³⁸. Он был сыном балтийского моряка Владимира Яковлевича, вышедшего в отставку, в чине коллежского советника и жил с семьей в Петербурге. Он дал своим сыновьям первоклассное образование. Его старший брат Яков так же, как и он окончил Царскосельский лицей, был автором ряда работ по географии, истории, экономике стран Средней Азии, дослужился до высокой должности Оренбургского гражданского губернатора и умер в 1862 г. Что касается младшего брата Александра (1825—1853 гг.), то он обучался с детьми знати столицы в 1-й Петербургской гимназии, а затем в Петербургском университете. Весной 1849 г. за участие в кружке петрашевцев был арестован и приговорен к смертной казни. В результате хлопот братьев и друзей казнь была заменена ссылкой на каторгу в Орскую крепость, где вскоре от холеры скончался Александр. Сам Николай окончил курс в Царскосельском лицее, в декабре 1836 г. поступил на службу в Министерство иностранных дел. Это обстоятельство и предоставило ему случай отдаться вполне той специальности, на поприще которой он вскоре приобрел вполне заслуженную им известность как исследователь среднеазиатской истории, географии, этнографии, лингвистики и как собиратель восточных рукописей³⁹. Полученные знания в лицее оказались недостаточными пытливому молодому человеку, так как в его программе не было языков народов Востока, их литературы и культуры, истории и этнографии. Н. В. Ханыков со всем этим ознакомился самостоятельно, поступив после окончания лицея на службу, он ходатайствовал о разрешении в течение двух лет слушать лекции в Петербургском университете «для усовершенствования себя в науках». В круг его интересов властно вторгся Восток во всем его многообразии, и в

университете он занимался восточными языками. При изучении восточных языков главное внимание Н. В. Ханьков уделял изучению таджикско-персидской филологии, в которой впоследствии, по признанию самих востоковедов, стал величиной мирового масштаба.

Как известно, со времени своего основания (1734—1743 гг.) до 1867 г., до образования Туркестанского генерал-губернаторства, Оренбург являлся военно-административным, политическим и экономическим форпостом Российской империи на Востоке. Через него осуществлялись дипломатические связи со среднеазиатскими ханствами, для которых царское правительство имело своеобразный внешнеполитический центр — Оренбургскую пограничную комиссию, в которой, как правило, служили опытные чиновники, знающие языки народов востока и хорошо разбирающиеся в политической обстановке среднеазиатских ханств. В связи с активизацией внешней политики Англии в странах Азии и началом первой англо-афганской войны (1838—1848 гг.) царское правительство решило принять энергичные меры, чтобы помешать своему опасному сопернику. На ответственный пост оренбургского военного губернатора был назначен генерал-адъютант Василий Александрович Перовский (1833—1842 гг.). Для сбора необходимых сведений о Туркестанском крае он окружил себя талантливыми и знающими восточные языки людьми, среди которых оказались братья Яков и Николай Владимирович Ханьковы (1839—1840 гг.)⁴⁰. Они официально являлись чиновниками особых поручений при оренбургском военном губернаторе. Участвуя в военном походе В. А. Перовского на Хиву (1839 г.), Н. В. Ханьков собирал различные сведения о городе. Участие в хивинском походе имело большое значение для служебной биографии Н. В. Ханькова. Он был замечен В. А. Перовским и в 1841 г. по его настоятельному требованию был включен в состав русского посольства во главе с горным инженером Константином Федоровичем Бутеневым, о котором было уже сказано во второй главе.

Здесь, не касаясь деятельности Н. В. Ханькова в составе русского посольства (1841—1842 гг.), ограничимся рассмотрением научных результатов поездки и оценкой научных трудов его как востоковеда и исследователя истории, этнографии, лингвистики, географии, топографии и быта народов Средней Азии, в особенности таджиков и Таджикистана. По возвращении из поездки по Бухарскому ханству в составе русского посольства, Н. В. Ханьков приступил к разработке собранных материалов и написанию научных трудов. Для

того, чтобы легче подготовить труд и максимально использовать материалы по различным проблемам истории Бухарского ханства и соседних с ним стран, ему необходимо было быть в столице империи — в Петербурге. По его просьбе 17 августа 1842 г. он был переведен в Петербург и назначен переводчиком VIII класса при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел. Одновременно Перовский поручил ему управлять столом II отделения департамента, занимающимся делами «кочевых народов Кавказской, Астраханской и частью Саратовской губернии», а также киргиз-кайсаков всех орд⁴¹. Молодой чиновник — столоначальник и весьма одаренный ориенталист, которому не исполнилось еще двадцати трех лет, так напряженно и с полной отдачей силы трудился над собранными материалами и восточной рукописью, что не более чем через год, в июне 1843 г. вышел в свет его крупный труд «Описание Бухарского ханства»⁴², который явился не только важным событием в истории молодого русского востоковедения, но и также имел большое государственное значение. Свидетельством тому является то, что расходы на издание его взял на себя Азиатский департамент.

При рассмотрении книги Н. В. Ханькова и определении ее научного значения необходимо исходить из ленинского положения об оценке заслуг исторического лица по сравнению с тем вкладом, какой был сделан его предшественниками. Исходя из этих позиций, попробуем оценить значение научной работы Н. В. Ханькова. Как видно из второй главы, собрание и накопление сведений о народах Средней Азии началось очень давно, но письменные сведения сохранились лишь начиная с XVI в. Особенно увеличилось сведения в XVIII—начале XIX вв. В этом деле, несомненно, важное значение имели путешествия Ф. Беневени (1721—1725 гг.), Ф. С. Ефремова (1774—1782 гг.), Ф. Назарова (1813—1814 гг.), А. Ф. Негри, Е. К. Мейендорфа (1820—1821 гг.), Потанина (1830 г.), П. И. Демезона (1833—1834 гг.), И. В. Виткевича (1836—1839 гг.), каждый из которых собирал немало интересных, любопытных материалов и различных сведений, значительно пополнили представления научной общественности России о Средней Азии, в том числе и о Бухарском ханстве. За границей, в Берлине, вышла в свет книга Э. Эверемана, а в Париже Е. К. Мейендорфа на немецком и французском языках. Оба автора были серьезными наблюдателями, описывали особенности жизни Бухарского ханства, быта и нравов его населения. Однако их описание носило чисто профессиональный характер, первый занимался так называемой

«натуральной историей», а второй—преимущественно географией, топографией и военным делом Бухарского ханства. К тому же, с работами указанных авторов могли знакомиться лишь ограниченные специалисты, а для большого круга научной общественности они стали доступны намного позже, после перевода их на русский язык.

Таким образом, как справедливо отмечают исследователи научно-дипломатической деятельности Н. В. Ханыкова Н. А. Халфин и Е. Ф. Рассадина, к моменту появления его труда Бухара отнюдь не являлась белым пятном в научной литературе. И тем не менее ученому удалось не только сказать о ней свое слово, но и заслужить восторженные отзывы всех знатоков вопроса как в те далекие годы, так и впоследствии, вплоть до сегодняшнего дня⁴³. В результате собственных наблюдений, расспросов местных жителей, а также на основе привлечения письменных источников, Н. В. Ханыков написал замечательную научную работу, удостоившуюся высокой оценки современников. «Известный путешественником своим в Бухару и «Описанием Бухарского ханства»,— писал видный русский востоковед П. С. Савельев,— он принадлежит к основательнейшим и ученнейшим из наших ориенталистов»⁴⁴.

Спустя 43 года после выхода в свет книги Н. В. Ханыкова, в 1886 г. крупнейший исследователь Средней Азии И. В. Мушкетов считал исследование его «... чрезвычайно обстоятельным и до сих пор уважаемым, содержащим всю сумму новейших для того времени сведений о Бухаре...»⁴⁵. И наконец, спустя 60 лет, великий русский востоковед с мировым именем академик В. В. Бартольд писал: С тех пор (т. е. с момента издания «Описания Бухарского ханства».— О. Б.) многие русские исследователи имели возможность посетить Бухарское ханство при еще более благоприятных условиях, чем Ханыков; тем не менее его кинга остается до сих пор лучшим описанием ханства»⁴⁶.

В книге Н. В. Ханыкова весьма тщательно рассматриваются следующие вопросы: территория, топография, орография, гидрография, климат, племена и народонаселение, промышленность (т. е. ремесла), торговля, сельское хозяйство, административное устройство бухарского ханства и народное просвещение. Заключение посвящено утверждению эмира Насруллы на престоле и его военным походам в Коканд 1840—1842 г.. Книга снабжена Картой Бухарского ханства и планами городов Бухары и Самарканда. Не вдаваясь в разбор всего содержания книги Н. В. Ханыкова, ограничимся

лишь рассмотрением сведений историко-политического и социально-экономического характера, которые или непосредственно относятся к отдельным районам дореволюционной территории Таджикистана и таджикам, или являются общепризнаваемым для всех среднеазиатских ханств и народов.

Историко-политические сведения содержатся в первой главе и в заключении⁴⁷ и посвящены междоусобным феодальным войнам внутри эмирата, длительным дворцовым интригам за престол, разгоревшимся после смерти Хайдара (1826 г.), кокандским военным походам эмира Насруллы в 1840—1842 гг., в результате которых он завоевал Ура-Тюбе, Ходжент и даже Коканд и временно сделался единым властителем всего Мовароннахра. Изложение исторических событий начинается с 1802 г., т. е. с прихода к власти эмира Хайдара, и доводится до 1842 г., когда сам автор находился в эмирате. Говоря о политическом положении внутри эмирата, исследователь подчеркивает, что эмир Хайдар получил престол в централизованном виде, когда почти весь Мовароннахр повиновался его воле, на юге Балх и Гиссар платили молодому повелителю подати, а на севере Ура-Тюбе и Ходженте беспрекословно исполняли его требования. Но он не в таком виде передал ханство своим наследникам. В результате междоусобных феодальных войн в короткое время Бухара потеряла свое политическое значение, на юге отделились от ханства Балх и Гиссар, на севере Ура-Тюбе, а Ходжент был завоеван кокандцами. В результате острой борьбы за престол между наследниками эмира Хайдара, разгоревшейся после его смерти (1826 г.), границы ханства еще более сократились, с большим трудом и через много кровопролитий и казней других претендентов, эмиру Насрулле удалось ликвидировать внутренние беспорядки и думать о возвращении ранее утраченных территорий, в том числе Ура-Тюбе и Ходжента. Исторические сведения, приведенные в заключении книги, целиком посвящены периоду правления эмира Насрулло с 1826 по 1842 г.

Всесторонний анализ исторических сведений, посвященных в основном политической истории Бухарского эмира, убедительно показал, что Н. В. Ханьков не просто описывает исторические события по собранным и слышанным сведениям и собственным наблюдениям, а освещает историю на основе глубокого анализа и сравнения всех видов источников и собранных сведений путем расспроса местных жителей различных сословий. Это видно из поставленной автором перед собой задачи, о которой говорит автор в предис-

ловии к своей книге: «Изложить не просто впечатления путешественника (как сделали до него все путешественники.— О. Б.), а сделать опыт систематического описания ханства»⁴⁸. В связи с этим, нам кажется, что название книги не соответствует ее содержанию, которому бы лучше соответствовало название «Освещение Бухарского ханства». Что касается достоверности исторических сведений политического характера, о которых говорилось выше, то следует подчеркнуть, что они полностью совпадают со сведениями источников и местных авторов, какими являются «Два рассказа» Мирзы Шамса Бухари⁴⁹, произведение таджикской поэтессы Дильшод⁵⁰, «Зафарномаи Хусрав:» («Царственная книга побед»⁵¹) и др.

Очень богатый фактический материал содержится в книге Н. В. Ханыкова о племенах и народонаселении, в том числе о таджиках, которых он считает коренными жителями ханства, о ремесле, торговле, сельском хозяйстве (о земледелии, огородничестве, садоводстве, виноградарстве, хлопководстве, зерноводстве и т. д.), а также административном устройстве и просвещении ханства. Некоторые из перечисленных вопросов: земельно-аграрные отношения, ремесленное производство и торговля, система податей и повинностей нашли свое определенное историографическое освещение в ранних опубликованных нами работах⁵². Весьма интересными и точными являются орографические, гидрографические и топографические сведения, которые охватывают не только верховья Зарафшана и Гиссарскую долину, но и также юго-западную территорию нынешнего Таджикистана и Северного Афганистана.

Необходимо отметить, что при рассмотрении каждого вопроса автором широко использованы сведения других путешественников о Бухаре с упоминанием о них в тексте. Несмотря на отсутствие постраничных сносок, на использование источников, тем не менее, работа Н. В. Ханыкова написана на высоком научном уровне и не потеряла своего значения до наших дней. И каждый исследователь, разрабатывающий любой вопрос дореволюционной истории народов Средней Азии, непременно обращается к анализируемой нами книге.

В 1844 г. в «Журнале Министерства внутренних дел» были опубликованы две научные статьи Н. В. Ханыкова: «Городское управление в Средней Азии»⁵³ и «О населении киргизских степей, занимаемых Внутреннюю и Малую Орду»⁵⁴. К исследуемому нами вопросу относится первая статья, в которой рассматривается система управления городами ханства и целиком перекликается с разделом административного уп-

равления монографии автора и в значительной степени дублирует его. В ней автор попытался доказать, что на развитие человеческого общества решающее влияние оказывает географическая среда. В 1868 г. из 161 номера журнала «Русский инвалид» того же года отдельным оттиском была опубликована статья Н. В. Ханыкова «Самарканд (рассказ очевидца)»⁵⁵, в котором он описывает свое путешествие по Самарканду и верховьям Зарафшана и сообщает некоторые распространенные сведения о порядке и форме взимания податей и пошлины, об их размерах, об ответственных лицах за сборы налогов.

Несмотря на огромную важность исследования Н. В. Ханыкова, наряду со многими положительными сторонами, его публикации не были лишены недостатков, и нельзя согласиться с некоторыми его положениями и выводами. К недостаткам относятся следующие: 1) Преувеличивая роль географических факторов, в то же время автор недооценивает роль другого, главного фактора — народонаселения; 2) Автор проявил поверхностность и субъективизм при определении черт национального характера народов Средней Азии; 3) В публикациях автора европоцентристский, высокомерный подход к среднеазиатским народам и их государствам. Такая тенденция прежде всего проявляется при описании общественной и культурной жизни народов и административного управления ханством, внешнеполитических отношений Бухарского ханства с соседними государствами, в том числе с Россией; 4) Допущена историческая неточность относительно появления узбеков в Средней Азии. По утверждению Н. В. Ханыкова, государство саманидов было низвергнуто узбеками в X веке.

И еще об одном вкладе Н. В. Ханыкова, который внес в дело обогащения источниковедческой базы русского востоковедения. В начале 1840 года, находясь в г. Оренбурге, Н. В. Ханыков познакомился с бухарским торговцем, таджиком Мирзо-Шамсом и предложил ему написать записки о замечательных событиях в Бухаре и Кашгаре, участником которых являлся он сам. Выполняя просьбу востоковеда, Мирзо-Шамс написал два рассказа и предоставил ему. Тогда же эти рассказы, написанные на простонародном таджикском языке, были переведены Н. В. Ханыковым на русский язык, а затем с научной информацией о них выступил на заседании Императорского Археологического общества. В этих рассказах встречаются некоторые подробности о личных отношениях эмира Хайдара к его сыновьям, о заболевании и смерти

его, о периоде правления Мир-Хусейна и Умархана, о вступлении Мир Насруллы на бухарский престол, о которых в его других записках «О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре», написанных 20 лет позже по просьбе другого востоковеда В. В. Григорьева, говорится всего несколько слов. Второй рассказ полностью посвящен военному походу Мухаммед-Юсуфа Ходжи в Кашгару при содействии кокандского хана Мухаммеда Алихана⁵⁶.

В первой половине XIX века русское востоковедение получило свое дальнейшее развитие. Этому в определенной степени содействовала активизация внешней политики царской России в Средней Азии. Ведь в конце XVIII—начале XIX вв. во внешней политике открыто проявилось стремление к распространению и усилению своего влияния в среднеазиатских ханствах, а затем и к покорению их. Такое намерение царского правительства не оставалось незамеченным русскими востоковедами, учеными и путешественниками, которые, в свою очередь, были не меньше заинтересованы в расширении связей со Средней Азией, разумеется, не в смысле покорения ее народов, а в научном назначении ее. Следовательно, в Средней Азии были заинтересованы русские капиталисты и правящие круги во главе с царским правительством и научная общественность, в первую очередь востоковеды и путешественники, каждый из которых преследовал определенную цель. И несмотря на различие намерения, обе эти категории общественных сил России для достижения своих целей оказывали помощь, содействовали друг другу, часто действовали совместно. Здесь мы четко наблюдаем переплетение взаимных связей задач русского востоковедения с целями внешней политики царского правительства. Чтобы убедиться в правильности такого вывода, приведем такой пример. Царское правительство было заинтересовано в получении подробных сведений о среднеазиатских ханствах, для чего оно использовало поездки каждого ученого или путешественника, содействовало и даже организовывало. В свою очередь, ученые и путешественники воспользовались помощью и покровительством царского правительства, без которых путешествия их не всегда завершались благополучно.

Развитие и расширение деятельности русского востоковедения требовало более глубокого изучения Средней Азии, для чего в первой половине XIX века условия были весьма ограничены. Это было связано с началом англо-русского соперничества в Средней Азии и усилением подозрительности среднеазиатских ханств по отношению к России. Поэтому не

всегда поездки русских исследователей, даже путешественников-европейцев становились возможными, а если состоялись такие поездки, то часто они завершались трагически. Примером может служить казнь двух англичан — Стоддарта и Конолли в 1843 г. в Бухаре⁵⁷. В таких условиях русские ученые в поиске новых и более подробных сведений о Средней Азии и сопредельных с ней странах шире стали использовать труды иностранных авторов. Доказательством тому является сравнительно небольшая по объему работа П. Чихачева, написанная на основе сведений, извлеченных из трудов преимущественно иностранных и русских авторов, под названием «О исследовании вершин Сыр—и Аму-Дарьи и нагорной площади Памира»⁵⁸. Прежде чем перейти к разбору данной книжки, уместно отметить, что в ней больше и более открыто наблюдаем переплетение научных изысканий с задачами внешней политики России. В рассматриваемой нами книжке научное направление определило цель внешней политики России — точнее, заинтересованность России в торговле с Индией и Китаем. Поэтому объектом исследования стали именно вершины Сыр—и Аму-Дарьи, Памир и припамирские страны.

Книжка Платона Чихачева хотя незначительна по объему, но весьма важна по содержанию. Тем не менее до сих пор, сколько нам известно она не подвергалась всестороннему изучению и потому не оценены ее достоинства. Она носит историографический характер, и основана на обширных источниках и трудах предшествующих исследователей начиная с древних времен вплоть до середины 40-х гг. XIX в. Автор не ограничивается констатацией сведений источников и сообщений или соображений предыдущих авторов, а высказывает свои собственные мнения по каждому из них. В соответствии с объектами исследования, работу следует делить на две взаимосвязанные части. В первой части автор дает краткий исторический очерк торговых сношений России со Средней Азией, подчеркивает их необходимость и взаимовыгодность, о современном ему состоянии торговли и высказывает свои предположения относительно дальнейшего развития ее на будущее. При этом сам автор подчеркивает, что необходимость расширения торговых связей со Средней Азией настоятельно требует ее всестороннего изучения. При этом он предлагает, чтобы ученые имели предварительные знания, знали язык народа, которого они выбрали предметом изучения. При выводах своих автор опирается на официальные статистические данные Министерства внешней торговли за

1845—1847 гг. Тем не менее, не со всеми его мнениями можно согласиться. В частности, говоря о стремлении России к сближению с Центральной Азией со времени Великого Преобразователя (т. е. Петра I.—О. Б.), автор попытался доказать, что оно было направлено не на «увеличение народного богатства одними золотоносными песками, не видами на прямые сношения с Индией, не желанием завоевать Хиву, Бухару, Коканд и Яркент, а миролюбивым, постепенным покорением варварства влиянию образованности, посредством коммерческих сношений»⁵⁹.

Вторая часть в основном посвящена исследованию Памира и в связи с ним в какой-то мере охватывает и некоторые припамирские страны. При освещении Памира П. Чихачев целиком опирается на сведения европейских ученых и путешественников (Марко Поло, Вуда, Клапрота, Бернаса, Маркатнея, Риттера, Грима, Бергауза и Циммермана и др.) и русских. В оценке сведений восточных путешественников, в том числе китайских и индийских авторов, исследователь проявляет односторонний подход, т. е. он ко всем их сведениям относится недоверчиво, и по-видимому, он почти не ссылается на труды азиатских народов. В то же время следует отметить, что критически относится и к сведениям некоторых русских путешественников и даже исследователей. «Большая часть из посетителей Средней Азии вообще слишком мало постигают всю практическую пользу внешнего, ученого взгляда на вещи, отчего они ограничиваются обыкновенно замечанием фактов и лиц мелочных, имеющих лишь временную ценность»⁶⁰. Это является следствием того, что русские путешественники отправляются в путь без специального приготовления, без предварительных познаний, говорит автор. В результате, пишет исследователь, до сих пор мы даже не имеем точных сведений о самом Коканде (древней Фергане) и Сыр-Дарье, хотя находимся ближе к ним, чем другие европейцы. Он высоко отзывается об английских путешественниках, которые прежде чем отправиться в путь, проходят специальную, тщательную предварительную подготовку. В этой части содержатся очень интересные сведения о торговых путях через Памир, Кашгар, Бадахшан, Хутан, Коканд, Ферганскую долину, о жителях Памира, каракиргизах, о верховьях Аму-Дарьи. В конце автор вновь возвращается к вопросу о необходимости изучения судоходства среднеазиатских рек, прежде всего Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. В заключение наш исследователь пишет, что во всей своей жизни «я ни о чем столь не жалел, как о том, что не удалось мне самому про-

никнуть в эти знаменитые страны (т. е. Среднюю Азию,—особенно на Памир.— О. Б.), чтобы изучить их собственными глазами. Во время царствования Александра I я был приглашен сопутствовать миссию в Тибет через Кашгар и Яркенд, но этому помешала война 1812 г. Тем не менее, не падая духом, я прилежно учился персидско-таджикскому языку несколько лет подряд в надежде пробраться в Среднюю Азию через Тегеран и Герат⁶¹. Именно благодаря знанию персидско-таджикского языка, в работе не встречаем искажений при написании географических названий.

В 1849 г. в «Записке Русского географического общества» была опубликована работа неизвестного автора «Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии»⁶², с которой впервые я ознакомился в 1965 году. В том же году вышла крупная монография известного советского востоковеда Б. В. Лунина «Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении»⁶³, в которой автором вышеназванной работы считается В. В. Вельяминов-Зернов, с опубликованными работами которого уже были знакомы. Тем не менее я решил ознакомиться с фондом В. В. Вельяминова-Зернова в Архиве востоковедов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. После ознакомления с фондом В. В. Вельяминова-Зернова сомнение относительно его авторства работы «Обозрение Кокандского ханства...» становилось очевидным по следующим причинам: Из сообщения самого неизвестного автора стало известно, что работа была написана еще в 1841 г., а была издана только в 1849 г. Что касается востоковеда В. В. Вельяминова-Зернова, то он родился в 1830 г., окончил Александровский лицей только в 1850 г., а в Оренбург прибыл на службу в 1851 г. Следовательно, к моменту написания работы ему исполнилось только 12 лет. К сожалению, долгое время и нам не удалось определить авторство данной работы. Лишь спустя 21 год в 1986 г. нам удалось обнаружить рукопись работы в Центральном государственном военно-историческом архиве г. Москвы⁶⁴. Рукопись эта написана красивым почерком и содержится в напечатанном виде под названием «Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии». Составлена она при штабе Отдельного сибирского корпуса из разных материалов, вновь проверенных и исправленных в 1841 г. Она написана на обеих сторонах листов, всего получается 47 листов, т. е. 94 страницы.

Следует отметить, что «Обозрение» — это не справка официального характера. Это первая научная работа по истории

Кокандского ханства. Неизвестно, по каким соображениям составитель, вернее, автор ее остался засекречен. Она составлена автором, который имел достаточный опыт научно-исследовательской работы. Исторические события в ней излагаются со времени правления Норбута-бия (1800 г.) до 1840 г. Однако больше всего сведений относится ко времени правления Алимхана (1800—1810 гг. — О. Б.), Умархана (1810—1820 гг. — О. Б.) и Мухаммада Алихана (1822—1842 гг. — О. Б.). Много сведений о борьбе между Бухарским эмиратом и Кокандским ханством из-за двух богатых — Ура-Тюбинского и Ходжентского владений. По сведениям составителя «Обозрения», первый период борьбы за Ходжент и Ура-Тюбе между этими двумя ханствами завершился в 1830 г. победой кокандского хана и оба владения остались под властью последнего. Однако, спустя десять лет, в 1840 г. вновь возобновилась непрерывная и разорительная борьба между ними и, как пишет составитель, она продолжалась и в момент составления «Обозрения». Она, как видим позже, породилась с переменным успехом вплоть до 1866 г., т. е. до присоединения Ходжента и Ура-Тюбе к России. Некоторые отрывочные, но весьма ценные сведения содержатся в нем о взаимоотношениях между Кокандским ханством, Памиром, Каратегиним, Дарвазом, Кулябом и отдельными ханствами в Горном Бадахшане. Согласно сведений составителя «Обозрения», области Каратегина, Дарваза, Куляба и Шугнана в 1830 г. были покорены кокандскими войсками. Однако, зависимость их в последнее время значительно ослабела, и поэтому мы их не включаем в число действительных владений ханства⁶⁵.

В другом месте говорится, что в 1840 г. в Каратегине возникла холера и истребила до 700 человек кокандского гарнизона. Правитель области (вернее, наместник Кокандского хана в Каратегине.— О. Б.) Муллошахи узнав о начавшемся нападении жителей, раздраженных его жесткостью, счел за лучшее, собрав остатки своего войска, возвратиться в Коканд⁶⁶. Эти сведения действительно являются ценными. Они свидетельствуют о том, что Каратегинское, Кулябское, Дарвазское и Шугнанское владения, ранее составлявшие самостоятельные, независимые владения, впервые в 1830 г. были покорены кокандским ханом Мухаммад-Али и находились в зависимом положении до начала 40-х гг. XIX в., а после вновь приобрели самостоятельность вплоть до 70-х гг. Указание автора на то, что «если каратегинцы успеют отделиться от Коканда, то и Кулябское владение не замедлит последовать их примеру», является доказательством того, что при-

чиной ухода кокандских войск из Каратегина являлась не холера, а опасения последствий начавшегося восстания жителей Каратегина, Куляба и Дарваза, направленного против господства Кокандского ханства. Что касается степени достоверности сведения «Обозрения», то необходимо отметить, что освещение исторических событий в нем совпадает со сведениями «Записок» Мирзы-Шамса Бухари⁶⁷. Богатый фактический материал и статистические данные, содержащиеся в нем, свидетельствуют о том, что сам составитель его, или другой путешественник, который доставил эти материалы, непосредственно побывал в Кокандском ханстве. Что касается исторических сведений прошлого ханства, то они, конечно, собраны расспросным путем у местных жителей.

Первым выдающимся русским дореволюционным востоковедом являлся Василий Васильевич Григорьев (1816—1881 гг.), который внес своим трудом огромный вклад в изучение и освещение истории народов Средней Азии. Он был общепризнанным великим знатоком мусульманского Востока вообще, и Средней Азии по преимуществу. Жизнь и деятельность В. В. Григорьева нашли свое обширное освещение в дореволюционной и советской исторической литературе. Тем не менее считаем небесполезным напомнить некоторые страницы из жизни, служебной и научной деятельности этого крупного востоковеда. В. В. Григорьев родился 15 марта 1816 г. в Петербурге, получил хорошее домашнее образование и в 15-летнем возрасте вместе с другом, будущим русским востоковедом П. С. Савельевым, поступил на историко-философский факультет Петербургского университета, избрав специальностью восточные языки. Если его друг П. С. Савельев после четырехлетнего пребывания в университете бросил учебу, то В. В. Григорьев с одной стороны благодаря хорошему домашнему образованию, с другой — личной настойчивости и трудолюбию позволили ему преодолеть все трудности, и в 1834 г. окончить университет со степенью кандидата. Б. В. Лунин пишет, что по окончании университета в 1834 г. В. В. Григорьев «поступил на службу в Учебное отделение восточных языков при Министерстве иностранных дел»⁶⁸. В действительности же он поступил в учебное отделение не на службу, а на учебу, где пробыл полтора года. Дело заключалось в том, что в те годы не каждому выпускнику восточного отделения университета было легко найти себе работу по своему профилю. Единственная возможность, позволявшая выпускникам университета применять свои знания на практике, была служба по линии Министерства иностранных дел в

качестве переводчиков, чиновников особых поручений в странах Востока или в пограничных с ними районах. Однако туда, как правило, принимали на службу только после окончания специальных классов Восточного отделения восточных языков, где преподавали, обычно, в основном те же профессора университета. В этом отделении в основном занимались практическим применением теоретических знаний по восточным языкам, полученных в университете. Именно с намерением работать по линии Министерства внутренних дел и для усовершенствования теоретических знаний восточных языков, полученных на восточном отделении университета, поступил он учиться на восточное отделение восточных языков при названном министерстве.

После окончания классов восточного отделения восточных языков В. В. Григорьев сперва работал в Петербурге, затем в Одессе, опять в Петербурге, а потом по приглашению Оренбургского генерал-губернатора, генерал-адъютанта В. А. Перовского в 1851 г. приехал в г. Оренбург и поступил на службу и вскоре получил должность начальника пограничной комиссии⁶⁹, в которой сосредоточивались все дела по управлению киргизами и по сношению со среднеазиатскими ханствами. Одиннадцатилетнее пребывание в Оренбурге было для В. В. Григорьева самым плодотворным периодом в его научно-исследовательской деятельности. Здесь он получил возможность близко ознакомиться со Средней Азией, которую окончательно и бесповоротно избрал объектом своего исследования на всю жизнь. В 1862 г., не поладив с новым оренбургским генерал-губернатором Безаком, В. В. Григорьев вышел в отставку и поселился в Петербурге, где по Университетскому уставу 1863 г. на факультете восточных языков была открыта кафедра истории Востока, заведование которой было предложено ему. Время пребывания В. В. Григорьева в университете в качестве заведующего кафедрой истории Востока на факультете восточных языков считается самым блестящим периодом не только в научно-педагогической и служебной деятельности самого востоковеда, но и также в деле расширения, углубления и развития русского востоковедения. Следует напомнить, что с 1874 г. независимо от профессорских обязанностей и заведующего кафедрами ему была поручена должность главного управляющего по делам печати. Он был главным организатором 3-го международного съезда ориенталистов в г. Петербурге в 1874 г. В 1878 г. оставил университет, а с 1880 г. совсем удалился на спокойную жизнь, чтобы остаток лет жизни

целиком посвятить научно-исследовательской работе, исполнить задуманные научные труды во славу отечественной востоковедческой науки. Несмотря на то, что смерть застала его на следующий год (1881 г.), помешала ему выполнить все то, что было задумано, тем не менее он всю свою беспокойную, сознательную жизнь без остатка отдал науке и вложил в нее огромнейший вклад, и занимает заслуженное, достойное место среди первых русских дореволюционных востоковедов.

О педагогической деятельности В. В. Григорьева в Петербургском университете будет сказано в следующей — четвертой главе настоящей работы. Что касается научных трудов востоковеда, то они получили высокую оценку еще в трудах дореволюционных и советских исследователей⁷⁰. Поэтому здесь мы ограничиваемся рассмотрением только тех трудов, в которых нашла свое отражение история таджиков и Таджикистана. Начнем с самой первой научной студенческой работы «История монголов от древнейших времен до Тамерлана». Она представляет собою частичный перевод части из третьей книги труда иранского историка Гиясиддина Хамадани, известного по имени Хондемир «Хуласа алсайор уль-Ахбор», посвященной всеобщей истории. Следовательно, это перевод с таджикско-персидского языка не всего труда Хондемира как некоторые исследователи предполагали, а той части труда, которая была посвящена истории монголов. В. В. Григорьев снабдил свой перевод обширными филологическими и историческими примечаниями и назвал его «Историей монголов с древнейших времен до Тамерлана». Сами эти примечания выпускника Петербургского университета являются ценными дополнениями к переводу и в то же время свидетельствуют о его широкой эрудиции в русской, западноевропейской и восточной литературе, по истории не только монголов, но и всех народов Средней Азии. За блестящий перевод труда Хондемира и снабжение его пространными примечаниями Министерством народного просвещения юный востоковед В. В. Григорьев был награжден «золотыми часами с золотой цепочкой» приказом от 27 августа 1834 г.⁷²

До В. В. Григорьева на русский язык не был переведен ни один восточный историк. Труд его являлся первым переводом восточного таджико-персидоязычного историка с подлинника. Как пишет в предисловии сам В. В. Григорьев, в то время на первом плане перед востоковедом стояла задача изучения истории татаро-монголов, с которыми была тесно связана исто-

рия России с XIII века. К тому же по истории монголов больше были известны сведения благодаря находкам памятников материальной культуры и письменных источников, найденных на Поволжье и европейской части России, а также трудам западноевропейских путешественников (Плано Карпини, Вильгельма Рубруквиса и Марко Поло), особенно трудам знаменитого Френа. Нам кажется, что последнее обстоятельство побудило его взяться за перевод именно той части труда Хондемира, в которой нашла свое повествование история татаро-монголов по которой он смог высказать собственную точку зрения. Нет сомнения в том, что при переводе он, не ограничиваясь одной частью, в которой нашла свое отражение история монголов, изучил весь труд Хондемира и одновременно впервые ознакомился с подлинником важного источника по истории народов Средней Азии, в том числе таджиков и Таджикистана. Что касается переводной части труда, то материал по истории таджикского народа содержится в шестом отделе, посвященном Чагатайскому государству, в состав которого входила и нынешняя территория Таджикистана⁷³. Перевод шестого отдела труда Хондемира на русский язык имел большое значение в деле ознакомления научной общественности тогдашней России с историей среднеазиатских народов, в том числе таджиков.

Как свидетельствует богатый жизненный путь В. В. Григорьева, он все больше склонялся к изучению истории среднеазиатских народов, живо интересовался ею, радостно встретил открытие нового источника и сам внес большой вклад в изучение, выяснение многих неясных, спорных вопросов истории народов Средней Азии. Свидетельством тому является его многочисленные опубликованные и неопубликованные труды: «Современные монеты Кокандского ханства» (1855), «Неизданные бухарские и хивинские монеты» (1860), «О скифском народе саках» (1871), «Об арабском путешественнике X века Абу-Далафе и странствовании его по Средней Азии» (1872), «Поход Александра Великого в Западный Туркестан. Свод и рассмотрение древних известий об этом предмете» (1881) и многие другие. Кроме них, нам удалось обнаружить ряд неопубликованных статей востоковеда в рукописном виде в архиве, составленных в разное время.

Здесь мы касаемся лишь тех работ, которые пока не подвергались специальному исследованию и охватывают историю таджиков и Таджикистана. Так, в Центральном государственном историческом архиве в г. Ленинграде, нами обнаружены неопубликованные статьи: «Еще о Кокандских моне-

тах»⁷⁴, «Памирский путь»⁷⁵, «О своевременности исследования вопроса: так ли когда Аму-Дарья впадала в Каспийское море»⁷⁶ и «О торговле России с Бухарой»⁷⁷. Первая статья была написана в связи с расхождением мнения между В. В. Григорьевым и его другом востоковедом П. С. Савельевым относительно определения даты чеканки кокандских монет, высказанных ими в статьях, опубликованных в «Трудах» Восточного отделения Императорского Археологического Общества в 1855 году⁷⁸. Знание таджико-персидского языка в совершенстве, умение читать арабский шрифт, опираясь на последние исследования русских востоковедов, особенно исследования В. В. Вельяминова-Зернова по истории Кокандского ханства, В. В. Григорьев сумел убедительно доказать верность определения им места и времени чеканки кокандских монет. Ему удалось доказать, что найденные кокандские монеты были чеканены не в 1861 г. в Фергане, как предполагал ранее П. С. Савельев, а в 1848—49 гг. в Коканде. В конце статьи В. В. Григорьев прилагает два экземпляра золотых, две—серебряных, две—медных, вновь найденных им, с разъяснением к ним и определением даты и места их чеканки.

Во второй статье, найденной в архиве, автор подробно описывает торговый путь через Памир и страны, по территории которых он проходит. В конце прилагает маршрут следования пути из Памира в Кашгар с подробной характеристикой и указанием расстояния между 20 станциями. Маршрут составлен самим В. В. Григорьевым на основе последних сведений путешественников и исследований ученых. Определенный интерес представляют и другие статьи востоковеда. Посмотрим, что дают нам интересного по истории таджиков и Таджикистана его более крупные труды.

В. В. Григорьев был вторым (после П. С. Савельева) русским востоковедом, занимавшимся восточной нумизматикой и успел достичь значительных успехов в этой отрасли науки. Свидетельством тому служит ряд его работ, среди которых наиболее важной является «О куфических монетах, найденных в России и прибалтийских странах как источниках для дальнейшей отечественной истории»⁷⁹, опубликованная впервые еще в 1842 году. Впоследствии она с дополнениями новейших сведений и доработкой вышла в «Сборнике исследований и статей по истории, этнографии и географии, написанных в разное время В. В. Григорьевым», изданном в 1876 году⁸⁰. Интересы его как историка-востоковеда были направлены прежде всего на исследование тех исторических проблем, которые были так или иначе связаны с прошлым русского на-

рода, с историей России. В этом аспекте он изучает восточную нумизматику и плодотворно использует ее данные в своих исторических исследованиях. Он показал себя в этой области науки достойным продолжателем знаменитого Х. Д. Френа.

Поражает особая усидчивость и трудолюбие В. В. Григорьева. Так, при подготовке своей работы о куфических монетах к новому изданию он изучил почти все восточные монеты, найденные со времени первого издания его работы, т. е. с 1842 по 60-е годы XIX в. и хранящиеся в Азиатском музее Академии наук, в спецхранилище Казанского университета, а также составляющие собрания частных лиц. Тщательно ознакомившись с содержанием работы, наблюдаем, по сравнению с первым вариантом, больше склона В. В. Григорьева к всестороннему освещению и раскрытию новых страниц исторических событий IX—X вв. на основе данных саманидских, тахиридских и саффоридских монет, занимавших вместе в количественном отношении первое место среди других восточных монет. Если при разъяснении других монет он ограничивается определением династии, при которой чеканились монеты, то изучению саманидских, тахиридских и саффоридских, кроме династии, раскрывает и инициалы правителей, от имени которых они выпускались. К примеру, при изучении саманидских монет одного клада, найденного еще в 1771 г., В. В. Григорьевым было определено, что из 22 целых и 657 обломков, 2 целых и 46 обломков относились к правлению Исмаида—сына Ахмада; 1 целая и 37 обломков—к правлению Ахмада—сына Насра⁸¹. Изобилие саманидских монет позволило ему прийти к верному выводу относительно времени и пути проникновения восточных монет на территории восточной части России и прибалтийских стран. Аргументированно опровергая предположение своих предшественников—исследователей восточных монет, являющихся в основном иностранными—западноевропейскими, В. В. Григорьев пришел к заключению, что все эти восточные монеты проникали туда не иначе, как посредством торговли и не иным путем как через Среднюю Азию.

Результатом глубоких изучений В. В. Григорьевым истории среднеазиатских народов явилась одна из его основных исследовательских монографий—«О скифском народе саках»⁸², не потерявшая своего научного значения до нашего времени. Написана она на основе различных сведений, привлеченных из многочисленных трудов греческих, римских, персидских, арабских, китайских и многих других авторов и пос-

вящена истории одного из древних народов нашей страны — саков, принадлежавших к индоевропейским народам, и до сих пор остается во многих отношениях спорным, нерешенным и самым актуальным в советской исторической науке вопросом. Этот вопрос заслуживает специального историографического исследования не силами одного автора и причём не на основе трудов одного, а всех исследователей, занимавшихся историей саков, с обязательным широким привлечением и использованием археологических находок. Поэтому специально не будем рассматривать монографию В. В. Григорьева, посвященную истории саков.

Заслуги В. В. Григорьева в обогащении русского востоковедения новыми и ценными источниками по истории народов Средней Азии очень велики. Он всегда находился в поиске новых источников и дополнительных сведений по истории народов Средней Азии, для чего не жалел ни силы, ни времени, использовал любую возможность и обстоятельство. Следует отметить, что именно ему принадлежит часть перевода и опубликование первого источника на таджикском языке, содержащего, с одной стороны, ценные сведения по истории Бухарского и Кокандского ханств и Қашгара первой половины XIX в., с другой — достаточный материал для характеристики основных различий этого языка от персидского языка. Так, во время пребывания в Оренбурге в качестве чиновника Министерства иностранных дел при Оренбургском генерал-губернаторстве, В. В. Григорьев познакомился с бухарцем-таджиком по имени Мирзо Шамс, сыном Мирзы Юсуфа, предки которого занимали при бухарских ханах должности секретарей Дед Мирзы—Якуб был письмоводителем во время Данияр-аталыка (1758—1785 гг.— О. Б.), отец его Юсуф служил тоже по части письмоводства при эмире Хайдаре, а его родная сестра была замужем за старшим сыном эмира Хайдара, мир Хусейном. Сам Мирзо Шамс родился в 1804 г. и с детства находился при ханском дворе. После смерти мир Хусейна (1826 г.) Мирзо Шамс поступил на службу к брату его Умару, а затем к Насрулле. Но впоследствии, опасаясь разделить участь других приверженцев мир Хусейна и Умара, Мирзо Шамс бежал из Бухары в Шахрисябз, оттуда в Коканд. Затем снова переселился в Бухару и около 5—6 лет путешествовал оттуда с караванами в Россию. Наконец, Мирзо Шамс окончательно поселился в г. Оренбурге, где с ним летом 1859 г. познакомился В. В. Григорьев. Это знакомство навело его на мысль попросить Мирзо Шамса написать свои воспоминания о событиях в Бухаре, Коканде и

Кашгаре, свидетелем которых он был в молодости⁸³. Делая это предложение, востоковед надеялся, что воспоминания Мирзы Шамса, таджика по национальности, сколько-нибудь пополнят недостаток исторических сведений о среднеазиатских ханствах. «Во всяком случае,— писал В. В. Григорьев,— рассказы очевидца, не имеющего нужды скрывать истины, должны были иметь цену в том сборе известий из третьих, из пятых уст, которые, например, в записках Мейендорфа, Бернса и Уатэна, составляют единственный источник наших познаний о делах и лицах в Бухарии и Китайском Туркестане»⁸⁴. Не вдаваясь в разбор источника, отметим, что воспоминания Мирзы Шамса написаны простонародным таджикским языком. Хотя В. В. Григорьев не нашел в них обстоятельного описания событий, тем не менее, в воспоминаниях Мирзы Шамса оказалось много совершенно новых, любопытных и интересных подробностей. В. В. Григорьевым были переведены эти воспоминания на русский язык и пополнены примечаниями об известных из других источников и кашгарских событий того периода, который описывал Мирзо Шамс. Для того, чтобы не впасть в исторические и хронологические ошибки, как говорил сам В. В. Григорьев, он ограничился изданием текста этих воспоминаний и переводом их с примечаниями, начиная с правления эмира Хайдара (т. е. с 1802—1826.— О. Б.).

По характеру В. В. Григорьев не удовлетворялся отдельными источниками, всегда за сбором одних сведений следовали другие. Так, после знакомства с бухарцем Мирзой Шамсом, в начале 1860 г., отыскивая необходимые материалы всякого рода об Оренбургском крае, В. В. Григорьев получил случайно от полковника Уральского казачьего войска Е. М. Матвеева рукопись под названием «Записка греческого митрополита Хрисанфа Новопатрасского, поданного им в 1795 году князю Зубову, для соображения графа Валериана Зубова, при походе его в Персию». Прочитав «Записку», В. В. Григорьев нашел в ней очень любопытные и интересные сведения об Индии, северном Афганистане, о Кухистане, горной области расположенной между Гератом и Кабулом, о Бухарии, Балхе, Бадахшане и Хиве. Одновременно он убедился в том, что «Записка» написана лицом, который сам непосредственно побывал в тех странах, о которых дает сведения. Это навело его на мысль взять на себя ее изучение. В 1861 г. с введением и обширными объяснениями В. В. Григорьева «Записка» была издана типографией Московского университета⁸⁵. Чтобы установить точное представление об

авторе «Записки», В. В. Григорьев обратился к известному русскому ученому П. И. Саввантову, с помощью которого получил из Синодского архива⁸⁶ точные сведения о нем. Согласно полученным сведениям, Хрисанф, грек по происхождению, из Венеции, проживал в Константинополе и там в 1774 г. был переведен в митрополиты. Через десять лет, т. е. в 1784 г., по причине преследования и притеснения со стороны турков, Хрисанф вынужден был переселиться в Ливанию. Оттуда начинаются его странствования по странам Ближнего и Среднего Востока. Затем он посетил Индию, Афганистан, Герат, Балх, Кабул, Бадахшан, Бухару и Хиву. В 1794 г. он был уже в Бухаре. Из Бухары он через Хиву и Каспийское море 13 мая 1859 г. прибыл в Астрахань, откуда был отправлен в Петербург для объяснения причины своего приезда в Россию. В действительности же он был отправлен в столицу России для того, чтобы от него получить подробные и точные сведения о Средней Азии, столь необходимые для предстоящего военного похода русского войска в Персию под командованием графа В. Зубова. Записка была составлена Хрисанфом на греческом языке, а затем была переведена на русский язык и долгое время, до 1850 г. оставалась неизвестной и неиспользованной.

Для нас особый интерес представляют сведения о взаимоотношениях между Бухарой и Ираном, о внутренней жизни Бухары и Самарканда и о Бадахшане. В частности, путешественник дает новые сведения о политическом строе, положении различных сословий, о большом влиянии духовенства в общественной жизни Бухары, как в политическом, так и в материальном отношении, о большом влиянии духовенства и религии в общественной жизни, о вооруженных силах и тактике ведения войны, о состоянии торговли в Бухарском ханстве. Говоря о богатстве, Хрисанф сообщает, что месторождения золота, серебра, жемчуга, бирюзы и драгоценных металлов, камней находились в верховьях Зарафшана и Аму-Дарьи в Бадахшане, дает краткое описание процесса промывки золота, очевидцем которого был он сам. При этом он сообщает, что промывкой золота исключительно занимались таджики, исповедовавшие Алия, т. е. исмаилиты. Это значит, что сведения относятся к жителям именно верховьев Аму-Дарьи⁸⁷.

Здесь мы не касаемся статей В. В. Григорьева политического и публицистического характера, так как они будут рассмотрены нами при освещении вопроса о присоединении северных районов Таджикистана к России. По своим общес-

ивно-политическим взглядам В. В. Григорьев не был носителем прогрессивных мировоззрений. Он принадлежал ближе к правым славянофилам. Выступления В. В. Григорьева в качестве публициста и деятельность его на государственной службе не дают оснований относить его к прогрессивному, демократическому крылу русских ученых прошлого века. По справедливой оценке А. Ю. Якубовского, «горячий поборник русской науки и ее авторитета, энергичный борец за международный характер русского языка... В. В. Григорьев вместе с тем по своим общественно-политическим взглядам был правее даже многих славянофилов», придерживался реакционных взглядов»⁸⁸. В то же время следует подчеркнуть, что он как ученый и администратор — глава управления являлся исключением среди высших царских чиновников в том отношении, что «в течение ряда лет вел энергичную борьбу со взяточничеством, бездушным отношением к казахам со стороны оренбургских чиновников и особенно с генерал-губернатором Безаком...»⁸⁹ Именно из-за разногласия по этому поводу с Безаком в январе 1863 г. он подал в отставку со службы в Оренбурге. Это дает нам основание полагать, что в студенческие годы он придерживался более левых, более прогрессивных взглядов. А затем, с течением времени, в связи с государственной службой, значительно поправел. В целом В. В. Григорьев, как ученый, любил русскую востоковедческую науку и гордился ею.

История таджиков и Таджикистана нашла свое отражение и в работах современника В. В. Григорьева, другого крупного русского востоковеда Владимира Владимировича Вельяминова-Зернова. Родился он 31 октября 1830 г. Не прошло и трех месяцев, как скончался его отец, Владимир Федорович, воспитанник Московского университета, оставивший после себя несколько работ юридического содержания и издавший их одно время в петербургском журнале «Северный Меркурий». Итак, всем своим воспитанием и обучением он обязан своей матери, которая поместила его в Александровский лицей. Окончив в 1850 г. лицей, В. В. Вельяминов-Зернов начал усердно заниматься восточными языками. Сначала он начал брать уроки еврейского языка у известного ибриста Г. П. Павского. Однако, под влиянием своего двоюродного брата, к тому времени уже известного русского востоковеда Н. В. Ханькова, с еврейского он перешел на арабский и персидский языки, которые изучал под руководством петербургских профессоров. Летом 1850 г. поступил на службу в Азиатский департамент, а в 1851 г. был откомандирован

от Министерства иностранных дел в г. Оренбург, в распоряжение В. А. Перовского⁹⁰, где он получил возможность практически усовершенствовать свои знания восточных языков. Кроме того, здесь он ознакомился с богатыми материалами Оренбургского архива, с местными языками, усердно изучал народы и их быт. В Оренбурге он впервые познакомился с В. В. Григорьевым, который оказывал ему большую помощь. В 1853 г. он вернулся в Петербург, продолжил службу в Азиатском департаменте, на Восток больше не вернулся⁹¹.

Спустя три года со времени прибытия в Оренбург, в 1853 г. появилась его первая научная работа «Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России с Средней Азией со времени кончины Абулхайрихана (1748—1765 гг.) с картой»⁹². Тогда же, в 1854 г., он приобрел очень важный источник по истории Бухарского ханства и соседних с ним стран. «Шарифномаи шохи», более известный под названием «Абдулла-номэ», написанный в XVIII столетии Хафизом, сыном Таныша, современником хана Абдуллы⁹³. В дальнейшем В. В. Вельяминов-Зернов использовал сведения «Абдулла-номэ» в своих работах «Исследование о Косимовских царях и наречиях» и «Монеты бухарские и хивинские». Он впервые на основании сведений «Абдулла-номэ» установил хронологическую последовательность правителей из династии Шайбанидов. Следует напомнить, что В. В. Вельяминов-Зернов длительное время усердно занимался переводом и подготовкой персидского текста и русского перевода к печати. Однако, по неизвестной до сих пор причине, его замысел не был осуществлен в жизни. Тем не менее, можно предполагать, что постепенный уход от восточной тематики исследования был связан с привлечением его к другим направлениям и должностям, которые поглотили его творческие силы все больше и больше. Свидетельством тому является то, что за исключением отдельных, все его научные работы востоковедческого характера были написаны и опубликованы до начала 60-х годов XIX века.

Что касается истории таджиков и Таджикистана, то она нашла свое отражение в следующих работах В. В. Вельяминова-Зернова: «Сведения о Кокандском ханстве»⁹⁴, «Исторические известия о Кокандском ханстве. от Мухаммеда-Али до Худояр-хана»⁹⁵, «Монеты бухарские и хивинские»⁹⁶ и замечание самого его по поводу этой же статьи⁹⁷.

Первая работа явилась результатом пятилетнего пребывания В. В. Вельяминова-Зернова в Оренбурге и неоднократных служебных поездок по Казахской степи, его встреч, бесед и опросов с русскими и татарскими купцами, посещавшими Коканд и другие города, со многими приезжавшими из

Кокандского ханства местными жителями, заслуживавшими полное доверие его. На основе собранных сведений он написал эту статью. Автор совершенно правильно отмечает, что с точностью определить границы Кокандского ханства было невозможно, так как они часто менялись. Тем не менее, он приблизительно показывает границы: с севера Кокандское ханство граничило с Киргизской степью (вернее — с Казахской степью.— О. Б.) под властью России, с запада — с Хивой и Бухарой, с юга — с Каратегином, Дарвазом и Кулябом, с востока — с Кашгаром и землей черных киргиз (т. е. с кара-киргизами Памира.— О. Б.)⁹⁸. Затем вкратце дает географический очерк. Большое место в ней отведено системе административного управления, которая впервые освещена в работе В. В. Вельяминова-Зернова. Здесь исследователь дает разъяснение многочисленной терминологии, чиновничьих титулов, административных должностей. В связи с административно-политическим устройством, автор характеризует состояние военных сил ханства и их состав. При этом исследователь отмечает, что никаких военных учений не проводится, так как отсутствует регулярная армия.

По сведениям В. В. Вельяминова-Зернова, главными занятиями населения Кокандского ханства являлись: земледелие, скотоводство и шелководство. Более подробные сведения содержатся в вышеназванной работе о добыче полезных ископаемых на территории ханства с точным указанием месторождений различных драгоценных металлов, какими являлись: золото, серебро, медь, железная руда, а также селитра, сера, каменный уголь, причем почти все они разрабатывались и добывались на территории Ходжентского и Ура-Тюбинского владений, которые тогда входили в состав Кокандского ханства⁹⁹. Автор завершает свою весьма интересную работу описанием состояния торговли ханства с соседними среднеазиатскими ханствами, так и с сопредельными странами, в том числе с Россией. Как видно из сведений автора, ханство поддерживало постоянные торговые связи с Западной Монголией, Китайским Туркестаном, Каратегином, Бухарой, Хивой, Кашгаром и Россией, а также Афганистаном. С Россией торговля производилась по двум путям: через г. Троицк на Оренбургской линии и через г. Семипалатинск и Петропавловск на Сибирской линии. В конце дается таблица привоза и вывоза товаров на Оренбургской линии за 12 лет (с 1843 по 1854 гг. включительно). Сравнивая темпы состояния торговли между Россией и Кокандским ханством, автор предполагает, что на

ближайшее будущее Средняя Азия становится главным рынком сбыта русских товаров.

Вторая работа В. В. Вельяминова-Зернова «Исторические известия о Кокандском ханстве...» была написана в связи с расхождением между сведениями, содержащимися в статьях В. В. Григорьева «Современные монеты Кокандского ханства» и П. С. Савельева «Список известных доселе монет Кокандского ханства»¹⁰⁰, в которых события последних лет ханства по-прежнему освещались. Чтобы сколько-нибудь разрешить разногласия между двумя востоковедами, В. В. Вельяминов-Зернов дает более подробный очерк политической истории Кокандского ханства за период от 1840 до 1853 гг. Все необходимые сведения исследователь сам отбирал с большой тщательностью во время пребывания в Оренбурге и поездок в 1851—1852 годах по Западной Сибири и Киргиз-Кайсакской степи от очевидцев, по словам самого автора, добросовестных русских и азиатских купцов.

Так как начало правления Мухаммед-Алия нашло свое освещение в статье «Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии»¹⁰¹, с которой был знаком В. В. Вельяминов-Зернов, он начинает свой исторический очерк с 1840 г. и завершает его описанием политических событий 1853 года включительно. В начале работы описывается обстановка внутри ханства, для которого прежде всего была характерна до предела обострившаяся междусобная феодальная борьба, охватившая всю феодальную верхушку. Она в конечном счете определила как внутреннюю, так и внешнюю политику ханства в указанном периоде. Автор рисует яркую картину состояния ханства накануне нападения бухарского эмира Насруллы. Не было бы междоусобицы, не было бы предательства со стороны самих приближенных к хану Мухаммед-Алию из числа высших чиновников, эмир Насрулло не посмел бы напасть на Коканд. Ведь сначала они сами задумали организовать заговор против хана. Однако, чувствуя, что не в силах совершить дворцовый переворот, они два раза обратились с просьбой о присылке к ним войска бухарского хана. И несмотря на то, что эмир бухарский уже давно был непримиримым врагом Коканда и искал только случая, чтобы вмешаться в дела его и завладеть страной, тем не менее первым не решился начать наступление. Только после получения вторичного письма эмир убедился в измене кокандских чиновников своему хану, решился действовать и 2 апреля 1842 г. выступил из Бухары с 18-тысячной армией в поход против Кокандского ханства. Из описания автором хода войны между дву-

мя ханствами становится ясным, что определенным фактором, обеспечившим эмиру первую и единственную победу, являлись не «мужество» и «геройство» эмира и его войска, а предательство и измена кокандских феодалов и чиновников. Господство бухарского эмира продолжалось недолго, через 2,5 года против его наместника в Коканде Ибрагима Дадха началось восстание, и с братом Исаком он с трудом спасся бегством. Однако, как пишет автор, спокойствие внутри ханства продолжалось всего два с половиной года. В 1845 г. начались новые смуты, которые в 1852—1853 гг. привели к кровавым войнам между кочевыми племенами — кипчаками и оседлыми — сартами, от которых больше всего пострадали народные массы.

Весьма важным является то, что автор в качестве приложения в конце своей работы прилагает очень любопытный документ о событиях, происходивших в Кокандском и других среднеазиатских ханствах с февраля по май 1852 г. Это дневник ростовского купца С. Я. Ключарева, который по торговым делам в то время жил в Ташкенте и записывал все, что видел сам или слышал от других. Дневник приложен в несколько сокращенном виде с прибавлением немногих пояснительных подстрочных примечаний автора работы¹⁰². Нельзя не отметить и другой немаловажный момент в работе. Это — верное, качественное оформление научно-технического аппарата, что свидетельствует и о большом трудолюбии самого автора, и о его высокой научной добросовестности. Для нас эти вышерассмотренные работы В. В. Вельяминова-Зернова важными, полезными являются в том отношении, что они посвящены Кокандскому ханству, в составе которого постоянно находились нынешние территории Исфаринского, Аштского и Канибадамского районов, а временами в его состав входили Ходжентские и Ура-Тюбинские, и даже Каратегинские, Кулябские, Дарвазские, Шугнанские владения и Памир. Вот почему политическая история, экономическое состояние указанных районов нынешней территории Таджикистана тогда были непрерывно связаны с Кокандским ханством, с таджиками, проживающими на его территории.

Говоря о научном вкладе В. В. Вельяминова-Зернова, следует отметить, что особенно велика его роль в сборе и накоплении восточных монет, прежде всего кокандских, бухарских и хивинских, а также восточных рукописей. О его работах по нумизматике было сказано выше и о них говорилось уже в работах других исследователей. Здесь напомним лишь о тех восточных рукописях, которые написаны на персидско-

таджикском языке и вплоть до начала 1919 г. составляли личное собрание В. В. Вельяминова-Зернова. При этом следует подчеркнуть, что за сведения о них научные работники весьма благодарны большому знатоку истории народов Средней Азии профессору А. А. Семенову, который разобрал личную библиотеку ученого, описывал все рукописи, перевел их на русский язык и издал их в виде отдельного оттиска в 1919 году¹⁰³. После смерти В. В. Вельяминова-Зернова в 1904 г. его библиотека перешла в собственность его жены Анны Семеновны, умершей в 1914 году и завещавшей библиотеку, по словам родственников, часть им, а часть Министерству иностранных дел. Однако завещание это не было осуществлено в связи с началом первой мировой империалистической войны, а затем Февральской буржуазно-демократической, а потом Октябрьской социалистической революций. Библиотека находилась в имении бывшего князя Ухтимского, что в селе Корсуновское Успенской волости Малоархангельского уезда. Только летом 1919 г. она была перевезена в Москву и поступила в Музей восточного искусства.

Из трех отделов библиотеки вторым назывался восточный отдел, в котором помимо европейских изданий по востоковедению, входили 72 восточных автора, карты и рукописи. Рукописей — 45, из них 2 на русском языке и 43 — на восточных языках (персидский, арабский, турецко-татарский). Нет возможности перечислить все персидские рукописи, но следует подчеркнуть, что В. В. Вельяминов-Зернов, как действительный член АН России, считался тюркологом. Тем не менее знание таджикско-персидского языка не позволило ему быть безразличным к восточным рукописям на персидском языке. Доказательством служит то, что из 43 восточных рукописей, обнаруженных в его личной библиотеке, 24 из них были на персидско-таджикском языке. Среди них были такие исторические произведения, как: «Таърихи Чахон-Кушон», — сочинение Ата-судьи Джадвайни, «Юсуф и Зулайхо» — сочинение А. Джами, «Абдулла-намэ» — соч. Абул Фазл-Хасан ибни-Ибрагим-Нафиси, «Персидско-турецкий словарь», составленный Наамет-улла-бек Ахмед-бек-Муборак-аль-Румием и др.¹⁰⁴.

Изучение и анализ трудов русских дореволюционных востоковедов, источников, отдельных восточных рукописей, воспоминаний путешественников, русских и среднеазиатских посольств, материалов русской дореволюционной периодической печати, ознакомление с трудами советских востоковедов при сравнении с нынешним состоянием развития советской исто-

рической науки и степенью разработки истории среднеазиатских народов, нас привели к следующим выводам:

1. Изучение и освещение истории народов Средней Азии вообще, а таджиков и Таджикистана в особенности, русскими дореволюционными востоковедами началось с самого начала формирования и становления русского дореволюционного востоковедения параллельно со сбором и накоплением исторических источников, восточных рукописей и памятников материальной культуры.

2. Приступая к изучению и освещению истории народов Средней Азии, сравнительно самых близких соседей, русские дореволюционные востоковеды имели в виду, что им предстоит раньше всех заниматься историей, этнографией, культурой и археологией тюрко-монгольских народностей, с которыми была связана история русского народа более 600 лет, с 30-х годов XIII века. Такое предположение было вызвано тем, что интересы внешней политики русского государства с самого начала определили главное направление исследований русского дореволюционного востоковедения. Исходя из этого, русских востоковедов, за исключением отдельных ученых, прежде всего интересовали те страны и народы, в изучении которых была заинтересована Россия. Такое направление русского востоковедения в определенной степени определило и постановку подготовки первых отечественных востоковедческих кадров. Вот почему, в первый период русского востоковедения (конец XVIII — первая половина XIX вв.) среди русских востоковедов как по количеству, так и по степени подготовки на первом месте стояли тюрко-монголоеды (П. С. Паллас (1741—1811), А. В. Игуменов (1761—1835), Н. Я. Бичурин (1777—1853), П. Л. Шиллинг (1786—1837), О. М. Ковалевский (1800—1878), В. П. Васильев (1818—1900), И. Н. Березин (1819—1896)).

3. В поиске источников по истории тюркских народов русские востоковеды встречали источники и восточные рукописи на персидско-таджикском языке. Они убедились в том, что без их использования невозможно изучать историю тюрко-монгольских народов. Кроме того, большая коллекция восточных рукописей, собранная в Азиатском кабинете Петербургской Академии наук, значительное собрание таковых в Петербургском и Казанском университетах, при Учебном отделении Министерства иностранных дел и Лазаревском институте восточных книг в Москве, а также богатая персидско-таджикская поэзия и литература все больше и больше привлекали к себе внимание русских дореволюционных востоко-

ведов, даже из числа арабистов, тюркологов и монголоведов. Примером может служить сравнение научных направлений первоначального с последующими периодами не только русских дореволюционных востоковедов, но и некоторых иностранных, приехавших на работу в Россию. К ним относятся из числа русских востоковедов: А. В. Болдырев (1780—1842), Я. О. Ярцов (1790—1861), Д. П. Ознобишин (1804—1877), П. Я. Петров (1814—1875), П. С. Савельев (1814—1859), В. В. Григорьев (1816—1881), И. Н. Холмогоров (1818—1891), И. Н. Березин (1819—1896), Ф. Е. Корш (1843—1915), из числа иностранных востоковедов: Х. Д. Френ (1772—1835), Ж. Ф. Деманж (1789—1839), Б. А. Дорн (1805—1881) и др. Для того, чтобы пользоваться богатыми восточными рукописями и произведениями персидско-таджикских классиков, они начали усердно заниматься языками.

4. Изучение собранных и накопленных исторических сведений, источников, восточных рукописей и памятников материальной культуры о народах Средней Азии в России началось с 30-х гг. XVIII в., однако, первые научные труды русских дореволюционных востоковедов, посвященные истории среднеазиатских народов, появились спустя 100 лет, в начале 30-х гг. XIX в.

5. В русской дореволюционной историографии до присоединения Средней Азии к России отсутствовали специальные научные работы, посвященные таджикам или Таджикистану, и их невозможно ожидать от русских востоковедов по следующим обстоятельствам: Во-первых, как таковое отдельное, самостоятельное государство — Таджикистан не существовало; во-вторых, русские дореволюционные исследователи, как представители дворянско-буржуазной историографии, преимущественно освещали политическую историю среднеазиатских ханств, прежде всего их интересовали не все народы, населяющие Среднюю Азию, а те, которые занимают господствующее положение. Такое направление исследования русских востоковедов вытекало из интересов внешней политики русского государства по отношению к Средней Азии. Однако, это вовсе не означает, что история таджиков и Таджикистана не нашла своего освещения в трудах русских востоковедов до присоединения Средней Азии к России.

6. В конце XVIII—начале XIX вв. четко определилась цель внешней политики России по отношению к Средней Азии: установление своего протектората над среднеазиатскими ханствами, превращение Средней Азии в рынки сбыта русских промышленных товаров и в сырьевую базу для текстильной

промышленности России. Поэтому русское правительство было заинтересовано во всестороннем изучении политического и экономического положения каждого ханства в отдельности. Такой интерес русского правительства определил направление научно-исследовательской работы русских исследователей. Исходя из этого, они посвятили свои исследования отдельному ханству.

7. Так как труды русских дореволюционных востоковедов были посвящены отдельным ханствам, а нынешняя территория Таджикистана была раздроблена и входила в состав Бухарского и Кокандского ханств, поэтому история его нашла свое освещение в работах, посвященных этим ханствам.

8. В связи с ограничением возможности сбора необходимых материалов, исторических источников до присоединения Средней Азии к России, в трудах первых русских востоковедов освещена в основном история народов Средней Азии XVIII—XIX вв.

ГЛАВА IV. ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ И ЯЗЫКОВ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ В РОССИИ

Взаимное изучение языков было, есть и навсегда останется главным и самым надежным средством взаимопонимания и сближения народов. Вот почему с давних времен степень культурности и образованности каждого человека определяли по знанию множества языков. При этом следует подчеркнуть, что рост культурности и образованности — это результат знания множества языков. Однако, побудительные факторы к изучению языков разных народов бывают разные: жизненная необходимость общения с разными народами, интересы торгово-экономических и военно-политических связей и интересы науки в изучении истории разных народов, а также личное любопытство и интерес людей без определенных целей. Исходя из этих факторов, при определении причины изучения языков необходимо принимать во внимание конкретные условия и время, при которых началось взаимное или одно-стороннее изучение языков.

Изучение русской дореволюционной исторической литературы указало, что из числа языков среднеазиатских народов русские люди прежде всего проявили интерес к изучению таджикско-персидского языка. Это во всех отношениях было оправдано и обосновано, так как начиная с VI в. вплоть до 1917 г. таджикско-персидский язык являлся государствен-

ным, международным языком, языком общения многих народов не только Средней Азии, но и ряда народов Востока. На нем творили свои произведения много мыслителей Востока, и европейские читатели, в том числе русские, впервые познакомились с трудами ученых Востока, с произведениями поэтов и писателей среднеазиатских народов, написанными на таджикско-персидском языке. Впервые мы некоторые сведения об интересе русских людей к таджикско-персидскому языку находим у известных русских путешественников-купцов Афанасия Никитина (1466—1472)¹ и Ф. А. Котова (1623—1624)². Разумеется, первыми знатоками таджикско-персидского языка в России являлись переводчики и толмачи при посольском приказе в г. Москве, выходцы из Астрахани и Казани, усвоившие его среди бухарских таджикских купцов или проживающих постоянно в тех же городах, или приезжавших туда по торговым делам.

Сбор материалов по таджикско-персидскому языку и подготовка лиц, практически знающих его, началась еще при Петре I. Так, по сенатскому приказу от 18 января 1716 г. с русским посланником А. П. Волынским³ в Иран были отправлены 5 учеников Московской Академии для овладения персидским, арабским и турецкими языками. Петр I сумел оценить значение изучения истории и восточной традиции и для чисто научных целей. Куда бы он ни совершал военный поход или поездку, обязательно интересовался материальной культурой и восточными рукописями и велел описывать их и переводить для только что созданной в Петербурге Кунсткамеры. «Именно Кунсткамеру,—писал академик И. Ю. Краковский,—мы имеем право считать родоначальницей ряда академических собраний, которые с первых десятилетий XIX в. постепенно превратились в самостоятельные музеи»⁴. Представителем восточной схоластической традиции в известной степени выступает один близкий Петру деятель, бывший молдавский правитель Дмитрий Константинович Кантемир (1673—1723), отец известного русского сатирика — Антоха Дмитриевича Кантемира (1708—1844). Он сопровождал Петра I в его Персидском походе, и по его инициативе явился организатором первой в России типографии с арабским грифтом. В той плавучей типографии на Волге был набран турецкий манифест Петра I от 15 июля 1822 года⁵.

Первым официальным учреждением в России, где началось преподавание таджикско-персидского языка, являлась Коллегия иностранных дел. Как было уже сказано, Петром I для изучения восточных монет, рукописей в 1724—1728 гг.

был приглашен из Германии крупнейший знаток восточных языков Г. Я. Кер (1692—1740), который после смерти Петра I выехал обратно. Вновь он был приглашен при Анне Ивановне в 1732 г. по инициативе графа А. И. Остермана⁶. Г. Я. Кер, наряду с наукой, преподавал арабский, персидский и турецкий языки при Коллегии иностранных дел⁷. Одновременно Г. Я. Кер в сообществе с пленным бухарским священником Ахун-Ходжой и его братом ученым мусульманином занимался переподготовкой русских деятелей для азиатских государств. Немало труда он вложил в разработку методики преподавания персидского языка. Ему принадлежат переводы персидских трактатов на немецкий язык и с русского на персидский. С именем Г. Я. Кера связан написанный на латинском языке в 1733 г. крупный проект создания «Академии или Общества восточных наук и языков в Российской империи». В нем подчеркивалось, что постоянные связи России со странами Востока требуют знания восточных языков. Он доказывал, что русские чиновники должны иметь точные сведения о странах Востока, о законах, обычаях и т. д. Академия должна была также подготовить переводчиков. Этот проект не был осуществлен в жизнь, считался потерянным и найден только в 1821 г. академиком Х. Д. Френом⁸. Высоко оценивая деятельность Г. Я. Кера, академик И. Ю. Крачковский отметил, что нельзя не поражаться грандиозности его проекта, этой попытки «синтеза теории и практики в востоковедческой работе, которая стала осуществляться планомерно почти через два века»⁹.

«Проект об учреждении Московского университета», разработанный М. В. Ломоносовым и представленный императрице Елизавете И. И. Шуваловым, предусматривал изучение в университете восточных языков. Так, в 45 пункте «Проекта» говорилось: «Ориентальские языки могут также быть учены со временем, когда будут довольны университетские доходы и сысканы достойные к тому учителя»¹⁰. Какие языки имели в виду составители проекта, остается неизвестным. Однако нетрудно предполагать, что наряду с арабским и турецким имели в виду и персидские языки. Для установления фактического начала изучения восточных языков, в том числе таджикско-персидского в Московском университете, еще до открытия специальной кафедры восточных языков необходимо иметь в виду то, что преподавание наук в университете не ограничивалось в рамки программ и академических лекций, а выходило за пределы официальной аудитории. Сверх

аудиторных лекций профессора и преподаватели давали всем желающим частные уроки.

5 ноября 1804 г. был принят университетский устав, который предусматривал в новом Отделении словесных наук штатную кафедру восточных языков, в том числе персидского. С учреждением кафедры восточных языков впервые начинается официальное преподавание восточных языков, в том числе таджикско-персидского языка в Московском, Казанском и Харьковском университетах. Преподавание персидского языка в Московском университете было тесно связано с именем профессора Алексея Васильевича Болдырева (1780—1842), который считался первым представителем отечественного востоковедения и заведующим кафедрой восточных языков в Московском университете. Родился он 26 марта 1780 г. в семье скромного штаб-лекаря. В 1798 г. был зачислен в гимназию при Московском университете. С 1801 г. учился в Московском университете, сначала на юридическом, потом на философском факультетах, где он из восточных языков изучал только еврейский язык. В 1806 году за счет университета его посылают за границу для изучения восточных языков. Особенно полезным было для него пребывание в Париже, в школе крупнейшего французского арабиста и ираниста Сильвестра де Сасси (1758—1838 гг.)¹¹. По возвращению из заграничной командировки он приступил в Московском университете к преподаванию еврейского, арабского и персидского языков. Как ректор университета и цензор периодических изданий Московского университетского округа, А. В. Болдырев в 1836 г., когда в № 15 «Телескопа» опубликовалось знаменитое «Философское письмо» П. Я. Чаадаева, был арестован, после годичного тюремного заключения был исключен из числа преподавателей Московского университета без пенсии. 17 августа 1842 г. А. В. Болдырев скончался¹².

А. В. Болдырев, представляя в своем лице всю кафедру, стремился к тому, чтобы расширить круг преподаваемых дисциплин и воспитать себе смену, помощников из числа своих учеников. И хотя в начале основным в учебной нагрузке его было преподавание еврейского языка, тем не менее по этому предмету мы среди его опубликованных учебных пособий не найдем ни одной работы. Это значит, что по этому предмету пособий было достаточно. Что касается учебных пособий по арабскому и персидскому языкам, то их вовсе не было. Поэтому прежде всего под руководством А. В. Болдырева кафедра начала подготавливать тексты лекций, подсобные словари и элементарные грамматики. Наряду с «Арабской граммати-

кой», текстом «Приключения одного невольника Арабаши», «Краткой арабской грамматикой» и «Словарем к новой арабской хрестоматии и краткой арабской грамматик» в 1826 г. выходит литографированная «Персидская хрестоматия» в двух частях: ч. I—тексты и ч. II—словарь и грамматика (в 1833). В 1834 г. вышло второе издание «Хрестоматии», исправленное и значительно дополненное в трех частях¹³. Сюда же следует прибавить и переводы А. В. Болдырева с персидского языка «Мечжнун и Лайла»¹⁴ и «Магамедово путешествие на небо»¹⁵, содержащие пересказ мусульманских легенд. В разделе «Обозрения преподавания за 1814—1826 годы» говорится, что А. В. Болдырев «обучал арабскому языку по своей литографированной хрестоматии и персидскому, объясняя избранные места из «Тути-нома» и «Цветник Саади»¹⁶ («Гулистон». — О. Б.). Единственным замечанием в адрес его учебных пособий было то, что тексты в его хрестоматиях были старые, уже изданные в хрестоматии Сильвестра де Сасси антологии Гумберта. Тем не менее она сыграла важную роль в истории изучения таджико-персидских языков. Несмотря на то, что издание восточных текстов в то время было очень затруднено в связи с нехваткой шрифтов и квалифицированных типографических специалистов и своей загруженности, А. В. Болдырев много успел и сделал что мог. Его учебное пособие по персидско-таджикскому языку являлось важнейшим достижением в истории русского востоковедения, особенно в период его становления в стенах Московского университета. Оно было единственным пособием вплоть до выхода в свет «Образцов персидской письменности» Мирзы Абдуллы Гаффарова¹⁷. Таким образом, учебное пособие А. В. Болдырева обеспечивало изучение и преподавание персидско-таджикских языков и литературы на многие десятилетия, вплоть до начала XX в.

Говоря о московской школе востоковедов, академик И. Ю. Крачковский считал, «что немногие ученики А. В. Болдырева рассеялись .... сошли со сцены одновременно с ним»¹⁸. Тем не менее к 30-м годам XIX в. у А. В. Болдырева были уже ученики, включившиеся в работу кафедры. Одним из них был Николай Гаврилович Коноплев, который специально был послан для усовершенствования в восточных языках в С.—Петербургский университет, где закончил полный курс арабского, персидского и турецкого языков и с 1833 г. начал преподавать арабский и персидский языки. Продолжая традиции своего учителя, Н. Г. Коноплев готовил перевод «Гулистана» Хафиза, «Тутинаме» и «Спора о красавице». В апреле 1825 г.

в московском «Вестнике Европы» был опубликован первый вариант «Спора о красавице» в его переводе с персидского¹⁹. Кроме студентов, у А. В. Болдырева было много учеников — «слушателей», среди которых был Дмитрий Петрович Ознобишин (1804—1877). Он был поэт, писатель и переводчик, у своего учителя он слушал лекцию, а у некоего «ученого мурлы» изучал арабский и персидский языки. Он выступил с интересными и популярными статьями и заметками по искусству и литературам Востока, особенно его переводы с персидского языка Хафиза и Низами, публиковавшиеся большей частью под псевдонимом «Делибюрдер»²⁰.

После отставки А. В. Болдырева по существу кафедра восточных языков в Московском университете прекратила свое существование. Фактически она существовала с 1811 по 1836 г. и лишь спустя 16 лет, с переводом из Казанского университета П. Я. Петрова она вновь начала работать как кафедра санскрита. Павел Яковлевич Петров (1814—1875 гг.) был вторым после А. В. Болдырева официальным представителем кафедры восточных языков Московского университета. С его именем связан новый период в истории Московского университетского востоковедения. П. Я. Петров родился в 1814 г. в Петербурге, но затем вместе с семьей переселился в Москву. В 1828 г. поступил в Московский университет. Самым знаменательным событием в студенческие годы для П. Я. Петрова являлась его дружба с В. Г. Белинским, связь с кружком Н. В. Станкевича. После окончания университета (1831 г.) для усовершенствования знаний в восточных языках он продолжал свое востоковедческое учение в Петербурге под руководством известного Х. Д. Френа, профессора Сенковского, Ф. Ф. Шармуа, Ж. Ф. Деманжа и Мирзы Джафара. Важные сведения о периоде пребывания П. Я. Петрова в Петербурге содержатся в его письмах В. Г. Белинскому, в которых он сообщает своему другу о своих успехах в изучении восточных языков, особенно персидского, и о своих петербургских наставниках. Успешно выдержав экзамен арабского и персидского языков у Х. Д. Френа и Ф. Ф. Шармуа²¹, в санскритском у академика Я. И. Шмидта²², он был принят и находился под особым попечением Френа. Убедившись в способностях П. Я. Петрова в изучении языков академик Х. Д. Френ согласился руководить его занятиями и направил их по хорошо продуманному направлению. По справедливому утверждению Н. И. Веселовского из всех своих петербургских наставников П. Я. Петров особенно был обязан Х. Д. Френу, который ограничил его основательным изучением

арабского, персидско-таджикского, турецкого и санскритского языков²³.

Наряду с Х. Д. Френом, вторым крупным талантом оказался профессор О. И. Сенковский, с которым П. Я. Петров занимался арабистикой. П. Я. Петров отзывался о лекциях О. И. Сенковского следующим образом: «Сухой предмет языкознания умел облечь такую привлекательностью, что я невольно пожалел о краткости его лекции, продолжавшиеся два часа. С каким искусством заставляет он нас вникнуть в дух языка... Да, ума необыкновенного у Сенковского отнять нельзя — и как не пожалеть после этого об его нравственности, которая погасила в нем его удивительные дарования»²⁴.

Среди языков, которыми занимался П. Я. Петров, до отъезда в Петербург, наиболее успешно изучал персидский, по которому экзаменовал его представитель славной французской школы Сильвестра де Сасси, профессор Ф. Ф. Шармуа, у которого он занимался с самого начала. Наряду с европейской ученостью, П. Я. Петров имел возможность в Петербурге познакомиться со знатоком восточных традиций в лице Мирзы Джафара (Топчибашева), преподававшего персидский язык в университете с 1839 по 1849 годы. Он был поэтом и подлинным знатоком персидской поэзии, с помощью которого П. Я. Петров переводил лучшие стихи Хафиза на русский язык стихами²⁵. Газель была опубликована в 1835 г. в журнале «Молва», выходившем как приложение к «Телескопу», и впоследствии перепечатана В. А. Эберманом в журнале «Восток»²⁶. Впоследствии сам П. Я. Петров начал в подражание Хафизу сочинять газели и даже дал себе персидское имя — Ашик, т. е. влюбленный. Свои успехи в персидском он ставил на первое место среди трех языков Востока (еще арабского и турецкого). Стихи П. Я. Петрова в «Молве» являлись первой попыткой ввести в русскую литературу арабо-персидскую форму газели»²⁷.

В 1838—1840 гг. по рекомендации петербургских востоковедов, прежде всего Х. Д. Френа, П. Я. Петров для дальнейшего усовершенствования знаний в восточных языках находился в заграничной командировке, во время которой он побывал не только в Париже, но и в Лондоне и Берлине. По возвращении из заграничной командировки просьба П. Я. Петрова о разрешении ему преподавания санскритского и персидского языков в Петербургском и Московском университетах не была удовлетворена из-за отсутствия вакансии и он получил наз-

начение на кафедру санскритской склонности Казанского университета, где проработал десять лет. В связи с ухудшением здоровья после долгих хлопот в 1852 году факультет согласился на его перевод в Московский университет, где он возглавил кафедру санскрита, вскоре ставшей вновь кафедрой восточных языков, так как П. Я. Петров преподавал арабский, персидский и еврейский языки. С 1864 г. он трижды был избран профессором кафедры и вышел в отставку в 1875 году, за две недели до смерти²⁸. По признанию современников, он был разносторонний лингвист, преподаватель, вдумчивый исследователь. Для создания подлинного образа П. Я. Петрова как крупнейшего знатока многочисленных восточных языков, в том числе таджикско-персидского, особенно ценные сведения содержатся в материалах, опубликованных Н. В. Бергом²⁹, который говорит о нем как одном «из самых замечательных русских ориенталистов», глубоко знающем языки древних и новых. Говоря об исключительной эрудиции его, Н. В. Берг подчеркивает, что он подходил к изучению языка как бы стремясь сделать его вторым своим родным языком. Изучение языка шло у него рядом с тончайшим изучением способа писания того или другого народа. Он отлично писал по-арабски, по-персидски и т. д. «Персидские песни,— пишет Н. В. Берг,— сообщил мне все до одной Петров. Он знал по-персидски, как персиянин, и сам говорил мне не раз, что персидский язык знаком ему, как кажется более других»³⁰.

Несмотря на то, что П. Я. Петров был крупным знатоком восточных языков, в том числе персидско-таджикского, имел богатую личную библиотеку, которую он собирал с большим трудом всю жизнь и насчитывала она около двух тысяч книг (после его смерти она перешла в собственность Московского университета и в настоящее время находится в фондах фундаментальной библиотеки им. А. М. Горького МГУ), научных работ он оставил весьма мало. Вот почему, крупнейший иранист, таджиковед, академик К. Г. Залеман заметил, что П. Я. Петров как разносторонний лингвист и вдумчивый исследователь и одаренный преподаватель восточных языков, не имел «... дальнейшего влияния на успехи науки... от него сохранился только ряд мелких статей, носящих более случайный характер и для науки прошедших почти бесследно»³¹. Из девятнадцати его статей и заметок только две относятся к его многолетней работе по странам Среднего и Ближнего Востока: «Обозрение арабских, персидских и турецких рукописей, находящихся в библиотеке Императорского Московско-

го университета»³² и актовая речь в Московском университете 12 января 1862 г. «Об арабском языке и литературе»³³.

После смерти П. Я. Петрова кафедра восточных языков не замещалась и тем самым в Московском университете прекратилось преподавание восточных языков: арабского, таджико-персидского и турецкого. В условиях николаевского жандармского режима личная катастрофа А. В. Болдырева привела к ликвидации кафедры восточных языков. Восстановленная кафедра в 1852 г. при П. Я. Петрове уже не могла возродить московской школы при занятии первенствующей роли Петербургского университета, тем более что практическое изучение языков в Москве перешло в новый, Лазаревский институт восточных языков, где еще в 1869 г. в старших гимназических классах преподавал персидский язык сам П. Я. Петров.

Как уже отмечалось выше, с утверждением устава университетов (1804 г) преподавание восточных языков, наряду с Московским, началось в Харьковском и Казанском университетах. В Харьковском университете персидский язык преподавался в 1805—1806 гг. И. Б. Барендтом, а несколько позже, в 1830—1836 гг. Б. А. Дорном, с отъездом которого обучение восточных языков здесь прекратилось³⁴. В то же время Казанский университет на долгие годы стал центром русского востоковедения.

Переходя к рассмотрению русского востоковедения в Казанском университете следует отметить, что востоковедение в Казани начало развиваться еще раньше, до открытия университета. Ведь как показала история русско-среднеазиатских отношений, Казань издавна имела обширные и постоянные торгово-экономические связи со Средней Азией, через нее проходили торговые пути между Россией и странами Востока. Кроме того, в первой половине XIX в. Казань считалась крупным административным и культурным центром Восточной России. После огромного пожара (1815 г.), уничтожившего почти половину города, она быстро восстановилась. По образному выражению современника Казань к 1842 г. «... нарядилась и украсилась, как невеста, так что была первым лучшим городом после столицы»³⁵. Находясь на границе со Средней Азией, Казань была с ней связана также в географическом, экономическом, этнографическом и даже религиозном отношениях, в которой проживало большое количество мусульманского населения, вышедшего из Средней Азии. Придавая особое значение торговле с Востоком, царское правительство заботилось о подготовке не ученых ориенталистов,

а переводчиков и миссионеров. Так, указом Екатерины II от 12 мая 1769 г. при казанской гимназии началось изучение татарского языка³⁶. По этим же причинам уставом 1804 г. было предусмотрено введение преподавания восточных языков в Казанском университете.

Казанский университет начал свой первый учебный год в 1804 г. Однако, кафедра восточных языков начала работать спустя три года в 1807 г., на которой преподавались арабский и персидский языки. Руководителем и ординарным профессором этой кафедры с 1807—1817 гг. был приглашенный из Ростокского университета (из Германии) Х. Д. Френ³⁷, который считается родоначальником казанских ориенталистов. Он заложил основу всестороннего научного изучения Востока. За десять лет пребывания в университете ему удалось значительно расширить преподавание восточных языков и заложить основы всестороннего изучения Востока, особенно Средней Азии.

После отъезда Френа на службу в Петербургскую Академию (1817 г.), по его рекомендации профессором по кафедре восточных языков был утвержден Ф. Эрдман, вышедший тоже из Ростокской восточной школы. Он проработал здесь 26 лет и преподавал в основном арабскую и персидскую словесность. Однако, он после себя оставил самое отрицательное воспоминание современников, так как он не обладал ни научной эрудицией Френа, ни передовыми взглядами на науку. В университете он выступил и действовал в духе реакционера М. Л. Магницкого (1778—1844) против передовых ученых. Именно с появлением Магницкого в качестве попечителя Казанского учебного корпуса (1819—1826) учебная и научная работа в университете фактически как бы замерла, так как он заподозревал в университетском преподавании «вольнодумство»³⁸. Семилетняя власть Магницкого значительно ослабила университет. Только назначение великого математика, философа-материалиста, патриота и педагога Н. И. Лобачевского ректором Казанского университета сразу сказалось положительно на развитии восточного разряда. С августа 1837 г. Казанский университет стал работать по новому уставу. Но фактически по новому уставу как в системе преподавания восточных языков, так и в развитии востоковедческой науки никаких изменений не произошло. До принятия нового устава курсы арабского, персидского, турецкого, татарского и монгольского языков входили в состав трех восточных кафедр. Теперь они были выделены в разряд восточной словесности. Кафедра арабской и персидской словесности,

кроме Я. О. Ярцева, Ф. Эрдмана и Готвальда (приглашенных иностранцев.— О. Б.), имела в своем составе ряд молодых преподавателей, в основном воспитанников Первой Казанской гимназии: Н. Санина, И. Жукова, И. Иванова, М. Новроцкого, И. Холмогорова и др.³⁹

В 30-40-х гг. XIX в. на философском факультете из различных кафедр формируется восточный разряд, выпускники которого впоследствии составили плеяду лучших русских ориенталистов. Возникновению и развитию восточного разряда во многом содействовала русская передовая общественность, которая издавна проявляла большой интерес к странам Средней Азии, к истории, культуре, языкам, литературе, быту, нравам, религии и обычаям их народов. Кроме того, на развитие восточного разряда благотворно сказалось двадцатилетнее нахождение Н. И. Лобачевского на посту ректора университета (с 1827 г.). Восточный разряд проделал большую работу по изучению народов Востока, в первую очередь народов Средней Азии и, поистине, создал школу русских востоковедов. С целью глубокого изучения восточных языков и всестороннего знакомства с восточными народами организовывались длительные путешествия казанских востоковедов по странам Востока, особенно во время ректорства Н. И. Лобачевского. Он был горячим сторонником длительных научных командировок, необходимых выпускникам университета для изучения стран Востока и подготовки к профессорско-преподавательской деятельности. Так, например, в 1842 г. после защиты магистерской диссертации в трехлетнюю научную командировку были направлены И. Н. Березин и Д. Диттель по Кавказу, Ирану, странам Ближнего и Среднего Востока, вернувшиеся в августе 1845 г. Полный отчет об их путешествии был напечатан в журнале Министерства народного просвещения за 1847 год⁴⁰.

Востоковеды Казанского университета внесли большой вклад в развитие педагогической и методической мысли. Каждая кафедра восточного разряда сама подготовила учебные пособия для своих слушателей. Кроме учебников и учебных пособий, ученые составляли программы отдельных курсов для восточного разряда. Начало всестороннему обсуждению составленных программ было заложено Х. Д. Френом. В своем распоряжении слушатели восточного разряда имели университетскую библиотеку, богатую восточной литературой. В фонде рукописей и редких книг имелись первоисточники на 18 языках, среди которых имелись экземпляры, относящиеся к началу XII в., сочинения восточных писателей, произведения средневековых философов, сборник поэм известного таджик-

ско-персидского поэта Амир Хусрав Дехлави (1253—1325), сочинение великого узбекского поэта А. Навои, великого азербайджанского поэта Низами и великого таджикского ученого Абу Али ибн-Сино (Авиценны)⁴¹. Постановка преподавания на восточном разряде пережила ряд организационных и структурных изменений. Так, до устава 1835 г. когда восточная словесность входила как составная часть в отделение общей словесности, преподавателей по ней было мало. Преподавание восточных языков осуществлялось только тремя преподавателями: Х. В. Френом Ф. Эрдманом и И. Халфиним. Из них Френ и Эрдман преподавали арабскую и персидскую словесность. С конца 20-х гг. началась преподавательская деятельность Казембека, который разбирал со студентами грамматические правила персидского языка, занимался с ними переводами с персидского языка, читал рукописи, ознакомил их с персидскими авторами по хрестоматии А. В. Болдырева⁴². Начиная с 30-х гг. XIX в. круг востоковедческих дисциплин был расширен. Цикл арабско-персидской словесности по-прежнему продолжали вести Ф. Эрдман, Казембек и позднее И. Н. Березин. Кроме того, Эрдман читал для всех разрядов историю персидского государства, а с 1833—34 учебного года вводит курс древней истории. Персидско-таджикский язык обучался по хрестоматии А. В. Болдырева⁴³.

Несмотря на хорошую постановку преподавания востоковедческих дисциплин, студентов на восточном разряде было мало. Это было связано со следующими обстоятельствами. Во-первых, в первые годы преподавание этих дисциплин велось на немецком и латинском языках, которых большая часть слушателей не знала. Во-вторых, после окончания восточной словесности многие ее выпускники не могли работать по специальности. Вот почему, даже после привлечения к преподаванию русских ориенталистов, число студентов не увеличивалось. Тем не менее в течение почти первой половины XIX в. Казанский университет был центром университетского изучения Востока и преподавания восточных языков в России. 22 октября 1854 г. указом сената восточный разряд был закрыт, а преподавание восточных языков прекратилось в Казанском университете и Казанской гимназии.

Персидский язык кроме I казанской гимназии, преподавался и в некоторых других средних учебных заведениях России: в астраханской гимназии (с 1811), училище Нересса, гимназии и мусульманском училище в Тифлисе, Неплюевском военном училище (с 1824 г.) и прогимназии в Оренбурге (до 1875 г.), Одесской школе восточных языков (с 1828 г.), пре-

образованной в 1887 г. в Восточный институт при Ришельевском музее⁴⁴.

Другим высшим учебным заведением в Москве был Лазаревский институт восточных языков. Исторический очерк данного института с самого основания вплоть до начала 50-х гг. XIX в. был составлен профессором его А. Зиновьевым⁴⁵ и А. П. Базиянцом⁴⁶. Поэтому не вдаваясь в подробности истории института, ограничимся здесь лишь рассмотрением состояния преподавания таджикско-персидского языка в нем. При этом, нам кажется, было бы полезным узнать, каким образом и кем он был основан. Для этого считаем уместным дать краткую историю создания первого учебного заведения востоковедения в России, каким являлся Лазаревский институт восточных языков. Завоевав в 1597—1598 гг. Бухару, Турцию, Хурасан и Закавказье, в том числе Армению, Иранский шах Аббас I (1571—1629) из династии Сафавидов, объявил своей новой столицей г. Исфаган и предложил знатым и более влиятельным армянам переселиться в его новую столицу, в более безопасный город под его непосредственное покровительство на постоянное жительство, при этом обещал им жалованье, почетные звания. Итак, один из них был Манук Лазарев, который решил на взаимных условиях водвориться семейством в Исфаган. При втором сыне шаха Аббаса известен стал сын Манука Лазарь Лазарев в звании главного начальника над монетным двором и казнохранителя, затем был назначен правителем г. Джульфа. Тем не менее наследники Манука не чувствовали себя в безопасности и решили оставить Иран навсегда. В России в это время царствовала Елизавета Петровна, а затем Екатерина II. В Россию семья Лазаревых приехала в начале царствования Екатерины II со значительным денежным капиталом и редкими драгоценностями. Сначала они некоторое время находились в Астрахани, а затем вскоре переехали в Москву. Здесь они основали богатую шелковую и бумажную мануфактуру, для чего пригласили из Азии и Западной Европы искусных мастеров, тем самым приобрели способ переместить обширные заведения в купленное село Фрояново в Богородском уезде Московской губернии. В 1776 г. Екатерина II своей грамотой присвоила Лазарю Назаровичу Лазареву потомственное дворянство Российской империи⁴⁷. Таким образом Л. Н. Лазарев, отец четырех сыновей, водворился в Россию и стала известна его фамилия в новом отечестве. Особенно страшней из них, Иван Лазаревич, своим обширным умом, образованностью и оказанными им услугами достиг высшей степени

уважения. На 66 году жизни, 24 октября 1801 г. скончался Иван Лазаревич Лазарев.

Из-за неимения прямого наследника из числа мужского пола еще 4 января 1800 г. действительный статский советник и командир Державного ордена Св. Иоанна Иерусалимского граф Иван Лазаревич Лазарев назначил своего родного брата Иоакима Лазаревича наследником и завещал ему после своей смерти внести в Московский опекунский совет 200000 руб. ассигнованиями⁴⁸, чтобы соорудить современное приличное здание для воспитания и обучения бедных детей из армянской нации. Иоаким Лазарев, следуя завещанию старшего брата, употребил на устройство Лазаревского училища и на сооружение обширного здания со всеми принадлежностями до 300000 руб. ассигнований. Это заведение заняло почетное место среди первоклассных учебных заведений Российской империи. Таким образом, было положено начало Лазаревскому институту восточных языков. В истории Лазаревского института восточных языков следует различать три периода. В первый период, с 1815 по 1835 гг. он не пользовался никакими правами и преимуществами. В этот период он был как благородный пансион и находился под надзором основателя и попечителя Иоакима Лазаревича. В нем ежегодно воспитывалось 30 детей армян. Первоначальная цель ограничивалась элементарным учением. С 15 июля 1818 г. к управлению училищем приступили сыновья Иоакима Иван и Христофор Иоакимовичи. При них курс учения уже делился на три класса: нижний, средний и высший, в которых преподавались 9 предметов, среди которых пока отсутствовало преподавание восточных языков, в том числе персидского⁴⁹.

Благодаря стараниям сыновей Иоакима Лазаревское учебное заведение стало обращать на себя внимание не только частных лиц, но и правительства. Вскоре в Армянское училище начали поступать дети русских и других национальностей. Постепенно оно стало известным и в азиатских странах. Так, в 1821 г. из 12 воспитанников 5 человек поступили в Московский университет. Однако, царское правительство не было заинтересовано в просвещении закавказских народов и под любым предлогом препятствовало успешному развитию этого учебного заведения. Министерство просвещения и его Комитет устройства учебных заведений долгое время не утверждал устав Института, отказывали ему в правах, закрепленных за гимназиями. Царское правительство не решилось закрыть Лазаревское училище, по-видимому, только по тем соображениям, что нуждалось в людях, знающих восточные

языки. Кроме того, определенную роль сыграло то обстоятельство, что Лазаревы были весьма влиятельными и близкими к царскому двору. Только спустя девять лет с начала занятий в нем (1815 г.), в декабре 1824 г., Лазаревское училище было сравнено с гимназией, а в 1828 г. оно уже называлось Армянским Лазаревским институтом восточных языков. В это время институт состоял из четырех классов, в которых преподавалось 17 предметов, среди которых из восточных языков изучались только персидский и армянский. 25 июля 1834 г. Лазаревский институт восточных языков был причислен ко второму разряду учебных заведений страны.

Согласно нового устава Института, утвержденного 10 мая 1848 г. Лазаревский институт восточных языков преимущественно должен был быть посвящен изучению восточных языков и их литературе. Однако, несмотря на это, в институте по-прежнему преподавались все предметы общего гимназистского курса, необходимые для поступления в университет, или прямо на государственную службу. 21 декабря 1849 г. были утверждены императором дополнения к уставу Института, согласно которым все воспитанники Лазаревского института должны были непременно обучаться одному из восточных языков по своему выбору⁵⁰.

Следует напомнить, что если первоначальная цель этого учебного заведения ограничивалась элементарным учением, то вскоре курс учения его разделился на три класса: нижний, средний и высший. В институт принимались дети в возрасте от 10 до 14 лет, от которых требовалось начальное познание в основаниях закона божия, в чтении, письме и арифметике. Новопоступающие дети могут быть принимаемы в средние классы по испытанию, производимому преподавателями в присутствии инспектора⁵¹. Двери Лазаревского института были открыты как для детей армян, так и для юношей всех других национальностей. Это свидетельствовало о широких и демократических взглядах основателей и руководителей армянского востоковедческого учебного заведения. Лазаревский институт восточных языков был одним из лучших светских учебных заведений первой половины XIX века и слава его очень быстро распространилась среди армян не только России, но и за ее пределами. В нем учились армяне из Турции, Ирана, Средней Азии и даже Индии.

Важным событием в жизни Института восточных языков являлось открытие типографии в 1829 г., которая имела к концу 30-х гг. 21 образец шрифтов для европейских и восточных языков. В типографии института печатались учебни-

ки, учебные пособия для слушателей. В связи с материальным затруднением с начала 40-х годов типография сдавалась в аренду. Но арендаторы были обязаны печатать все то, что потребовалось институту, а «корректуря же сочинений восточных (персидских, арабских, турецких и армянских) должна лежать на ответственности Совета Института⁵².

С самого начала существования Лазаревский армянский институт приступил к созданию своей собственной библиотеки, которая в 1836 г. насчитывала 8 тыс. томов⁵³. Попечители института приобретали книги для библиотеки в различных городах Российской империи, в странах Ближнего и Среднего Востока, в Средней Азии, в западноевропейских научных центрах — в Вене, Венеции, Париже. Инициаторами введения в программу училища восточных языков являлись те же основатели его — представители семьи Лазаревых. Как выходцы из Ирана они были тесно связаны с армянскими торговыми обществами, хорошо понимали важность изучения восточных языков и подготовки знающих переводчиков для России, особенно по персидско-таджикскому языку. Необходимость изучения таджикско-персидского языка определялась тем, что начиная с VI—VII вв. он являлся государственным языком не только в Иране, Афганистане, Средней Азии, но и вторым государственным языком в Турецкой империи, он был понятен и народам Закавказья и выполнял роль международного языка. Вот почему из 17 предметов, обучаемых в Институте, преподавание полного курса в программе его предполагалось только по армянской и персидско-таджикской словесностям. Преподавание таджикско-персидского языка, введенное в 20-годы XIX в. неизменно продолжалось за весь период его существования. В отличие от факультетов Петербургского и Московского университетов, в которых обучалось значительное число восточных языков и имелся более широкий лингвистический профиль, в Лазаревском институте постоянно преподавались из зарубежных восточных языков только язык и литература таджико-персидских, турецких и арабских.

В правилах Лазаревского института, опубликованных в 1830 г. в разделе «Правила преподавания восточных языков» дается характеристика изучаемых дисциплин по Востоку. В частности, в них говорится, что преподавание трех восточных языков, как-то: арабского, персидского и турецкого имеет быть практическое с изъяснением теории, должно начинаться с арабского, как основание обоих других. Через два года после арабского следует приступить к изучению персидского и потом год заниматься турецким, начиная с грамматики и

продолжая упражнениями в чтении лучших писателей, разговорах и сочинениях. Лекции заключают в себе общий взгляд на историю, географию и литературу армян, арабов, персов и турок, равно и прочих восточных народов⁵⁴. Теоретическое и практическое занятие восточными языками закреплялось путем внеклассных упражнений. В тех же правилах имеется подробное описание внеклассных занятий. «Познание иностранных языков, говорилось в правилах института, — сверх обучения в классах укрепляется изустным употреблением в комнатах, чему особенно способствуют надзиратели, объясняясь постоянно с воспитанниками на иностранных языках и исправляя делаемые ими в разговорах погрешности»⁵⁵. Как свидетельствуют источники большинство надзирателей являлись образованными людьми.

В русской дореволюционной исторической литературе содержатся весьма скудные сведения о преподавании и преподавателях таджикско-персидского языка в институте. Первым преподавателем турецкого, арабского, персидского и армянского языков был хорошо эрудированный человек, известный богослов, архиепископ Михаил Салатян, который обучался в Азии, потом в Риме, Венеции и путешествовал по всей Европе и Востоку. В начале 30-х годов происходило закрепление за преподавателями одной или двух языковых дисциплин. Несмотря на положительный отзыв командира института генерал-майора Римана о том, что преподавание персидского и турецкого языков составило отдельное занятие под руководством ориенталистов⁵⁶ (т. е. специалистов-востоковедов. — О. Б.), А. П. Базиянц, основываясь на какой-то отрицательной характеристике, найденной им в архиве о преподавателе персидского языка Мирзе Джафарре (между тем он по хорошим знаниям персидско-таджикского языка и таджикско-персидской поэзии пользовался большим авторитетом среди своих учеников в Петербургском Университете и тогдашних русских востоковедов. — О. Б.), сделал, на наш взгляд, поспешный и не совсем объективный вывод о состоянии преподавания восточных языков. «Изучение восточных языков, — пишет А. П. Базиянц, — из-за отсутствия высококвалифицированных педагогов находилось на невысоком уровне. Достаточно сказать, что преподаватели персидского и турецкого языков не были по своей подготовке и образованию педагогами»⁵⁷.

С 1 августа 1834 г. в первом, втором и третьем классах изучали персидский и турецкий языки. Персидский язык вместо Мирзы Джаффара начал преподавать Лазарь Захарович Будаков, который первоначальное образование полу-

чил в местном армянском училище Агабабова в городе Астрахани. Затем он окончил Астраханскую гимназию и слушал лекции в Московском университете, после чего 2,5 года работал преподавателем в Лазаревском институте. В 1840 г. окончил отделение восточных языков философского факультета в Казанском Университете. После отъезда Л. З. Будакова из Москвы на работу в Петербургский Университет, преподавание персидского языка было возложено на Н. И. Торищова⁵⁸.

Со временем главный центр подготовки русских востоковедов переместился в столицу Российской империи, в г. Санкт-Петербург. Перемещение центра славной русской востоковедческой школы в Петербург было связано с открытием Петербургского университета. Должен напомнить, что идея создания университета в Петербурге возникла намного раньше, когда не было в России ни одного высшего учебного заведения. Первая попытка организации университета в столице непосредственно была связана с созданием в 1725 г. по проекту Петра I Академии Наук. По замыслу Петра I Академия должна была состоять из трех звеньев — собственно Академии как научного центра, академического университета и академической гимназии. Однако, антинациональная политика советника канцелярии Шумахера⁵⁹ и его приспешников полностью игнорировала необходимость открытия университета, где должны были готовиться кадры отечественных ученых для исследовательского центра Академии. Наблюдая антинациональную политику Шумахера и окружавших его ученых-иностранцев из Академии, М. В. Ломоносов видел единственный выход из создавшего положения в открытии нескольких университетов, притом совершенно независимых от Академии. Для реализации своего замысла М. В. Ломоносов выступает с проектом создания университета в Москве. После открытия Московского университета он начинает добиваться от Екатерины II согласия на выделение академического университета в Петербурге из системы Академии наук. Однако, смерть великого русского ученого помешала осуществлению его замысла.

С образованием в 1802 г. Министерства народного просвещения разработка проекта организации всех видов системы обучения в России была сконцентрирована в специальном отделе министерства, в Комиссии об училищах, позднее переименованной в Главное правление училищ, одной из важнейших задач которой было учреждение университетов. Хотя в разработанных Комиссией «Предварительных правилах»

предусматривалось, кроме уже существующих университетов в Москве, Дерпте и Вильно, открыть аналогичные университеты в Петербурге, Харькове и Казани. Как уже выше было сказано, с утверждением Устава университета (1804 г.) были открыты Харьковский и Казанский университеты. Однако, с открытием университета в Петербурге Министерство народного просвещения явно не торопилось. Причины отсрочки учреждения Петербургского университета уже не раз поднимались в литературе. Так, В. В. Григорьев, автор «Истории Петербургского университета в течение первых пятидесяти лет его существования», говоря о причинах несвоевременного открытия университета, высказывал предположения, что, во-первых, это недостаток хороших преподавателей, а, во-вторых, Петербург нуждался в университете менее, чем Казань и Харьков, ибо здесь находилось большое число высших учебных заведений⁶⁰. Как справедливо отмечают авторы «Истории Ленинградского университета», высказывания В. В. Григорьева не являются убедительными, так как Петербург — столица Российской империи больше нуждался в высшем университетском учебном заведении и лучше был обеспечен профессорско-преподавательскими кадрами, чем Харьков и Казань⁶¹.

8 февраля 1819 г. проект «Первоначального образования» был утвержден царем и это явилось «учредительным актом» открытия Петербургского университета, явившегося шестым университетом в России. С первых же десятилетий Петербургский университет стал центром преподавания иранских языков. Одной из характерных особенностей данного университета в отличие от других была непрерывность преподавания иранских языков с момента основания до сегодняшнего дня. Основным предметом преподавания был язык произведений богатейшей персидской и таджикской классической литературы (Рудаки, Фиродуси, Саади, Хафиза, Джалолиддина Руми, Аттора, Хайяма и др.) исторических и научных сочинений (Наршахи, Бейхаки, Рашиддин, Хондемир, Мирхонд и др.).

Развитию исторического языкознания в университете в немалой степени способствовала общая историко-филологическая направленность Петербургского востоковедения. Языки изучались как путь к познанию истории, культуры и быта народов. Именно с этой точки зрения профессора факультета восточных языков обучали своих учеников. Результаты такой постановки преподавания персидского, таджикского и других языков народов Средней Азии мы видим в на-

учных работах учеников профессоров факультета — П. С. Савельева, В. В. Григорьева, В. В. Вельяминова-Зернова и др. Благодаря знанию восточных языков, в том числе персидского и таджикского, им удалось изучать восточные монеты, рукописи и на их основании написать научные труды по истории народов Средней Азии.

Следует подчеркнуть, что в первые десятилетия из-за малочисленности национальных востоковедов к преподаванию восточных языков, в том числе таджикского, персидского, были привлечены иностранные востоковеды профессора Ф. Ф. Шармуа, Ж. Ф. Деманж, О. И. Сенковский. Ф. Ф. Шармуа родился в 1792 г. в Эльзасе. Пробыв в Париже, он начал заниматься восточными языками под руководством знаменитого французского ориенталиста Сильвестра де Сасси. За два года до открытия Петроградского университета в Петербургском педагогическом институте была открыта кафедра арабского и персидского языков. Для избрания достойных преподавателей начальник Петербургского учебного корпуса обратился с запросом к знаменитому ориенталисту Сильвестру де Сасси, кому бы он мог поручить преподавание восточных языков. Сильвестр де Сасси представил кандидатуры двух своих учеников — Ф. Ф. Шармуа и Ж. Ф. Деманжа, которые приехали в Петербург и были определены с 1 сентября 1817 г. профессорами: Ф. Ф. Шармуа — по персидскому языку, а Ж. Ф. Деманж — по арабскому. После преобразования пед-института в Петербургский университет в 1819 г. они перешли на службу в Азиатский департамент Министерства иностранных дел. Восточные кафедры были заняты профессором О. И. Сенковским (арабист) и адъюнктом Мирзою Джаффаром Топчибашевым (иранист). В 1831 г. Ф. Ф. Шармуа был утвержден профессором персидского языка при Петербургском университете и занимал кафедру до отъезда за границу в сентябре 1835 г., а в 1842 г. скончался на 50-м году жизни в Страсбурге⁶².

Другим профессором по арабскому и персидскому языкам был О. И. Сенковский. Родился он 19 марта 1800 г. После окончания Виленского университета, О. И. Сенковский побывал в странах Ближнего и Среднего Востока, усовершенствовался в знании восточных языков и в 1821 г. приехал в Петербург и был определен в профессора восточных языков в Петербургском университете. Ему тогда было 22 года. Он неоднократно занимал должность декана факультета. Лекции его не ограничивались языком и литературой, а были живой энциклопедией. Таким образом, слушатели выносили из его

лекций массу разнородных и живых знаний о Востоке, которые возбуждали его любознательность. Он был, по выражению одного своего ученика П. С. Савельева, звездой первой величины между преподавателями—ориенталистами. Как преподаватель восточных языков и словесности, он основательно глубоко знакомил слушателей со своим предметом и в этом отношении его заслуги России стоят на одном ряду с заслугами, оказанными Франции де Сасси.

Велика была его роль в изучении истории таджикского и персидского языков. Так, в 1820—1821 гг. член русского посольства в Бухару барон Е. К. Мейендорф привез оттуда, между прочим, персидский текст «Истории Бухары», неизвестный тогда еще в Европе. О. И. Сенковский взялся за издание его, сделал из него извлечение всех исторических сведений на французском языке, приложил к нему краткие примечания и объяснения. Оно было издано в 1824 г. в виде приложения к программе университетских лекций под названием «Прибавление к Всеобщей истории гуннов, турков и монголов, содержащее в себе сокращенную историю владычества узбеков в Великой Бухаре» и проч. Оно встречено было самыми лестными отзывами в ученых европейских журналах. Сильвестр де Сасси посвятил ей статью, заключающуюся следующими словами: «Сочинение г. Сенковского показывает чрезвычайно обширные сведения автора в показах Азии, со включением даже Китайского...»⁶⁴ Еще в 1824 г. в издании фрагментов из «Тазкира-и Муким-хани» (XVIII в) О. И. Сенковский отметил некоторые лексические и грамматические особенности в языке этого произведения, свойственные таджикскому языку в отличие от персидского⁶⁵.

Несмотря на то, что преподавание восточных языков, в том числе таджикского и персидского, началось с момента открытия Петербургского университета, однако специальный факультет восточных языков отсутствовал. Восточные языки преподавались на историко-филологическом отделении философского факультета, а после упразднения его в 1850 г. — на историко-филологическом факультете. Естественно, такое положение не давало возможности для специализации широкого профиля восточных языков. Тем не менее, востоковедение в Петербургском университете с самого начала носило учебно-исследовательский характер. Профессор университета, обучая своих питомцев — воспитанников восточным языкам, одновременно вел научно-исследовательскую работу как в области языкознания, так и по истории народов Средней Азии, тем самым подготавливал себе преемников из числа

соотечественников. Примером тому может служить научно-методическая деятельность одного из первых выпускников Петербургского университета В. В. Григорьева (1816—1881).

В пятнадцатилетнем возрасте В. В. Григорьев в 1831 г. после хорошего домашнего образования поступил в Петербургский университет на историко-филологическое отделение философского факультета, избрав себе специальность восточные языки. По окончании университетского курса со степенью кандидата (1834 г.) поступил в Учебное отделение восточных языков при Министерстве иностранных дел, где полтора года практически усовершенствовал свое знание в языках⁶⁶. Еще в студенческие годы наставники обратили внимание на его глубокие знания по истории и языкам Востока. Поэтому, после пребывания в учебном отделении, по предложению С.—Петербургского учебного округа в мае 1836 г. Министерство народного просвещения для дальнейшего усовершенствования в восточных языках и с поручением преподавания персидского языка направила кандидата исторического профиля В. В. Григорьева в Петербургский университет, где официальным руководителем его был назначен ординарный профессор восточных языков О. И. Сенковский⁶⁷. В этот период сблизился он с Фреком, который оказал на него огромное влияние и в значительной степени определил его дальнейшее научное направление. После знакомства с Х. Д. Френом и получения его совета В. В. Григорьев начал смотреть на совершенствование знаний в восточных языках более шире, чем раньше. Он теперь не мог ограничиться лишь изучением восточных языков, не изучая историю, культуру, быт народов Востока. В понимании такого подхода к изучению восточных языков В. В. Григорьеву большую помощь оказал знаменитый Френ. «Настоящий случай даст нам желанную возможность засвидетельствовать сему славному академику,— писал В. В. Григорьев,— мою искреннюю и глубокую благодарность... за редкое участие, которое он оказывал и оказывает к занятиям моим по части изучения Востока»⁶⁸. Нет сомнения в том, что в данном случае он имел в виду изучение Востока именно в историческом направлении. Несмотря на свою молодость (ему тогда только исполнился 21 год) В. В. Григорьев являлся первым русским востоковедом, осознавшим необходимость изучения истории Востока (разумеется, прежде всего истории среднеазиатских народов) в Петербургском университете. И не только осознал необходимость преподавания истории Востока, но и поднимал вопрос об этом перед руководством университета, но, полу-

чив отказ, он вынужден был оставить столичный университет и выехать на периферию.

Так, в марте 1837 г. В. В. Григорьев представил в совет университета «Программу истории Востока» для чтения студентам, специализирующимся на восточных языках, с обоснованием необходимости и значения изучения ее в Петербургском университете⁶⁹. Подчеркивая значение Востока во всемирной истории и важность изучения истории Востока, В. В. Григорьев пишет, что история как наука в судьбе народа, человечества должна исследовать, как совершалось развитие человечества. История, означающая науку о жизни человечества, где она есть. Жизнь человечества на Востоке шла по тем же линиям, потому что там тоже история. Кроме того, говорит далее, история Востока заслуживает особенного внимания потому, что первая человеческая деятельность проявилась на Востоке⁷⁰. Одновременно с «Программой истории Востока» им была составлена «Записка об учреждении кафедры истории Востока на философском факультете Петербургского университета»⁷¹, которая была обнаружена нами в архиве. Была ли она тоже представлена в совет университета? Нам кажется нет, потому что в ответе ректора университета от 18 апреля 1837 г. В. В. Григорьеву речь идет только о программе и сборе источников по истории Востока. В связи с разногласием между Григорьевым и руководством по поводу введения чтения курса истории Востока, а также ликвидацией должности профессора, в 1837 г. перевели его в Одессу на должность профессора восточных языков в Ришельевском лицее, где он проработал до 1844 г. В том же году он вернулся в Петербург и поступил на работу в Министерство иностранных дел, а в 1851 г. был откомандирован в качестве чиновника особых поручений в распоряжение Оренбургского генерал-губернатора В. А. Перовского. В 1862 г. не поладил с генерал-губернатором Безаком и вышел в отставку, после чего вернулся в Петербург⁷².

За время отсутствия В. В. Григорьева в жизни Петербургского университета произошли относительно большие изменения, о которых говорил он еще в 1836 г. В 1850 г. с упразднением философского факультета был открыт историко-филологический факультет с отделением восточной словесности. В октябре 1854 г. был подписан указ о преобразовании отделения восточных наук в факультет, состоящий из 9 кафедр, в том числе кафедры персидского языка, 27 августа (8 сентября) 1855 г. в Петербургском университете состоялось торжественное открытие факультета восточных языков⁷³.

В результате слияния восточных отделений Петербургского и Казанского университетов в составе профессоров и преподавателей факультета восточных языков Петербургского университета оказались крупнейшие представители русского востоковедения. Вот почему, касаясь проведенной в 1854—1855 гг. реформы востоковедческого образования, В. В. Григорьев писал: «... устроилось в Петербургском университете то, чего нет еще ни в каком другом из университетов Европы и что в таком виде по праву только в России и должно было возникнуть»⁷⁴.

В последующее время все большее развитие получило университетское востоковедение. Увеличивается число дисциплин, по которым проводится специализация на факультете. С введением университетского устава 1863 г. факультет восточных языков пополнился кафедрами санскритской словесности и истории стран Востока⁷⁵. Следует напомнить, что выделение истории Востока в самостоятельную дисциплину в Петербургском университете произошло на полвека раньше, чем в Академии наук⁷⁶. Успехи факультета восточных языков за первые десятилетия неразрывно связаны с именем крупного знатока истории Востока, особенно истории народов Средней Азии В. В. Григорьева. После возвращения в Петербург, 4 ноября 1863 г., Совет С.—Петербургского университета присвоил В. В. Григорьеву учению степень доктора восточной словесности по арабско-персидско-турецко-татарскому разряду⁷⁷.

27 ноября 1863 г. приказом министра народного просвещения утвержден ординарным профессором только что открытой кафедры истории Востока, а 9 декабря 1863 г. был избран заведующим названной кафедры⁷⁸. Время заведования В. В. Григорьева кафедрой было самым трудным периодом, так как отсутствовали учебники и учебные пособия, трудно было найти специалистов-востоковедов для чтения истории стран Востока. Пришлось В. В. Григорьеву все делать самому. Вот почему в первые годы курс лекций истории Востока вел только Григорьев. Несмотря на многие трудности, В. В. Григорьев вел большую работу по дальнейшему расширению деятельности кафедры. Он возглавлял кафедру в течение 15 лет (1863—1878 гг.) и заложил прочную основу изучения истории народов Востока вообще, а истории народов Средней Азии в особенности. «В. В. Григорьев,— говорили его современники,— всю свою жизнь посвятил науке, в ней только находил отдых от разнообразных служебных обязанностей, возмущался, когда наукой прикрывались какие-либо посторонние цели, или когда происходила игра в науку. Все его

ученые работы отличаются необыкновенной добросовестностью и все они оставляют далеко за собою предшествующие, если таковые были»⁷⁹.

В первой половине XIX в. началась научно-педагогическая деятельность одного из первых крупных востоковедов Казана Андреевича Коссовича (1815—1883). Выйдя из бедной семьи белорусского священника он получил среднее образование в Витебской гимназии. Прекрасно окончил гимназию в 1832 г. и в том же году поступил на словесное отделение Московского университета, который окончил в августе 1836 г. со степенью кандидата словесных наук. Не получая назначения, он жил в Москве, давал уроки. С 1843 по 1849 г. преподавал греческий язык в гимназии⁸⁰. В 1849 г. оставил преподавание в гимназии и через год переехал в Петербург, где поступил на службу в Императорскую публичную библиотеку в качестве редактора ученых работ. Директор библиотеки М. А. Корф поручил ему заведование восточными книгами и рукописями⁸¹. Им был составлен каталог на две тысячи печатных восточных текстов и переводов, принадлежавших библиотеке. До последних дней своей жизни К. А. Коссович работал библиотекарем. Работу в библиотеке он совмещал с преподаванием санскритского языка студентам Петербургского университета и поддерживал связи с некоторыми востоковедами, в том числе с В. В. Григорьевым. Научную деятельность К. А. Коссович начал как эллинист, через него он пришел к изучению Востока. Он был и крупным семитологом. Однако, основное внимание уделял санскритологии, которой он посвятил лучшие годы своей творческой жизни. К. А. Коссович был не только санскритологом, но известен и как крупный иранист. Он занимался древним Ираном, изучая Авесту и надписи Ахеменидов, издал древнейшие памятники таджикского и персидского языков клинообразные надписи VI—IV вв. до н. э.⁸² Недаром В. В. Григорьев считал К. А. Коссовича первым в России исследователем арийской древности в старобактрийских и староперсидских памятниках.

К. А. Коссович показал себя крупным знатоком Зенд-Авесты. В 1857 г. он издал четыре статьи зендских памятников, которые были приняты за границей «с выражением живой признательности»⁸³. В России хотя не сразу было понятно значение этих памятников, но вскоре в журнале «Русский Вестник» была напечатана статья доктора Ястребцова под названием «Грустный литературный факт», в которой сочинение К. А. Коссовича названо «необыкновенным явлени-

ем в русской литературе»⁸⁴. Затем последовал ряд других работ востоковеда по Зенд-Авесте. В предисловии к изданию зендских текстов он обстоятельно изложил историю открытия и изучения «зендского» языка в Европе, определил значение этого языка в семье других индоевропейских языков. Воспользовавшись годовым пребыванием в Париже для изучения постановки преподавания сравнительного языкознания, принимал личное участие в издании зендских памятников и в конце 1865 г. К. А. Коссович издал статьи из «Зенд-Авесты». По справедливым словам крупного русского востоковеда В. В. Григорьева, К. А. Коссович представлял «... русский пример благородного труженика на пользу науки, который все обширные сведения свои приобрел не выезжая из России, приобретением их обязан исключительно самому себе, и приобретал их среди обстоятельств самых неблагоприятных, никогда не падая духом, никогда не позволяя себе усомниться в своем призвании и в торжестве твердой воли над равнодушием и людским недоброжелательством»⁸⁵.

Научную работу К. А. Коссович совмещал с педагогической деятельностью. Он первый начал в России преподавать древнеиранские языки: зендский (так в те же годы называли язык Авесты) и древнеперсидский. Как верно и справедливо писал исследователь его научно-педагогической деятельности А. С. Шофман «Свои востоковедческие знания он передавал молодежи, возбуждая в ней интерес к богатейшему культурному наследству восточных стран»⁸⁶. Сборник его статей служил единственным учебником для молодых востоковедов в Петербургском университете. Свою педагогическую деятельность он начал в 1854 г. с преподавания санскритского языка в Главном педагогическом институте. После долгих просьб и ходатайств К. А. Коссовича преподавание санскритского языка на факультете восточных языков Петербургского университета было введено только осенью 1858 г. и до 1861 г. он преподавал его бесплатно. Также по настоятельному требованию его санскритский язык был соединен с персидским в новый санскритско-персидский разряд. Когда разрабатывался университетский устав в 1863 г. К. А. Коссович вместе с В. В. Григорьевым подали в комиссию свои соображения относительно дальнейшего преподавания восточных языков. При этом они подчеркивали необходимость всестороннего изучения языков, историю литературы, религию, обычаев и законоведения народов Востока⁸⁷. В целом научно-педагогическая деятельность К. А. Коссовича по изучению

и обучению восточных языков, особенно таджикско-персидских языков получила высокое признание его современников.

Одной из важных особенностей развития иранского языковедения в Петербургском университете являлась непрерывность преподавания иранских языков на протяжении всего существования университета. В этом выражалось преимущество Петербургского университета по сравнению с другими университетами России. Как справедливо замечал советский востоковед, ныне покойный И. М. Оранский «Успешному развитию в Петербургском университете иранского языковедения, в том числе и науки об истории таджикского и персидского языков, благоприятствовало и то обстоятельство, что здесь изучались (в большей или меньшей степени) почти все современные (живые) и древние (мертвые) иранские языки⁸⁸.

Следует отметить, что интерес к раннему периоду развития персидского и таджикского языков проявился еще в 40-е годы XIX в. Об этом свидетельствуют темы, предложенные слушателям Петербургского университета «для соискания наград медалями и почетными отзывами». Так, в 1845—1846 гг. по кафедре Восточной словесности была предложена тема: «Определить характер и дух персидского языка в период самобытного его развития при Сасанидах на основании немногих сочинений, в коих сохранился первоначальный его вид, свойственный означенной эпохе, и показать перемены, происшедшие во внутреннем его составе от смещения с чужими ему формами арабского языка». В эти же годы ученик Ф. Ф. Шармуа и О. И. Сенковского П. С. Савельев занимался разбором пахлавийских легенд на монетах Табаристана и написал небольшие заметки об иранских древностях⁸⁹. Материалы таджикского героического эпоса («Авеста», «Шахнаме») были использованы также кандидатом Петербургского университета И. Зиновьевым, защитившим в 1855 г. диссертацию «Эпические сказания Ирана» на соискание ученой степени магистра восточной словесности.

Выбор подобных тем свидетельствует о том, что слушатели университета были знакомы с памятниками таджикского и персидского языков среднеиранского языкового периода, отчасти с Авестой. Нельзя не согласиться с предложением И. М. Оранского о том, что в то время еще были живы традиции Ф. Ф. Шармуа и влияние О. И. Сенковского, роль которого в изучении истории таджикского языка пока недостаточно выяснена. Ведь О. И. Сенковский был первым ученым, который обратил внимание на особенности персидского языка

среднеазиатских авторов и являлся в этом отношении предшественником В. В. Григорьева.

Впервые, наряду с современными, в 60-е годы XIX в. началось преподавание древних иранских языков: зендского и древнеперсидского профессором К. А. Коссовичем. Ему принадлежит и первое в истории русского дореволюционного востоковедения издание древнейших памятников таджикского и персидского языков — клинообразных надписей VI—IV в. до н. э. Вклад К. А. Коссовича в изучении древнеиранских языков был признан его современниками. Так, посвящая ему свою известную историческую работу «О скифском народе саках» В. В. Григорьев писал: «Каэтану Андреевичу Коссовичу первому в России исследователю арийской древности в ее старо-бактрийских и старо-персидских памятниках посвящает автор как дань глубокого уважения к его учености, талантам и характеру настоящий труд об одном из арийских народов древнего Востока»⁹⁰.

После смерти К. А. Коссовича древнеиранским, в том числе языком «Авесты» занимался его ученик Карл Германович Залеман (1849—1916), который в 1867 г. поступил на арабско-персидско-турецко-татарский разряд факультета восточных языков Петербургского университета. К. Т. Залеман был одновременно слушателем арабско-персидско-турецко-татарского и санскритско-персидского разряда, на котором читал лекции тогда профессор К. А. Коссович. Продолжая начатую его учителем работу по изучению древнеиранских языков, К. Г. Залеман в 1875—1876 гг. присоединил к ним «пахлавийский» (среднеперсидский) язык⁹¹. Дальнейшее изучение древних иранских языков в Петербургском университете было связано с именем К. Г. Залемана, научно-педагогическая деятельность которого относится ко второму периоду истории русского дореволюционного востоковедения, т. е. не к исследуемому нами периоду.

Итак, рассмотрев состояние изучения истории и языков народов Средней Азии в первый период русского дореволюционного востоковедения (с конца XVIII — до середины XIX вв.) в России, мы пришли к следующим выводам:

1. Оживление и дальнейшее развитие торгово-экономических и посольско-дипломатических отношений России со среднеазиатскими ханствами и заинтересованность ее в расширении торговых связей со странами Ближнего Востока, особенно с Ираном, Афганистаном и Индией настоятельно требовали изучения языков и истории народов Средней Азии в России.

2. Как свидетельствуют источники и труды русских дореволюционных востоковедов большой интерес в России появился к изучению таджикско-персидского языка. Это не было чисто случайным явлением, а историческая необходимость. Необходимость изучения таджикско-персидского языка в России определялась тем, что этот язык, начиная с VI в. являлся государственным языком не только в среднеазиатских государствах, но и также в Афганистане, Иране, частично, вторым государственным языком в Пакистане, Индии и Турции. Он также выполнял роль международного языка во многих странах Востока. Кроме того, на этом языке было написано большинство трудов ученых и произведений писателей не только Средней Азии, Афганистана и Ирана, но и других стран Востока и сведения о некоторых из них были уже получены в России.

3. Официальное признание важности изучения таджикско-персидского языка и первая попытка организации обучения его в России относятся к периоду правления Петра I (1689—1725). Свидетельством тому является начало изучения таджикско-персидского языка в государственном учреждении. Первое официальное учреждение, где началось изучение таджикского языка в России была Коллегия иностранных дел. Первым преподавателем таджикско-персидского, арабского и турецкого языков в Коллегии был крупнейший знаток восточных языков Г. Я. Кер (1692—1740), впервые приглашенный из Германии Петром I для изучения восточных монет и рукописей. Однако, преподавание названных языков в Коллегии проводилось только в годы нахождения востоковеда Г. Я. Кера в России (1724—1726 и 1732—1735 гг.) и после его отъезда прекратилось на долгие годы.

4. Хотя официальное преподавание восточных языков, в том числе таджикско-персидского языка в Московском, Казанском и Харьковском университетах начинается после принятия университетского устава (5 ноября 1804 г.) и учреждения кафедр восточных языков, однако проведение частных уроков по таджикско-персидскому языку желающим со стороны профессоров и преподавателей началось гораздо раньше, примерно с конца XVIII века.

5. Из-за отсутствия отечественных востоковедов в начальный период изучение восточных языков в высших учебных заведениях и Академии наук России (до начала 30-х гг. XIX в.) первыми преподавателями таджикско-персидского, арабского и турецкого языков являлись приглашенные иностранные востоковеды (Г. Я. Кер, Х. Д. Френ, Ф. Ф. Шармуа,

Ж. Ф. Деманж, О. И. Сенковский, Ф. Эрдман и др.). Они же являлись наставниками первых русских востоковедов: А. В. Болдырева, П. Я. Петрова, К. А. Коссовича, П. С. Савельева, Н. В. Ханыкова, В. В. Григорьева, В. В. Вельяминова-Зернова и др., которые продолжали лучшие традиции своих иностранных учителей и славили своими трудами отечественное востоковедение.

6. Изучение истории и языков среднеазиатских народов в России с конца XVIII в. до середины 30-х гг. XIX в. носило чисто практический характер во всех высших и средних специальных учебных заведениях. Таким же оно продолжало оставаться и во втором периоде русского дореволюционного востоковедения, т. е. после присоединения Средней Азии к России в Московском Лазаревском институте восточных языков, в Восточном институте во Владивостоке, в Практической Восточной Академии, в учебном отделении восточных языков при первом департаменте Министерства иностранных дел и во всех средних и специальных учебных заведениях и различных курсах по изучению восточных языков.

7. Начиная с середины 30-х гг. XIX в. изучение истории и языков народов Средней Азии, особенно таджикско-персидского языка, все больше и больше принимало научно-методический и научно-исследовательский характер, в которых воспитывались и подготавливались первые отечественные востоковеды, заменявшие своих иностранных наставников.

8. Начиная с середины XIX в., со времени открытия факультета восточных языков, Петербургский университет стал главным центром академического и практического русского востоковедения. Факультет восточных языков в Петербургском университете превратился в единственный в России ведущий и основной центр подготовки русских отечественных ориенталистов широкого профиля и научно-исследовательской работы востоковедческого направления.

9. Официальное преподавание истории Востока, особенно истории народов Средней Азии, проводилось в единственном высшем учебном заведении России — в Петербургском университете, на факультете восточных языков, и то после открытия кафедры истории Востока (с 1863 г.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Русская дореволюционная историография таджиков и Таджикистана показывает, что важнейшими предпосылками формирования и становления русского дореволюционного востоковедения являлись русско-среднеазиатские торгово-экономические и посольско-дипломатические связи, истоки которых уходят далеко в прошлое. В процессе русско-среднеазиатских связей происходило взаимное знакомство русского и народов Средней Азии, началось поступление, накопление и сбор исторических сведений и источников в России о народах Средней Азии, появился интерес русской интеллигенции к их изучению и осмыслению. Следует отметить, что сбору и накоплению исторических сведений, восточных рукописей, памятников материальной культуры и произведений среднеазиатских историков, поэтов и писателей в России в значительной степени, особенно в предшествующие века и в первый период русского дореволюционного востоковедения, как ни странно, содействовали, разумеется, более дальновидные правящие круги России и среднеазиатских ханств, осознавшие выгоду развития и расширения взаимных торговых сношений. Об этом свидетельствует то, что правящие круги организовывали отправку торговых караванов, купцов и послов, снабжали их необходимыми средствами, специальными инструкциями и нередко охраной, принимали послов и купцов из Средней Азии и подвергали их обстоятельному опросу с целью получения более подробных сведений о состоянии торговли, внутренней экономической, политической и культурной жизни среднеазиатских ханств. Правящие круги России выступили также в качестве инициаторов и организаторов создания необходимых условий для хранения, приведения в порядок и изучения собранных восточных рукописей, памятников материальной культуры народов Средней Азии. Так, еще задолго до формирования и становления русского дореволюционного востоковедения как специальной отрасли научных знаний, Петр I, дальновидный дипломат, осознав

важность собранных восточных рукописей и памятников материальной культуры, в 1714 г. основал первое государственное учреждение — Кунсткамеру в своей новой столице г. Петербурге. Для их изучения он пригласил из г. Лейпцига Г. Я. Кера — одного из лучших знатоков восточных языков (арабского, таджикско-персидского и турецкого). Ко времени Петра I относится и начало преподавания восточных языков, в том числе таджикско-персидского в официальном учреждении — Коллегии Иностранных дел.

Изучение истории русского дореволюционного востоковедения убедило нас в том, что оно формировалось и сложилось не на пустом месте, ему предшествовал длительный период, в течение которого создавались необходимые предпосылки и проводилась хотя медленная, но весьма большая предварительная, подготовительная работа. Из всех собранных и накопленных источников и сведений, восточных рукописей и памятников материальной культуры народов Востока в России большее число относилось к среднеазиатским народам и оно сыграло важную роль в формировании и сложении русского дореволюционного востоковедения. Формирование русского востоковедения происходило в конце XVIII — начале XIX в., когда продолжался еще сбор и накопление исторических сведений и восточных рукописей, началось изучение и накопление этих материалов и на основе их русскими востоковедами создавались свои первые научные труды о Средней Азии.

Одна из особенностей русского дореволюционного востоковедения заключалась в сближении и переплетении цели и направления его с внешней политикой царской России в Средней Азии. Однако, это не означало полное совпадение научных интересов русских востоковедов с завоевательской политикой русского царизма по отношению к среднеазиатским народам и не все русские востоковеды были солидарны с этой политикой и поддерживали ее. Нам кажется, что каждый из них преследовал свою собственную цель, ради которой нуждались в помощи и поддержке, во взаимном покровительстве и оправдании. Именно в этом выражалось, на наш взгляд, сближение и переплетение целей и направлений русского дореволюционного востоковедения и внешней политики русского царизма в Средней Азии.

Так как в первый период русского востоковедения (конец XVIII — середина XIX вв., т. е. до присоединения Средней Азии к России) главное направление его исследования определили интересы внешней политики России, русские востоко-

веды прежде всего начали заниматься историей, этнографией и археологией тюрко-монгольских народностей, с которыми Россия политически была связана с XIII в. Поэтому в начале среди русских востоковедов преимущество принадлежало тюрко-монголоведам. Но это отнюдь не означало, что русские востоковеды не интересовались народами Средней Азии. Свидетельством тому является то, что наряду с арабским и турецкими языками с самого начала в России началось обучение и преподавание таджикско-персидского языка, которое постоянно занимало центральное место при изучении восточных языков во всех высших и средних специальных учебных заведениях России.

Богатая таджикско-персидская литература и поэзия, восточные рукописи и труды среднеазиатских авторов, написанные на этом языке, со временем все больше и больше привлекали к себе внимание русских востоковедов. Доказательством может служить тот факт, что немало арабистов, тюркологов, монголоведов, индиоведов начало специализироваться по таджикско-персидским и древнеиранским языкам, по таджикско-персидской поэзии и литературе. Кроме того, если другие восточные языки были и оставались предметами изучения в высших и специальных учебных заведениях России, то таджикско-персидский и древнеиранский языки не только первыми официально преподавались в вузах, специальных школах и училищах, на частных уроках, но и также, начиная с середины 30-х гг. XIX в. стали объектом специального исследования русских востоковедов. К 30—40 гг. уже четко определилось главное направление научных исследований по истории таджикско-персидского и древнеиранского языков и к концу первого периода русского дореволюционного востоковедения были достигнуты определенные успехи. Разумеется, результаты научных исследований русских востоковедов в области истории упомянутых языков по сравнению со вторым периодом русского востоковедения были бесспорно незначительными. Но то, что было достигнуто русскими востоковедами, получило всемирное признание научной общественности.

Официальное преподавание и изучение истории народов Средней Азии началось в Петербургском университете после открытия кафедры истории Востока на факультете восточных языков (1863 г.). Однако, это не означает, что ранее историей среднеазиатских народов не интересовались в России и она вовсе не изучалась в других высших и специальных учебных заведениях. Как показала русская дореволюционная историография таджиков и Таджикистана, история народов

Средней Азии, с которой Россия имела давнюю связь, начала интересоваться русскую научную общественность с поступлением и накоплением первых исторических сведений и находкой памятников материальной культуры в различных районах России. Нам кажется, не будет ошибочным, если утверждать, что изучение истории народов Средней Азии, в том числе таджиков по поступившим историческим источникам и восточным рукописям в России началось еще до формирования русского востоковедения и значительно расширилось в первой половине XIX в. Кроме того, еще до открытия кафедры истории Востока, в процессе преподавания языков народов Средней Азии в высших и средних специальных учебных заведениях России преподавалась и их история. Так, например, в процессе изучения таджикско-персидского языка в качестве книги чтения на практических занятиях преподавателями использовались не только произведения таджикско-персидских классиков (Фирдоуси, Хафиза Шерози, Саади, А. Джами и т. д., но и исторические труды среднеазиатских авторов (сочинения Мухамеда-Юсуф-Мунши «Таърихи Муким-хони», Гиясиддина Хамадони (Хондемира) «Таърихи мугулхо», Мухаммада Хайдара «Таърихи Рашиди», Хафиза Таниша «Абдулла-намэ» и др.). Так, например, из проектов преподавания восточных языков в Петербургском университете на 1824 г. нам стало известно, что адъюнкт—профессор персидской словесности Мирзо Джафар Топчибашев наряду с другими историческими источниками и пособиями со студентами переводил избранные места из «Тазкира-и Муким-хони» Мухаммада Юсуфа и «Таърихи Восифи». Несмотря на трудности и неблагоприятные условия и ограниченность возможности в первом периоде русского дореволюционного востоковедения, русские востоковеды многое успели сделать как в сборе и накоплении исторических источников и восточных рукописей, так и в изучении и в освещении отдельных вопросов истории среднеазиатских народов, в том числе и таджикского народа. Они внесли большой вклад в становлении таджиковедения в русском востоковедении и положили крепкую основу всестороннему изучению и научному освещению таджикско-персидских и иранских языков, истории и культуры таджиков и Таджикистана во второй половине XIX—начале XX вв. Поэтому русские дореволюционные востоковеды по справедливому общему признанию научной общественности считаются первыми научными исследователями истории, языка, культуры таджиков и других народов Таджикистана.

Историографический анализ трудов русских дореволюционных востоковедов наглядно показывает, что в течение пер-

вого периода русского дореволюционного востоковедения (т. е. до присоединения Средней Азии к России) произошел качественный перелом как в изучении и преподавании таджикско-персидского языка и истории среднеазиатских народов в высших и специальных учебных заведениях России, так и в постановке научно-исследовательской деятельности первых русских исследователей Средней Азии, в том числе дореволюционного Таджикистана. Первоначально изучение и преподавание восточных языков имело исключительно практическое значение, т. е. подготовка переводчиков, необходимых для работы в различных ведомствах министерства иностранных дел и военных дел, а также в пограничные районы и в составе посольств, отправляемых в страны Востока, чаще всего в среднеазиатские ханства. Такое направление преподавания восточных языков прежде всего определялось внешнеполитическими интересами. Именно, преследуя такую цель, правящие круги России выступили организаторами преподавания восточных языков в официальных учебных заведениях. Практическим обучением восточных языков ограничивалась и деятельность преподавателей. Постоянно по мере умножения восточных рукописей, произведений среднеазиатских писателей и поэтов, особенно таджикско-персидских классиков в Восточном кабинете Академии наук и в библиотеках учебных заведений, повышения интереса научной общественности России к ним, изучение и преподавание восточных языков принимало все больше академический, научный характер в Московском, Казанском и Петербургском университетах. Преподаватели и профессора теперь прежде всего стремились подготовить знатоков восточных языков, способных вести исследовательскую работу по истории, литературе, поэзии и культуре народов Востока. Кроме того, сами они начали заниматься научными исследованиями по избранным специальностям. Благодаря усердной работе первых профессоров и академиков Академии наук Московского, Казанского и Петербургского университетов, большинство из которых составляли приглашенные иностранные востоковеды (Х. Д. Френ, О. И. Сенковский, Ф. Ф. Шармуа, Ж. Ф. Деманж, Я. И. Шмидт, Б. А. Эрдман и др.), были подготовлены первые русские востоковеды, восславляющие своим трудом отечественное востоковедение. Среди них почетное место занимали исследователи Средней Азии П. С. Савельев, Н. В. Ханыков, В. В. Григорьев, В. В. Вельяминов-Зернов, А. В. Болдырев, П. Я. Петров и др.

Значительно повысился качественный уровень научных трудов русских востоковедов. Первые научные работы о Сред-

ней Азии были написаны на основе сведений западноевропейских путешественников, памятников материальной культуры (монет, найденных на территории России и прибалтийских стран) и отрывочных сведений, собранных путем опроса у побывавших в Средней Азии русских купцов и послов, у прибывших в Россию среднеазиатских купцов, которые не всегда оказывались верными и относились к более поздним временам. Поэтому в них нашло свое отражение только тогдашнее положение Средней Азии. Хорошее знание восточных языков, особенно таджикско-персидского, позволило русским востоковедам обстоятельно ознакомиться с восточными рукописями и сочинениями среднеазиатских авторов и на основе их и других источников, начиная с конца 30-х—начала 40-х гг. XIX в. приступить к написанию монографических трудов по истории народов Средней Азии. Русские востоковеды первого периода успели внести заметный вклад в сбор, изучение, перевод и издание восточных рукописей и трудов среднеазиатских авторов и сделать их доступными для научной общественности не только России, но и Западной Европы. В этом важном деле первооткрывателями явились востоковеды П. С. Савельев, В. В. Григорьев и В. В. Вельяминов-Зернов.

Изучив труды русских дореволюционных востоковедов и ознакомившись с их научно-педагогической деятельностью, я пришел к выводу, что для большинства из них были характерны такие качества, как невероятное трудолюбие, глубокое знание множества языков, беспредельная преданность науке, научная добросовестность, высокий уровень культуры, простота и доброжелательность, уважение к традициям, обычаям народов, изучению которых они посвятили себя.

Итак, подводя итоги историографических исследований Таджикистана, следует отметить, что проведена большая работа по изучению трудов русских дореволюционных исследователей истории таджиков и Таджикистана и достигнуты значительные успехи. Однако это отнюдь не означает, что все научные исследования русских дореволюционных исследователей, относящихся к таджикам и Таджикистану полностью изучены и все задачи решены. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что изучение русской дореволюционной историографии Таджикистана не исчерпывается уже приведенными работами, оно пока далеко от завершения и перед нами стоит немало нерешенных проблем. Попытаемся наметить некоторые из них, являющиеся, на наш взгляд, более важными для освещения истории народов Средней Азии вообще, а таджиков и Таджикистана в особенности.

1. Очень важно усилиями коллективных авторов комплексное изучение трудов русских дореволюционных исследователей по проблемам, для чего сперва необходим всесторонний историографический анализ всех научных трудов отдельных исследователей с учетом их научно-методической и педагогической деятельности в различных учебных заведениях России. Это позволяет объективно оценить достоинство научных трудов каждого востоковеда, определить и показать его личный вклад как в освещение конкретных вопросов истории среднеазиатских народов, так и в подготовке востоковедов-специалистов по Средней Азии.

2. Мало пока изучено рукописное наследие русских дореволюционных исследователей, содержащихся в различных архивах страны, особенно в Архиве востоковедов Ленинградского отделения Института Востоковедения АН СССР, а также рукописных отделах библиотек гг. Москвы, Ленинграда, Ташкента, Казани, Оренбурга, Баку и пр.

3. Недостаточно выявлено и показано участие дореволюционных исследователей в сборе, изучении, переводе и издании восточных рукописей и трудов среднеазиатских авторов, служащих им ценнейшим историческим источником при написании научных трудов. Выполнение этой задачи было и будет сопряжено со многими трудностями, преодоление которых требует от исследователей много усилий и затраты времени. Одной из трудностей является то, что восточные рукописи и труды среднеазиатских авторов содержатся в различных хранилищах многочисленных научно-исследовательских учреждений и не везде пока приведены в образцовый порядок.

4. И, наконец, на современном этапе в связи с осложнением межнациональных отношений, важное значение приобретает углубленное изучение исторических источников, трудов среднеазиатских авторов, русских дореволюционных исследователей, вложивших огромный вклад в освещение истории взаимоотношений среднеазиатских народов. Изучение их следовало бы осуществить совместными усилиями ученых не одной, а всех республик Средней Азии и Казахстана, история которых издавна была и остается взаимосвязанной. В этом направлении немаловажную роль могло бы сыграть также проведение совместных научных конференций, симпозиумов, дискуссий и обсуждений спорных вопросов, возникших в процессе научных исследований между учеными.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

¹ Маркс К. Энгельс Ф. Избранные произведения в трех томах.—М.: Политиздат, 1985.—Т. I.—С. 5.

² Гафуров Б. Глубже изучать богатое историческое прошлое таджикского народа//Тр. Тадж. филиала АН СССР. Наука в Таджикистане. XV лет Таджикской ССР.—Сталинабад, 1945.—Т. XXI.—С. 20.

³ Горбачев М. С. Избранные речи и статьи.—М.: Политиздат, 1987.—Т. 3.—С. 236.

⁴ Ленин В. И. Задачи союзов молодежи//Полн. собр. соч.—Т. 41.—С. 304—305.

⁵ Там же.—С. 337.

⁶ Акрамов Н. М. Выдающийся русский востоковед В. В. Бартольд. Научно-биографический очерк.—Душанбе: Издательство АН Тадж. ССР, 1963; Иван Павлович Минаев. Сборник статей.—М.: Наука, 1967; Литвинский Б. А., Акрамов Н. М. Александр Александрович Семенов. (Научно-биографический очерк).—М.: Наука, 1971; Акрамова Х. Ф., Акрамов Н. М. Востоковед Михаил Степанович Андреев.—Душанбе: Ирфон, 1973; Андрей Евгеньевич Снесарев (Жизнь и научная деятельность).—М. Наука, 1973; Халфин Н. А., Рассадина Е. Ф. Н. В. Ханыков — востоковед и дипломат.—М.: Наука, 1977.

⁷ Шесть сборников «Очерков по истории русского востоковедения». (М., 1953—1963); пять томов «Очерков истории исторической науки в СССР» (М., 1955—1966); Лазаревский институт восточных языков.—М., 1973 и др.

⁸ Кононов А. Н. Некоторые вопросы изучения истории отечественного востоковедения.—М., 1960.—С. 21.

⁹ Очерки по истории русского востоковедения.—М.: Из-во АН СССР, 1953.—С. 7—22.

¹⁰ Очерки по истории русского востоковедения. Сбор. II.—М.: Изд-во АН СССР, 1956.—С. 419—448.

¹¹ Там же.—С. 449—468.

¹² Там же.—С. 469—509.

¹³ Очерки по истории русского востоковедения. Сбор. VIII.—М.: Из-во ВЛ, 1960.—С. 147—165.

¹⁴ Очерки по истории русского востоковедения. Сбор. IV.—М.: Изд-во ВЛ, 1952.—С. 137—152.

¹⁵ Очерки по истории русского востоковедения. Сбор. VI.—М.: Изд-во ВЛ, 1963.—С. 270—301.

¹⁶ Очерки истории исторической науки в СССР.—М.: Изд-во АН СССР, 1955.—1966.—Т. I—V.

¹⁷ Очерки истории исторической науки в СССР.—М.: Изд-во АН СССР, 1955.—Т. I.—С. 20—24.

¹⁸ Там же.—С. 41—46.

¹⁹ Там же.—С. 153—165.

²⁰ Там же.—С. 266—268.

21. Там же.— С. 268—270.
22. Там же.— С. 643—645.
23. Там же.— С. 245—247.
24. Ученые записки исторического факультета Таджикского госуниверситета.— Сталинабад, 1955.— Т. VII.— С. 47—66.
25. Очерки истории исторической науки в СССР.— М.: Изд-во АН СССР, 1960.— Т. II.— С. 789—797; 807—808.
26. Очерки истории исторической науки в СССР.— М.: Изд-во АН СССР, 1963.— Т. III.— С. 727—737; 747—751.
27. **Лунин Б. В.** Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895—1917 гг.).— Ташкент, 1958; Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность (конец XIX—начало XX вв.).— Ташкент, 1962; Из истории первого высшего востоковедческого учебного заведения в Средней Азии//Очерки по истории русского востоковедения.— М., 1963.— Сбор. VI.— С. 302—346; Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении.— Ташкент, 1965; Историография общественных наук в Узбекистане. Библиографические очерки.— Ташкент: Фан, 1974; Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения.— Ташкент: Фан, 1979 и др.
28. **Лунин Б. В.** Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении.— С. 25.
29. Там же.— С. 69—96.
30. **Арапов Д. Ю.** Бухарское ханство в русской востоковедческой историографии.— М., 1981.— 127 с.
31. **Мейендорф Е. К.** Путешествие из Оренбурга в Бухару.— М.: Наука, 1975.
32. **Ханыков Н. В.** Описание Бухарского ханства.— Спб., 1843.
- 32а. **Масов Р. М.** Историография решения аграрного вопроса в Таджикистане//Таджикистан в братской семье народов СССР. Сб. статей.— Душанбе: Дониш, 1972.— С. 77—90; Исследование истории победы Великой Октябрьской социалистической революции и упрочение Советской власти в северных районах Таджикистана //Таджикистан в братской семье народов СССР. Сб. статей.— Душанбе: Дониш, 1974.— Вып. II—С. 15—23; Таджикистан в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.).— Душанбе: Дониш, 1975.— С. 21—36; История исторической науки и историография социалистического строительства в Таджикистане.— Душанбе: Дониш, 1988 и др.
33. **Акрамов Н. М.** Выдающийся русский востоковед В. В. Бартольд. Научно-биографический очерк.— Душанбе: Изд-во АН Тадж. ССР, 1963; Литвинский Б. А., Акрамов Н. М. А. А. Семенов. Научно-биографический очерк.— М., 1971; Акрамов Н. М. Из неопубликованных писем А. А. Семенова В. В. Бартольду //Учен. зап. кафедры истории СССР Душанбин. пед. ин-та.— Душанбе, 1970.— Т. 66.— С. 71—92; Он же. Вопросы истории археологии и этнографии народов Памира и припамирья //Учен. зап. кафедры истории СССР Душанбин. пед. ин-та.— Душанбе, 1974.— Т. 95.— С. 37—47; Русские исследователи и их вклад в изучение истории, археологии и этнографии народов Памира и припамирья: Автореф. дис... докт. ист. наук.— Душанбе—Москва, 1975 и др.
34. **Искандаров Б. И.** Из истории дореволюционного Таджикистана.— Душанбе: Дониш, 1974.— С. 5—26.
35. **Акрамова К. Ф., Акрамов Н. М.** Востоковед Михаил Степанович Андреев.— Душанбе: Ирфон, 1973.
36. **Шукуров М. Р.** Дореволюционные русские исследователи страны таджиков //Из истории культурного строительства в Таджикистане. Сбор.

статей.— Душанбе, 1973.— С. 3—24; Пирумшоев Х. Историко-географические сведения о городе Бальджуане в работах русских дореволюционных авторов // Учен. зап. кафедры истории СССР Душанбин. пед. ин-та.— Душанбе, 1974.— С. 72—86. Т. 95; Он же. Дореволюционные русские исследователи о социальной и административной жизни городов Восточной Бухары конца XIX—начала XX вв.— Деп. в ТаджикиНТИ.— Душанбе, 1977.— № 18; Он же. Отражение истории городов и городской жизни Восточной Бухары конца XIX—начала XX вв. в трудах русских исследователей. Автореф. дис... канд. ист. наук.— Ташкент, 1979.— 20 с.; Он же. Историко-географические сведения о Калай-Хумбе в трудах русских дореволюционных исследователей // Теоретический сборник научных трудов членов кафедры истории СССР и всеобщей истории Душанбин. пед. ин-та.— Деп. в ТаджикиНТИ.— Душанбе, 1980.— № 77; Он же. Историко-географические очерки городов Восточной Бухары (по трудам русских дореволюционных исследователей) // Тематический сборник кафедры истории СССР. Душанбин. пед. ин-та.— Деп. в ТаджикиНТИ.— Душанбе, 1981.— № 145; Наврузов Т. С.— О поездке Г. А. Арендаренко в Каратегин и Дарваз // Материалы по истории и истории культуры Таджикистана.— Душанбе: Дониш, 1981.— С. 239—243; Он же. Вклад русских исследователей в дело изучения истории Восточной Бухары.— Деп. в ТаджикиНТИ.— Душанбе, 1982.— № 2; Он же. Социально-экономическая и культурная жизнь Восточной Бухары второй половины XIX—начала XX века (по материалам русских исследователей Н. А. Маева, Г. А. Арендаренко и В. И. Покотило). Автореф. дис... канд. истор. наук.— Душанбе, 1986.— 22 с.; Давлятбеков Н. Вклад русских исследователей в изучении религии и верования населения Памира. Автореф. дис... канд. историч. наук.— Душанбе, 1986.— 24 с.; Масов Р. М. Освещение истории таджикского народа в трудах русских ученых // Масов Р. М. История исторической науки и историографии социалистического строительства в Таджикистане.— Душанбе: Дониш 1988.— С. 38—51; Дубовицкий В. В. Деятельность Туркестанского отдела Русского географического общества по изучению территории Таджикистана (1897—1917). Автореф. дис... канд. историч. наук.— Душанбе, 1989.— 29 с.

³⁷ Бокиев О. Б. Вопрос о формах землевладения на территории Таджикистана в освещении русских востоковедов (1866—1917 гг.) // Изв. отд. общ. наук АН Тадж. ССР, Душанбе, 1967.— № 4 (50).— С. 78—85; Торговля на территории Таджикистана в освещении русской дореволюционной периодической печати // Сбор. статей аспирантов ТГУ им. В. И. Ленина.— Душанбе, 1968.— С. 116—132; Социально-экономический строй Таджикистана во второй половине XIX века в русской дореволюционной исторической литературе: Дис... канд. ист. наук.— Л., 1969.— 444 с; Освещение истории Таджикистана в трудах русских дореволюционных востоковедов // Из истории культурного строительства в Таджикистане (сбор. статей).— Душанбе, 1970.— Вып. II.— С. 136—161; Земельный вопрос в освещении русских дореволюционных востоковедов // Учен. зап. ист. ф-та ТГУ им. В. И. Ленина.— Душанбе, 1973.— Вып. I.— С. 42—63; Социально-экономическое положение Таджикистана в русской дореволюционной историографии.— Душанбе: Ирфон.— 1976.— 150 с.; О вкладе А. А. Семенова в изучении истории Памира // Памир.— 1982.— № 9.— С. 66—69; Истоки братской дружбы таджикского и русского народов // Коммунист Таджикистана.— 1985.— № 7.— С. 60—67; Русские исследователи Таджикистана.— Душанбе, 1986.— 22 с.; Изучение языков и истории народов Средней Азии в дореволюционной России // Горизонты науки.— Душанбе, 1988.— № 1.— С. 39—45 и др.

ГЛАВА I.

¹. Искандаров Б. И. Из истории взаимоотношений народов Средней Азии с Россией //Таджикистан в братской семье народов СССР. Сборник статей.— Душанбе: Дониш, 1972.— С. 5—6.

². МСТК.— Спб., 1873.— Вып. II.— С. 544.

³. Чайковский А. Туркестан и его река по Библии и Геродоту.— Б. М., 1884.— С. 9.

⁴. Пособие к лекциям по истории Востока, составленное студентами факультета восточных языков.— Спб., 1901.— Ч. 1.— С. 13.

⁵. А-цъ. Древний торговый путь в Среднюю Азию //МСТК.— Спб., 1873.— Вып. II.— С. 544—545.

⁶. Бартольд В. В. Кавказ, Туркестан и Волга //ИКИАИ.— Тифлис, 1926.— Т. IV.— С. 2.

⁷. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских.— Спб., 1870.— С. 6.

⁸. Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана.— Л., 1927.— С. 15—17.

⁹. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских.— С. 44—58.

¹⁰. Там же.— С. 49.

¹¹. Новое мусульманское известие о русских. Извлечение из сочинения Мухаммеда-альАуфи «Сборника анекдотов и собрания блестящих рассказов». Перевод В. В. Бартольда //Отд. оттиск из ЗВОИРАО.— Спб. 1903.— С. 262—267.

¹². Там же.— С. 263—269.

¹³. Соловьев С. М. История России.— М., 1980.— Т. I.— Кн. 1.— С. 169.

¹⁴. Летопись по Лаврентьевскому списку.— Спб., 1872.— С. 104.

¹⁵. Савельев П. С. О важности изучения восточной нумизматики и археологии в России.— Спб., 1847.— 14 с.

¹⁶. Григорьев В. В. Россия и Азия.— Спб., 1876.— С. 107—169.

¹⁷. Вельяминов-Зернов В. В. Исторические известия о Кокандском ханстве, от Мухаммеда-Али до Худояр-хана.— Спб., 1856.— С. 1—2.

¹⁸. Савельев П. С. О важности изучения восточной нумизматики и археологии в России.— С. 6.

¹⁹. Григорьев В. В. Россия и Азия.— С. 149—169.

²⁰. Там же.

²¹. Искандаров Б. И. Из истории взаимоотношений народов Средней Азии с Россией //Таджикистан в братской семье народов СССР. Сб. статей.— Душанбе: Дониш, 1972.— С. 7.

²². Якубовский А. Ю. Феодалное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв. //Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР.— Л., 1932.— Вып. 3.— С. 6.

²³. Григорьев В. В. Россия и Азия.— С. 149.

²⁴. МСТК.— Спб., 1873.— Вып. II.— С. 545—546.

²⁵. Бартольд В. В. Кавказ, Туркестан и Волга //ИКИАИ.— Тифлис, 1926.— Т. IV.— С. 7.

²⁶. История народов Узбекистана.— Ташкент, 1947.— Т. 2.— С. 43.

²⁷. Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? //Полн. собр. соч.— Т. 2.— С. 153—154.

²⁸. Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России.— Л., 1925.— С. 176.

²⁹. Савельев П. С. Бухара в 1835 году.— Спб., 1836.— С. 14—16; Долинский В. Об отношениях России к среднеазиатским владениям и об устройстве Киргизской степи.— Спб., 1865.— 55 с.; Макшеев А. И. Степ-

ные походы.—СПб., 1856.—С. 3—5; Он же. Военно-стратегическое обозрение Российской империи.—СПб., 1867.—С. 10—25; Он же. Гегорафические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае.—СПб. 1868.—С. 7—19; Костенко Л. Ф. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности.—СПб., 1870.—С. 89—109; А-ць. Древний торговый путь в Среднюю Азию //МСТК.—СПб., 1873.—Вып. II.—С. 347—348; Пособия к лекциям по истории Востока.—СПб., 1901.—ч. I.—С. 35—36; Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России.—СПб., 1911.—С. 211—233.

³⁰. Попов А. Н. Сношения России с Хивой и Бухарой при Петре Великом //ИИРГО.—СПб., 1853.—Кн. IX.—С. 319—324; Небольсин П. И. Очерки торговли России со странами Средней Азии—Хивой, Бухарой и Кокандом (со стороны Оренбургской линии) //ЗИРГО.—СПб., 1856.—Кн. X; Веселовский Н. И. Прием в России и отпуск среднеазиатских послов в XVI—XVII столетиях.—СПб., 1884.—40 с.; Он же. Иван Данилович Хохлов //ЖМНП.—СПб., 1891.—Январь.—С. 48—72; Россель Ю. Среднеазиатская культура и наша политика на Востоке //Вестник Европы.—СПб., 1878.—Кн. 6.—С. 578—610; 117—158; Шепелев А. Очерк военных и дипломатических сношений России до начала XIX в. //Средняя Азия.—Ташкент, 1859.—С. 1—57; Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие //ТОРО.—СПб., 1915.—№ 2.

³¹. Бартольд В. В. Кавказ, Туркестан и Волга //ИКИАИ.—Тифлис, 1926.—Т. IV.—С. 7—9; Панков А. В. К истории торговли Средней Азии с Россией XVI—XVII вв.—Ташкент, 1972.—С. 20—47; Якубовский А. Ю. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв. //Материалы по истории Узбекской, Такжикской и Туркменской ССР.—Л., 1932.—Вып. 3.—Ч. I.—С. 1—6; Дьяконов М. А. Путешествие в Среднюю азию от древнейших времен до наших дней.—Л., 1832.—61 с.; Абдураимов М. А. Первый русский купеческий караван в Ташкент (1738—1739 гг.) //ИАУЗССР, Ташкент, 1955.—№ 16; Фихнер М. В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в.—М., 1956; Иванов П. П. Очерки по истории Средней Азии.—М., 1958; Юлдашев М. Ю. Посольские сношения Бухары с Россией в XVI—XVII вв.—Ташкент, 1957; Он же. Некоторые документальные данные о связях Средней Азии с Россией (XVI—XVII вв.) //ИАУЗССР (серия обществен. наук).—Ташкент, 1958.—№ 4; Он же. К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией в XVI—XVII вв.—Ташкент: Наука, 1964.—123 с.; Ходжаев Э. И. Из истории экономических взаимоотношений Ташкента с Россией (конец XVIII—начало XIX вв.) //ОНУ.—Ташкент, 1961.—№ 3.—С. 45—51; Рожкова М. К. Экономические связи России со Средней Азией (40—60 гг. XIX в.).—М., 1963; Бойкова Н. Б. Роль Средней Азии в русско-индийских торговых связях.—Ташкент: Наука, 1964.—191 с.; Джамолов К. К истории торговых отношений Средней Азии с Россией до XVII в. //ИООН АН Тадж ССР.—Душанбе, 1964.—№ 12(40).—С. 20—28; Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии.—М.: Наука, 1974.—С. 10—27; Михалева Г. А. Торговые и посольские связи России со среднеазиатскими ханствами через Оренбург (вторая половина XVIII—первая половина XIX в.).—Ташкент: Фан, 1982.—92 с.; Шпалтаков В. П. Среднеазиатские торговые люди в Сибири в XVIII—XIX вв. //Торговля городов Сибири конца XVI—начала XX вв. Сбор. науч. статей.—Новосибирск, 1987.—С. 215—224; Волков О. Я. Бухарцы и их торговля в Западной Сибири в XVII в. //Торговля городов Сибири конца XVI—начала XX вв. Сбор. научн. стат.—Новосибирск, 1987.—С. 176—214 и др.

- ³². МСТК.—СПб.—1873.—Вып. II.—344—347.
- ³³. Там же.—С. 345.
- ³⁴. Дженкинсон А. Путешествие в Среднюю Азию в 1558—1560 гг.//Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.—Л., 1937.—С. 167—192.
- ³⁵. Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие.—СПб., 1915.—С. 3.
- ³⁶. Костамаров Н. Очерки торговли Московского государства в XVI—XVII вв.—СПб., 1863.—Вып. I.—С. 42—43.
- ³⁷. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Сб. документов.—Л., 1933.—Вып. 3.—Ч. I.—С. 178—180.
- ³⁸. Веселовский Н. И. Иван Данилович Хохлов.—СПб., 1891.—С. 3.
- ³⁹. Так же предполагал и Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие.—СПб., 1915.—С. 4.
- ⁴⁰. Веселовский Н. И. Прием в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII—XVIII столетиях. По документам Московского главного архива Министерства иностранных дел.—СПб., 1884.—С. 3.
- ⁴¹. Там же.—С. 4.
- ⁴². Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии.—М.: Наука, 1974.—С. 17—18.
- ⁴³. Энгельс Ф. Продвижение России в Среднюю Азию //Маркс К., Энгельс Ф. Соч.—Т. 12.—С. 615.
- ⁴⁴. Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России //Сочинения.—М., 1977.—Т. IX.—С. 392—393.
- ⁴⁵. Мейендорф К. Е. Путешествие из Оренбурга в Бухару.—М.: Наука, 1975.—С. 122.
- ⁴⁶. Соколов Д. Н. Оренбургская губерния.—М., 1916.—С. 89.
- ⁴⁷. Михалева Г. А. Торговые и посольские связи России со среднеазиатскими ханствами через Оренбург (вторая половина XVIII—первая половина XIX в.).—Ташкент: Фан, 1982.—С. 21.
- ⁴⁸. Фихнер М. В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в.—М., 1956.—С., 100.
- ⁴⁹. Волков О. И. Бухарцы и их торговля в Западной Сибири в XVII в. //Торговля городов Сибири конца XVI—начала XX вв. Сб. статей.—Новосибирск, 1987.—С. 193.
- ⁵⁰. Бахрушин С. В. Народы Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока XIV—XV вв. //Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв.—М., 1953.—Ч. II.—С.—462—464.
- ⁵¹. Михалева Г. А. Торговые и посольские связи России со среднеазиатскими ханствами через Оренбург.—С. 24.
- ⁵². Россель П. Среднеазиатская культура и наша политика на Востоке //Вестник Европы.—СПб., 1878.—Кн. 6.—С. 589.
- ⁵³. Матвиевский П. Е. Россия и среднеазиатские народы в годы войны с Наполеоном //Учен. зап. Чкаловского госпед. ин-та.—Чкаловск, 1956.—Вып. 8.—С. 99—140.
- ⁵⁴. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.—2-е изд.—Т. 22.—С. 29.
- ⁵⁵. Михалева Г. А. Торговые и посольские связи России со среднеазиатскими ханствами через Оренбург.—С. 40.
- ⁵⁶. Там же.—С. 44.
- ⁵⁷. Матвиевский П. Е. Оренбургский край в Отечественной войне в 1812 г. //Учен. зап. Чкаловского госпед. ин-та.—Чкаловск, 1962.—Вып. 17.—35.
- ⁵⁸. Михалева Г. А. Торговые и посольские связи России со среднеазиатскими ханствами через Оренбург.—С. 52.

- ⁵⁹. Небольсин П. И. Очерки торговли России со Средней Азией // ЗИРГО.— СПб., 1856.— Т. X.— С. 22—23.
- ⁶⁰. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 22.— С. 16.

ГЛАВА II.

- ¹. Дьяконов М. А. Путешествия в Среднюю Азию от древнейших времен до наших дней.— Л., 1932.— С. 7.
- ². Дженкинсон А. Путешествие в Среднюю Азию в 1557—1559 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.— М., 1937.— С. 62—80; 167—180.
- ³. Там же.— С. 182—188.
- ⁴. Там же.— С. 189—192.
- ⁵. Память из посольского приказа казанским воеводам о пропуске бухарского и хивинского послов Мухаммед-Али и Ходжа-Мухаммеда // Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР.— Л., 1932.— Вып. 3.— Ч. I.— С. 91.
- ⁶. Бахрушин С. В. Иван Грозный.— Л., 1945.— С. 46.
- ⁷. Григорьев В. В. Русская политика в отношении Средней Азии.— СПб., 1862.— С. 4.
- ⁸. Там же.— С. 7.
- ⁹. Книга глаголеия Большого Чертежа, изданная М. Ф. Спасским.— М., 1846.
- ¹⁰. Макшеев А. И. Географические сведения Книги Большого Чертежа о Киргизских степях и Туркестанском крае.— СПб., 1878.— 30 с.
- ¹¹. Данные о посольстве И. Д. Хохлова содержатся в Сборнике князя Хилкова.— М., 1879.— С. 388—445.
- ¹². Дьяконов М. А. Путешествие в Среднюю Азию от древнейших времен до наших дней.— С. 38. Заруцкий Иван Мартынович (1614), донской атаман. В 1606—1607 гг. примыкал к И. И. Болотникову, в 1608—1610 гг. боярин Лжедмитрия II. В 1611 г. один из руководителей Земского ополчения, после распада которого выдвигал на русский престол Сидорку, затем сына М. Мнишек. В 1613—1614 гг. возглавлял крестьянско-казачье движение на Дону и в Нижнем Поволжье. Выдан правительству яицкими казаками. Казнен в 1614 г.
- ¹³. Там же.— С. 41.
- ¹⁴. Панков А. В. К истории торговли Средней Азии с Россией в XVI—XVII вв.— С. 40; Веселовский Н. И. Прием в Россию и отпуск среднеазиатских послов в XVII и XVIII столетиях.— СПб., 1884.— С. 22—24.
- ¹⁵. Веселовский Н. И. Иван Аднилович Хохлов.— СПб., 1891.
- ¹⁶. Веселовский Н. И. Прием в Россию и отпуск среднеазиатских послов в XVII и XVIII столетиях. По документам Московского главного архива Министерства иностранных дел.— СПб., 1884.— С. 22—24.
- ¹⁷. Там же.— С. 28.
- ¹⁸. Панков А. В. К истории торговли Средней Азии с Россией XVI—XVII вв.— С. 42—43.
- ¹⁹. Статейный список Б. Пазухина // Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Узбекской ССР.— Л., 1932.— Вып. 3.— Ч. I.— С. 219—223.
- ²⁰. По происхождению иранец, принял христианство и поступил на русскую службу.
- ²¹. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР.— С. 226—228; Пособие к Лекциям по истории Востока.— СПб., 1901.— С. 64—65.
- ²². Минаев И. П. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи.— СПб., 1879.— Приложения.— С. 217—228.

- ²³. Соловьев С. М. История России с древнейших времен.— М., 1963.— Т. 18.— С. 345.
- ²⁴. Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718—1725 годах.— М.: Наука, 1986.— С. 10—11.
- ²⁵. Инструкция секретарю экспедиции Ориентальной Флорио Беневени //Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718—1725 годах.— Приложение.— С. 136—137.
- ²⁶. Посланник Петра I на Востоке.— С. 75—80; 82—96; 119—135.
- ²⁷. Там же.— С. 130—131.
- ²⁸. Там же.— С. 130.
- ²⁹. Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России //Сочинения.— М., 1971.— Т. 9.— С. 395.
- ³⁰. Посланник Петра I на Востоке.— С. 130.
- ³¹. Веселовский Н. И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве.— СПб., 1877.— С. 178.
- ³². После смерти Мухаммеда Рахимхана в 1758 г. его дядя Даняр-бий аталык (1758—1785 гг.) взял всю власть в свои руки, а формально на престол поставил внука Абулфайзахана (1711—1747 гг.)— Абулгази.
- ³³. Странствование Филиппа Ефремова в Киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете и Индии и возвращение его оттуда через Англию в Россию.— Казань, 811.
- ³⁴. Шукуров М. Р. Дореволюционные русские исследователи страны таджиков //Из истории культурного строительства в Таджикистане.— Душанбе, 1973.— Вып. IV.— С. 7—9.
- ³⁵. Странствование Филиппа Ефремова.— С. 1.
- ³⁶. Кер Георгий Яковлевич (1692—1740) — знаменитый немецкий востоковед, первый в Европе на анализе 18 монет в 1724 г. дешифровал арабский куфический шрифт, показав, что это лишь разновидность обычного арабского письма, а не особый шрифт, как думали до того. Был учеником араба-дамаскинца Саламон Негри //Крачковский И. Ю. Избранные сочинения.— М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1958.— Т. У.— С. 36—37.
- ³⁷. Григорьев В. В. Россия и Азия. Сборник исследований и статей по истории, этнографии и географии, написанных в разное время— СПб., 1876.— С. 127.
- ³⁸. Дорн Б. А. (1805—1881) — официальный преемник Френа. Приехал из Харькова в С.—Петербург в 1835 г., сперва как профессор Ученого отделения Министерства иностранных дел, в 1839 г. стал адъюнктом Академии Наук, а в 1842 г. в звании академика сменил Френа на посту директора Азиатского музея. Свыше чем 45-летнюю работу в Петербурге он делил между Академией и Публичной библиотекой.
- ³⁹. Григорьев В. В. Россия и Азия.— С. 127—128.
- ⁴⁰. Рачинский Александр Викторович. На обеде К. П. фон-Кауфмана в Москве 12 мая 1876 г. Б. М. и Г. И.— II с. (Хранится в Библиотеке В. И. Ленина г. Москвы).— С. 5—6.
- ⁴¹. Там же.— С. 6—7.
- ⁴². Лунии Б. В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении.— Ташкент: Наука, 1964.— С. 28.
- ⁴³. Макшеев А. И. Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае.— СПб., 1868.— С. 17.
- ⁴⁴. Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии.— М.: Наука, 1968; Пребывание русских в Коканде. Извлечение из Записки г-на Назарова, изданных в нынешнем году на иждивении господ. канцлера графа Н. П. Румянцева //Востник Европы.— М., 1821.— Ч. 121.— № 24.— С. 331—339.
- ⁴⁵. Там же.— С. 53—54.

46. Мухтаров А. Дильшод и ее место в истории общественной жизни гаджикского народа в XIX—начале XX вв.—Душанбе: Дониш, 1969.—С. 13.

47. Путешествие из Оренбурга в Бухару 1820 года бароном Мейендорфом //Русский инвалид.—СПб., 1827.—№ 16.—21 февр.—С. 179—180; № 47.—22 февр.—С. 187—188; № 48.—27 февр.—С. 190—192.

48. Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. Под ред. Н. А. Халфина.—М.: Наука, 1975.—181 с.

49. Военный журнал.—1831.—№ IV.—С. 102—139; № V.—С. 43—70.

50. Записки о Кокандском ханстве хорунжего Потанина (1830 года) с примеч. и дополн. П. С. Савельева //Вестник Русского географического общества.—СПб., 1856.—Ч. 18.—Кн. 6.—С. 255—289.

51. Савельев П. С. Бухара в 1830 г.—СПб., 1836.—С. 26.

52. Записки о Бухарском ханстве. Под ред. Н. А. Халфина.—М.: Наука, 1983.—С. 147.

53. Там же.—С. 70.

54. Там же.—С. 74.

55. Там же.—С. 76.

56. Там же.—С. 107.

57. Там же.—С. 105—106.

58. Дьяконов М. А. Путешествия в Среднюю Азию от древнейших времен до наших дней.—С. 60.

59. Соловьев М. М. Экспедиция в Бухару в 1841—1842 гг. при участии натуралиста А. Лемана.—Л.: Изд-во АН СССР, 19365.—С. 17—18.

60. Там же.—С. 138—139.

61. Там же.—С. 17—18.

62. Там же.—С. 103—104.

63. Соловьев М. М. Экспедиция в Бухару в 1841—1842 гг. при участии натуралиста А. Лемана.—С. 76.

64. Там же.—С. 144—145.

65. Там же.—С. 146.

66. Там же.—С. 147—148.

67. Халфин Н. А., Рассадина Е. Ф. Н. В. Ханыков — востоковед и дипломат.—С. 22.

68. Соловьев М. М. Экспедиция в Бухару в 1841—1842 гг.—С. 176—177.

69. Горный журнал.—СПб., 1849.—Ч. 2.—Кн. 10.

70. 1675 г., 4 марта.—Расспросные речи бухарского посланника Ходжи Фарруха «на разговоре» с ближним боярином Артамоном Сергеевичем Матвеевым; 1671 г., 2 марта.—Запись «разговора» бухарского посла Муллы Фарруха с думным дворянином Артамоном Сергеевичем Матвеевым о многих вопросах внешней политики и внутреннего быта Бухарского ханства; Отписка от астраханских воевод об отпуске из Астрахани посла бухарского царя Надир Мухаммеда Кази Ногай и бухарского же гонца, посланного юргенческим царевичем Саитом сыном Араб-хана // Юлдашев М. Ю. К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией. в XVI—XVII вв.—Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1964.—Приложения.—С. 86—96.

71. Показания русских пленных, возвращенных из Бухары в 1858—59 гг., отобранные при Генеральном штабе Оренбургского корпуса //Галкин М. Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю.—СПб., 1868.—Приложения.—С. 213—240.

ГЛАВА III.

- ¹. Кунсткамера — от немецкого слова кабинет редкостей, музей.
- ². Станюкович Т. В. Кунсткамера Петербургской Академии наук.— М.— Л., 1953.— С. 31.
- ³. В настоящее время это здание занимает Музей этнографии АН СССР.
- ⁴. Рачинский А. В. На обеде К. П. фон-Кауфмана в Москве 12 мая 1876 г.— Б. М.— 11 с.
- ⁵. Там же.— С. 5—6.
- ⁶. Азбука профессора восточных языков при императорской Академии наук Георгия Яковлевича Кера. С подлинника, хранившегося в Русском отделе Библиотеки Московского Главного архива Министерства иностранных дел.— М., 1876.— С. 1.
- ⁷. Рачинский А. В. На обеде К. П. фон-Кауфмана в Москве 12 мая 1876 г.— С. 7.
- ⁸. Григорьев В. В. Россия и Азия.— С. 127—128. Л. И. Бакмейстер (1730—1806) был тогда инспектором Академической гимназии при Академии наук.
- ⁹. Тихонов Д. И. Из истории Азиатского музея //Очерки по истории русского дореволюционного востоковедения. Сбор. II.— М.: Изд-во АН СССР, 1956.— С. 455.
- ¹⁰. Савельев П. С. Краткое известие о жизни и трудах Френа.— Б. М. Б. Г.— С. 149—162.
- ¹¹. Там же.— С. 114.
- ¹². Там же.— С. 115.
- ¹³. Там же. С. 154—155.
- ¹⁴. Там же.— С. 159.
- ¹⁵. Там же.— С. 162.
- ¹⁶. Григорьев В. В. Жизнь и труды П. С. Савельева, преимущественно по воспоминаниям и переписи с ним.— СПб., 1861,— 304 с.
- ¹⁷. Драгоман — от французского слова — официальный переводчик при дипломатических представительствах и консульствах на Востоке.
- ¹⁸. Там же.— С. 68—69.
- ¹⁹. Там же.— С. 70.
- ²⁰. Там же.— С. 72.
- ²¹. Там же.— С.— С. 75.
- ²². Савельев П. С. Очерки Востока //Сын Отечества.— СПб., 1835, №№ 18, 19, 26, 35, 44; Бухара в 1835 году с присоединением известий обо всех европейских путешественниках, посетивших этот город до 1835 года включительно //Сын Отечества.— СПб., 1836.— Т. 181.— С. 249—265; Хива и хивинцы.— Б. М.— 1840.— 9 с.; О восточных монетах, находившихся в России, исследованных академиком Френом //ЖМНП.— СПб., 1842.— № 17.— С. 51—100; Клады с восточными монетами, находимые в России //С.—Петербург. вед.— 1842.— №№235—238; Краткое известие о жизни и трудах Френа.— Б. М. и Б. Г.— С. 149—162; Известия о древних редкостях в Самарканде //С.—Петербург. вед.— 1841.— № 179; О жизни и трудах барона Сильвестра де Сасси.— СПб., 1839.— 48 с.; О жизни и трудах О. И. Сенковского //Собр. соч. Сенковского (барона Брамбеуса).— СПб., 1858.— Т. I.— С. XI—XII; о жизни и трудах Ф. Ф. Шармуа. СПб., 1845.— 98 с.; Средняя Азия //Туркестанский сборник.— 1870.— Т. 36.— С. 287—328 и др.
- ²³. Савельев П. С. О важности изучения восточной нумизматики и археологии в России.— СПб., 1847.— 14 с.

24. **Срезновский И. И.** Чтение в память П. С. Савельева в заседании Археологического общества 25 мая 1859 г.—СПб., 1861.—С. 4.
25. Там же.—С. 14.
26. Русский инвалид.—СПб., 1827.—21, 22 и 23 февр.
27. Книга для чтения.—СПб., 1834.—Т. 6.—№ 6.—С. 105—136.
28. **Мейендорф Е. К.** Путешествие из Оренбурга в Бухару. Под ред. Н. А. Халфина.—М.: Наука, 1975.—181 с.
29. Там же.—С. 95.
30. Там же.—С. 103.
31. Там же.—С. 105.
32. Там же.—С. 106.
33. Там же.—С. 111.
34. Там же.—С. 13.
35. Там же.—С. 77.
36. Там же.—С. 48.
37. Там же.—С. 60.
38. Более подробно см.: Халфин Н. А. Николай Владимирович Ханьков //Ханьков Н. Экспедиция в Хорасан.—М.: Наука, 1973.—С. 5—23; Халфин Н. А., Рассадина Е. Ф. Н. В. Ханьков — востоковед и дипломат.—М.: Наука, 1977.—277 с.; Лунин Б. В. Историография общественных наук в Узбекистане. Био-библиографические очерки.—Ташкент: Фан, 1974.—С. 356—363.
39. Николай Владимирович Ханьков. [Некролог] //Вестник Европы.—СПб., 1878.—№ 12.—С. 911—919.
40. **Макшеев А. И.** Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских.—С. 148.
41. Очерк истории Министерства иностранных дел. 1802—1902.—СПб., 1843.—279 с. С картой Бухарского ханства и планом г. Самарканда.
43. **Халфин Н. А., Рассадина Е. Ф. Н. В. Ханьков** — востоковед и дипломат.—С. 26.
44. **Савельев П. С.** Восточные литературы и русские ориенталисты//Вестник Европы.—СПб., 1856.—Т. 2.—Апрель.—Кн. 2.—С. 276.
45. АВПРМИДСССР.—Главный архив 1—5.—Д. 1840.—5.—Л. 138.
46. **Бартольд В. В.** История изучения Востока в Европе и России.—С. 256.
47. Более подробно анализ исторических сведений см.: Бокиев О. Б. Освещение истории Таджикистана в трудах русских дореволюционных востоковедов //Из истории культурного строительства в Таджикистане (Сборник статей).—Душанбе, 1970.—Вып. II.—С. 136—137.
48. **Ханьков Н. В.** Описание Бухарского ханства.—С. I.
49. О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре. Записки Мирзы Шамса Бухари, изданные в тексте, с переводом и примечаниями В. В. Григорьева.—Казань, 1861.—125 с.
50. **Мухтаров А.** Дильшод и ее место в истории общественной мысли таджикского народа в XIX—начале XX вв.—Душанбе: Дониш, 1969.—С. 181—205.
51. **Рахматов И.** Нухай тозаи «Зафарномаи хусрави» //ИООН АН Тадж. ССР.—Душанбе, 1989.—№ 2.—С. 28—31; Он же. «Зафарномаи Хусрави» — как источник по истории Средней Азии и Афганистана (перв. половина XIX в.). Автореф. дис... канд. ист. наук.—Душанбе, 1988.—18 с.
52. **Бокиев О. Б.** Вопрос о формах землевладения на территории Таджикистана в освещении русских востоковедов //ИООН АН Тадж. ССР.—Душанбе, 1967.—№ 4(50).—С. 78—80; Он же. Земельный вопрос в освещении русских дореволюционных востоковедов // Учен. зап. истор. ф-та Тадж. гос. ун-та.—Душанбе, 1973.—Вып. I.—С. 42—63; О же. Со-

- циально-экономическое положение Таджикистана в дореволюционной русской историографии.— Душанбе: Ирфон, 1976.— С. 7—124. и др.
53. Журнал Министерства внутренних дел.— СПб., 1844.— Ч. 6.— С. 340—354.
54. Там же.— Ч. 8.— С. 3—60.
55. Ханьков Н. Самарканд (рассказ очевидца).— СПб., 1868.— 16 с.
56. Два рассказа Мирзы Шамса Бухари.— Отд. оттиски из VIII части Трудов ВОИАО.— СПб., 1856.— 18 с.
57. Поездка миссионера Вольфа в Вухару //Русский инвалид.— 1845.— № 216.— 17 сент.
58. Чихачев П. О исследовании вершин Сыр—и Аму-Дарьи и нагорной площади Памира.— СПб., 1848.— 32 с.
59. Там же.— С. 9.
60. Там же.— С. 24.
61. Там же.— С. 31.
62. ЗИРГО.— СПб., 1849.— Кн. 3.— С. 176—216.
63. Лунин Б. В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении.— Ташкент, 1965.— С. 381.
64. ЦГВИА(М.).— Ф. ВУА.— Ед. хр. 1954.— Лл. 1—47 с обеих сторон.
65. ЗРГО.— СПб., 1842.— Кн. 3.— С. 177.
66. Там же.— С. 196—197.
67. О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре. Записки Мирзы-Шамса Бухари, изданные в тексте с переводом и примеч. В. В. Григорьевым.— Казань, 1861.— С. IV—XII.
68. Лунин Б. В. Историография общественных наук в Узбекистане. Био-библиографические очерки.— Ташкент: Фан, 1974.— С. 149.
69. В. В. Григорьев (1816—1881 гг.). [Некролог] //Историческая записка о деятельности Императорского Московского Археологического общества за первые 25 лет существования.— М., 1890.— С. 124—127.
70. Веселовский Н. И. В. В. Григорьев по его письмам и трудам. 1816—1881.— СПб., 1887; Бартольд В. В. Материалы для истории факультета восточных языков.— СПб., 1909; Якубовский А. Ю. Из истории изучения монголов периода XI—XIII вв. //Очерки по истории русского востоковедения.— М., 1953.— Т. I.— С. 31—95; Лунин Б. В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент, 1965.— С. 89—91; Он же. Историография общественных наук в Узбекистане.— Ташкент: Фан, 1974.— С. 149—159; Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период.— Л., 1972.— С. 3—6; 139—141.
71. История монголов с древнейших времен до Тамерлана. Перевод с персидского В. В. Григорьева.— СПб., 1834.— 158 с.
72. ЦГИА СССР (Л.).— Ф. 853.— Оп. I.— Ед. хр. 2.— Л. 1
73. История монголов с древнейших времен до Тамерлана.— С. 109—118.
74. ЦГИА СССР (Л.).— Ф. 853.— Оп. I.— Ед. хр. 224.— Лл. 1—3 об.
75. Там же.— Ф. 853.— Оп. I.— Ед. хр. 219.— Лл. 1—5 об.
76. Там же.— Ф. 853.— Оп. I.— Ед. хр. 220.— Лл. 1—9 об.
77. Там же.— Ф. 853.— Оп. I.— Ед. хр. 53.— Лл. 4—5 об.
78. Тр. ВОИАО.— СПб., 1855.— Вып. I.— Ч. II.— С. 113.
79. Записки Одесского общества истории и древностей.— Одесса, 1842.— Т. I.— С. 107—169.
80. Григорьев В. В. Россия и Азия.— СПб., 1876.— 107—169.
81. Там же.— С. 114—115.
82. Григорьев В. В. О скифском народе саках.— СПб., 1871.— 110 с.
83. О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре. Записки

Мирзы Шамса Бухари, изданные в тексте с переводом и примечаниями В. В. Григорьевым.— Казань, 1861.— С. 1—42; 42—109.

⁸⁴. Там же.— С. IV.

⁸⁵. Хрисанф — Митрополит Новопатрасский. О странах Средней Азии, посещенных им в 1779 годах. С введен. и объяснениями В. В. Григорьева.— М., 1861.— 28 с.

⁸⁶. Синод, от греческого слова «собрание», был введен в России в 1717—1917 гг. Петром I как высший государственный орган по делам православной церкви.

⁸⁷. Хрисанф — Митрополит Новопатрасский. О странах Средней Азии.— 16—28.

⁸⁸. Якубовский А. Ю. Из истории изучения монголов периода XI—XIII вв. // Очерки по истории русского востоковедения.— М., 1953.— С. 49.

⁸⁹. Там же.

⁹⁰. Веселовский Н. И. В. В. Вельяминов-Зернов (1830—1904) [Некролог] // Журнал Министерства народного просвещения.— СПб., 1904.— Ч. СССР II.— Апрель.— С. 197—198.

⁹¹. Лунин Б. В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении.— С. 91—93; Он же. Историография общественных наук в Узбекистане.— С. 122—125.

⁹². Вельяминов-Зернов В. В. Исторические известия о киргизкайсаках и сношениях России с Средней Азией со времени Абул-Хайрхана (1747—1765 гг.).— Уфа, 1853.— Т. 1.— 131 с. с картой.

⁹³. Веселовский Н. И. В. В. Вельяминов-Зернов (1830—1904) // ЖМНП.— СПб., 1904.— Ч. ССCL II.— Апрель.— С. 199.

⁹⁴. ВРГО.— СПб., 1856.— Ч. 18.— Кн. V.— С. 107—152.

⁹⁵. Вельяминов-Зернов В. В. Исторические известия о Кокандском ханстве, от Мухаммеда-Али до Худояр-хана.— СПб., 1856.— 42 с.

⁹⁶. ЗРАО.— СПб., 1859.— Т. XIII.— С. 326—327.

⁹⁷. Вельяминов-Зернов В. В. Замечание В. В. Вельяминов-Зернова по поводу статьи его «Монеты бухарские и хивинские» // ИРАО.— СПб., 1860.— Т. II.— С. 184.

⁹⁸. ВРГО.— СПб., 1856.— Ч. 18. Кн. IV.— С. 108.

⁹⁹. Там же.— С. 123—125.

¹⁰⁰. Тр. ВОИАО.— СПб., 1855.— Вып. I.— Ч. II.— С. 113—127.

¹⁰¹. ЗРГО.— СПб., 1849.— Кн. 3.— С. 176—216.

¹⁰². Вельяминов-Зернов В. В. Исторические известия о Кокандском ханстве, от Мухаммеда-Алия до Худояр-хана.— Приложение.— С. 25—42.

¹⁰³. Семенов А. А. Восточные рукописи в библиотеке покойного В. В. Вельяминова-Зернова // ИРАН.— Пг., 1919.— Сер. 6.— Т. 12.— С. 855—872.

¹⁰⁴. Там же.— С. 865—866.

ГЛАВА IV.

¹. Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466—1472 гг.— Л., 1958.

². Хождение на Восток Ф. А. Котова в первой четверти XVII века // Тр. ВОИАО.— СПб., 1892.— Т. XXI.— С. 1—11.

³. Волынский Артемий Петрович (1689—1740) — русский государственный деятель и дипломат. В 1719—1730 астраханский и казанский губернатор, с 1738 г. кабинет — Министр импер. Анны Ивановны. Противник «бироновщины», во главе кружка дворян составил проект государственного переустройства и был казнен.

4. Полное собрание законов Российской империи.—СПб., 1830.—Т. V.—С. 189.
5. Крачковский И. Ю. Избранные сочинения.—М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1958.—Т. V.—С. 33.
6. Остерман Андрей Иванович (1686—1747) — русский государственный деятель, дипломат, граф (с 1730). Род. в Вестфалии, на русской службе с 1703, член Верх. тайного совета, фактически руководитель внутренней и внешней политики России при Анне Ивановне (1730—1740). В 1741 г. сослан Елизаветой Петровной в Березов.
7. Веселовский Н. И. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России.—СПб., 1879.—С. 10.
8. Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики.—М., Л., 1950.—С. 47.
9. Там же.—С. 48.
10. Полный текст «Проекта об учреждении Московского университета опубликован в кн. Пенчко Н. А. Основание Московского университета.—М., 1953.—Приложение.—№ 2.—С. 151—160.
11. Стариков А. А. Восточная филология в Московском университете //Очерки истории русского дореволюционного востоковедения. Сбор. II.—М., 1960.—С. 147.
12. Юбилейный «Биографический словарь профессоров и преподавателей ИМУ».—М., 1855.—Ч. I.—С. 103.
13. Стариков А. А. Восточная филология в Московском университете //Очерки по истории русского востоковедения. Сбор. III.—С. 154.
14. Вестник Европы.—СПб., 1811.—№ 16.
15. Там же.—1815.—№ 5—6.
16. Шевырев С. История Императорского Московского университета.—М., 1855.—С. 449.
17. Гаффаров М. А. Образцы персидской письменности.—М., 1906.
18. Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики.—М., 1950.—С. 83.
19. Вестник Европы.—СПб., 1825.—№ 4.
20. Стариков А. А. Восточная филология в Московском университете //Очерки из истории русского дореволюционного востоковедения.—Сбор. III.—С. 158.
21. Шармуа Ф. Ф. (1793—1869) — профессор персидского языка в Петербургском университете и Учебном отделении института восточных языков Министерства иностранных дел, адъюнкт Академии наук. О нем будет сказано ниже.
22. Шмидт Я. И. (1779—1847) — академик, известный монголист.
23. Веселовский Н. И. В. В. Григорьев в его письмах и трудах.—СПб., 1887.—С. 17.
24. Крачковский И. Ю. Воспоминания в письмах П. Я. Петрова В. Г. Белинскому //Очерки по истории русского дореволюционного востоковедения. Сборн.—М.: Изд-во АН СССР, 1953.—С. 13.
25. Там же.—С. 15.
26. Восток.—1923.—Кн. 3.—С. 113—114.
27. Крачковский И. Ю. Воспоминания в письмах П. Я. Петрова В. Г. Белинскому //Очерки по истории русского дореволюционного востоковедения.—Сборн.—М., 1953.—С. 16.
28. Стариков А. А. Восточная филология в Московском университете //Очерки по истории русского дореволюционного востоковедения.—Сбор. III.—С. 160.
29. Русская старина.—СПб., 1876.—Т. XVII.—С. 394—399.
30. Там же.—С. 398.

31. Русский биографический словарь.— СПб., 1902.— С. 23.
32. ЖМНП.— СПб., 1837.— Т. XII.— № 2.— С. 548—555.
33. Материалы для истории писем восточных, греческих, римских и славянских.— М., 1855.— С. 37.
34. Пигулевская Н. Сирийские источники по истории народов СССР.— М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1941.— С. 91.
35. Второв И. А. Москва и Казань в начале XIX в. //Русская старина.— 1891.— № 4.— С. 17.
36. Загоскин И. История императорского Казанского университета за первые 100 лет его существования.— Казань, 1902.— Т. I.— С. 222.
37. Савельев П. С. О жизни и ученых трудах Френа //Тр. ВОИАО.— СПб., 1856.— Ч. II.— С. 6.
38. ЖДНП.— СПб., 1821.— Ч. II.— С. 56—58.
39. Шофман А. С., Шамов Г. Ф. Восточный разряд Казанского университета //Очерки по истории русского востоковедения.— М.: Изд-во АН СССР, 1956.— Сбор. II.— С. 424.
40. ЖМНП.— СПб., 1847.— Т. V.— Отд. IV.— С. 1—30.
41. Шофман А. С., Шамов Г. Ф. Восточный разряд Казанского университета //Очерки по истории русского востоковедения.— Сбор. II.— С. 424.
42. Савельев П. С. О жизни и ученых трудах Френа //ТВОИАО.— СПб., 1856.— Ч. II.— С. 19.
43. Очерки по истории русского востоковедения.— Сбор. II.— М. 1956.— С. 444.
44. Пигулевская Н. Сирийские источники по истории народов СССР.— С. 91.
45. Зиновьев А. Исторический очерк Лазаревского института восточных языков, с краткой биографией учредителя института и с приложением к биографии и очерку.— 2-е изд. М., 1853.— 145 с.
46. Базиянц А. П. Создание Института восточных языков в Москве (первая половина XIX в.) //Очерки по истории русского востоковедения.— Сбор. VI.— М., 1963.— С. 271—301.
47. Зиновьев А. Исторический очерк Лазаревского Института восточных языков.— С. 5—8.
48. Там же.— С. 29.
49. Там же.— С. 40.
50. Там же.— С. 58.
51. Собрание высочайших указов и актов, относящихся до Московского армянского Лазаревского Института восточных языков.— СПб., 1839.— С. 130.
52. Базиянц А. П. Создание Института восточных языков в Москве (первая половина XIX в.) //Очерки по истории русского востоковедения.— Сбор. VI.— С. 292.
53. Там же.
54. Собрание высочайших указов и актов, относящихся до Московского армянского Лазаревского института восточных языков.— СПб., 1839.— С. 144.
55. Там же.— С. 152.
56. Базиянц А. П. Создание института восточных языков в Москве (первая половина XIX в.) //Очерки по истории русского востоковедения.— Сбор. VI.— С. 296.
57. Там же.— С. 296—297.
58. Там же.— С. 297.
59. После создания Петербургской Академии наук из-за границы были приглашены многие ученые, преимущественно немцы, которые во время правления Анны Ивановны (1830—1840) пользовались преимуще-

ми при назначении на доходные и высокие должности. Время Анны Ивановны — годы немецкого засилья и ущемления национальных чувств русского народа. Одним из таких чиновников был Шумахер, немец по происхождению, вел антинациональную политику, фактически лично распоряжался Академией наук.

⁶⁰. Григорьев В. В. Имп. С.—Петербургского университета в течение первых пятидесяти лет его существования.—СПб., 1870.—С. 4.

⁶¹. История Ленинградского университета 1819—1969 гг. Очерки.—Л.: Изд-во ЛГУ, 1969.—С. 13.

⁶². Савельев П. С. О жизни и трудах Ф. Ф. Шармуа. СПб., 1845.—С. 1—10.

⁶³. Савельев П. С. О жизни и трудах О. И. Сенковского //Собрание сочинений Сенковского (барона Брамбеуса).—СПб., 1868.—Т. I.—С. XI—XII.

⁶⁴. Там же.—С. 49—50.

⁶⁵. Оранский И. М. Изучение истории таджикского и персидского языков в Петербургском университете //Очерки по истории русского дореволюционного востоковедения.—Сбор. IV.—М., 1959.—С. 143.

⁶⁶. Историческая записка о деятельности Императорского Московского археологического общества за первые 25 лет существования.—М., 1890.—С. 26.

⁶⁷. ЦГИА СССР (Л.).—Ф. 853.—Оп. I.—Ед. хр. 11.—Лл. 2—3.

⁶⁸. Крачковский И. Ю. Избранные сочинения.—М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1958.—Т. V.—С. 74.

⁶⁹. ЦГИА СССР (Л.).—Ф. 833.—Оп. I.—Ед. хр. II.—Лл. 3—3 об.

⁷⁰. Там же.—Ф. 853.—Оп. I.—Ед. хр. 109.—Лл. 4—5 об.

⁷¹. Там же.—Ф. 853.—Оп. I. Ед. хр. 109.—Л. I.

⁷². Историческая записка о деятельности Императорского Московского археологического общества за первые 25 лет существования.—С. 135.

⁷³. История Ленинградского университета 1819—1969.—С. 135.

⁷⁴. Григорьев В. В. Имп. С.—Петербургский университет в течение первых 50 лет его существования.—СПб., 1870.—135.

⁷⁵. Университетский устав 1863 г.—СПб., 1863.—С. 101.

⁷⁶. История Академии наук СССР (1803—1917).—М.—Л., 1964.—Т. 2.—С. 633—634.

⁷⁷. ЦГИА СССР (Л.).—Ф. 853.—Оп. I.—Ед. хр. 105.—Л. I.

⁷⁸. Там же.—Л. 2.

⁷⁹. Историческая записка о деятельности Императорского Московского археологического общества.—С. 127.

⁸⁰. Гулевич С. Историческая записка о 50-летию Московской второй гимназии, 1835—1885.—М., 1885.—С. 228.

⁸¹. Языков Д. Д. Русские писатели, умершие в 1885 г.—СПб., 1886.—С. 43; Нева.—СПб., 1883.—№ 26.

⁸². Библиографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.—Петербургского университета.—СПб., 1896.—Т. I.—С. 347.

⁸³. Оранский И. М. Изучение истории таджикского и персидского языков в Петербургском университете // Очерки по истории русского востоковедения. Сбор. IV.—М., 1959.—С. 138.

⁸⁴. Русский Вестник.—1862.—Т. 37.—№ 2.—С. 828.

⁸⁵. Нева.—СПб., 1883.—№ 26.

⁸⁶. Шофман А. С. К. А. Коссович как востоковед //Очерки по истории русского востоковедения.—Сбор. VI.—М., 1963.—С. 266.

⁸⁷. Материалы для истории факультета восточных языков.—СПб., 1906.—Т. II.—С. 295—297.

⁸⁸ Оранский Н. М. Изучение истории таджикского и персидского языков // Очерки по истории русского востоковедения.— Сбор. IV.— М., 1959.— С. 138.

⁸⁹ Финский вестник.— 1847.— Т. XVI.— № 4.— С. 18—19.

⁹⁰ Григорьев В. В. О скифском народе саках.— СПб., 1971.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

I. Императорский С—Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. Историческая записка, составленная по поручению Совета университета ординарным профессором по кафедре истории Востока В. В. Григорьевым.— СПб., 1870.— С. 52.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- АВЛОИВ АН СССР (Л) — Архив Востоковедов при Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР в г. Ленинграде.
- АВПР МИД СССР (М). — Архив внешней политики России при Историко-дипломатическом управлении Министерства Иностранных дел СССР в г. Москве.
- Бирж. вед. — газета Биржевые ведомости. — СПб.,
- ВИРГО — Вестник Императорского Русского географического общества. — СПб.
- ВОИАО — Восточный отдел Императорского Археологического общества. — СПб.
- ЖДНП — Журнал Департамента Народного Просвещения. — СПб.
- ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел. — СПб.
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. — СПб.
- ЗВОИРАО — Записки Восточного Отделения Императорского Русского археологического общества. — СПб.
- ЗИРГО — Записки Императорского Русского географического общества. — СПб.
- ЗМО — Записки Минерального общества. — СПб.
- ЗРГО — Записки Русского географического общества. — СПб.
- ИАН Тадж. ССР. — Известия Академии наук Таджикской ССР. — г. Душанбе.
- ИАН Уз. ССР. — Известия Академии наук. Узбекской ССР. — г. Ташкент.
- ИИРГО — Известия Императорского Русского географического общества. — СПб.
- ИКИАИ — Известия Кавказского Историко-археологического института. — г. Тифлис.
- ИОЛЕЭА — Известия Общества Любителей естествознания, этнографии и антропологии. — М.
- ИООН АН — Известия Отдела общественных наук АН Таджикской ССР. — Душанбе.
- ИРАН — Известия Российской Академии наук. — СПб.
- ИРАО — Известия Русского Археологического общества. — СПб.
- МСТК — Материалы для статистики Туркестанского края. — СПб.
- ОНУ — Общественные науки в Узбекистане. — Журнал. Ташкент.
- Тр. ВОИАО — Труды восточного отделения Императорского археологического общества. — СПб.
- ЦГВИА СССР (М.) — Центральный государственный военно-исторический архив СССР г. Москва.
- ЦГИА СССР (Л.) — Центральный государственный исторический архив СССР в г. Ленинграде.

Бокиев О. Б. Освещение истории таджиков и Таджикистана в трудах русских дореволюционных исследователей.— Душанбе, 1991.— 168 с.

Предлагаемая монография является первой попыткой всестороннего и полного рассмотрения русской дореволюционной историографии изучения и освещения истории таджиков и Таджикистана. В монографии с позиции марксистско-ленинской методологии и критического подхода подвергаются объективному историографическому анализу труды русских дореволюционных исследователей и будет показан их вклад в изучение истории и языка таджикского народа с момента становления русского дореволюционного востоковедения до завоевания Средней Азии Россией.

Настоящее исследование рассчитано на научных работников, историков, востоковедов, аспирантов, учителей истории и обществоведения средних школ и широкий круг читателей, интересующихся историей таджиков и других народов Средней Азии и сопредельных стран Востока.

Ответственный редактор: член-корреспондент АН Тадж. ССР, доктор исторических наук, профессор **Р. М. Масов.**

Рецензенты академик АН Тадж. ССР, доктор исторических наук, профессор **А. М. Мухтаров**, доктор исторических наук, профессор **Н. М. Акрамов**, кандидат исторических наук **Е. А. Ермухаммадов** и кандидат исторических наук **С. К. Кошкина.**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3—16
Глава I. Русско-среднеазиатские связи с древнейших времен до середины XIX в.	16—39
Глава II. Сбор исторических сведений о народах Средней Азии в России и его место в становлении и развитии русского востоковедения	39—68
Глава III. Освещение истории таджиков и Таджикистана в трудах русских дореволюционных востоковедов до присоединения Средней Азии к России	68—111
Глава IV. Изучение истории и языков народов Средней Азии в России	111—140
Заключение	141—147
Примечания	148—164
Список условных сокращений	165

О. Б. Бокиев

**Освещение истории таджиков и Таджикистана в трудах
русских дореволюционных исследователей**

Техредактор Н. Б. Шарипова

Сдано в набор 16.07.91 г. Подписано в печать 8.10.91. Зак. 1141. Тир. 1000.
Формат 60×84¹/₁₆. Печать высокая. Цена 6 руб. Объем 10,5 п. л.

**Межвузовская типография¹ при ТГУ им. В. И. Ленина, г. Душанбе,
ул. Лахути, 2.**

6 руб.